

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

2017

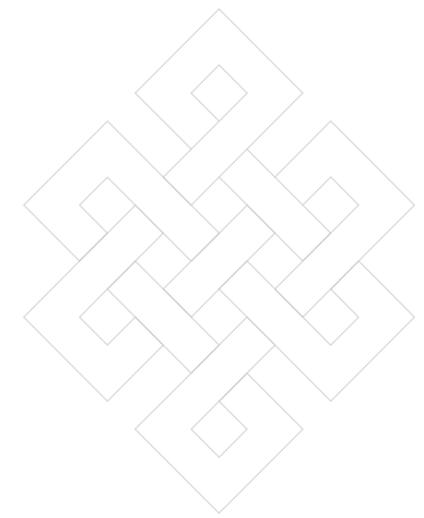
№ 1

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

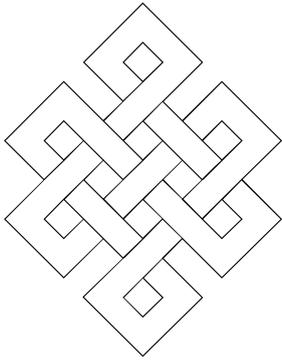
№1
2017

www.nit.tuva.asia

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2017

№ 1

www.nit.tuva.asia

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Левин Теодор, Дартмаус колледж, США
Юдин Борис Григорьевич, Институт философии Российской академии наук
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Бичелдей Каадыр-оол Алексеевич, Республика Тыва, Россия
Донахо Брайан, Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Мажитов Саттар Фазылович, Международный институт интеграции социогуманитарных исследований “Интеллект Орда”, Казахстан
Отрощенко Иванна Витальевна, Институт востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Луков Валерий Андреевич, Московский гуманитарный университет
Попков Юрий Владимирович, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Захаров-Гезехус Илья Артемьевич, Институт общей генетики им. Н. И. Вавилова Российской академии наук
Дацышен Владимир Григорьевич, Сибирский федеральный университет, Россия
Федотова Валентина Гавриловна, Институт философии РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хомушку Ольга Матпаевна, Тувинский государственный университет, Россия
Монгуш Марина Васильевна, Институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, Россия
Намруева Людмила Васильевна, Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук
Балакина Галина Федоровна, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук,
Сузукей Валентина Юрьевна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Харунова Марианна Монге-Байыровна, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Макаров Владимир Сергеевич, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна, Московский гуманитарный университет, Россия

Издатель - редакция журнала «Новые исследования Тувы».

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Индексация журнала: ПИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ.

В оформлении обложки номера использована фотография Надежды Сувандии, Тува, Россия

ISSN 2079-8482
 doi.org/10.25178/nit

EDITORIAL COUNCIL

Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Boris G. Yudin, The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Kaadyr-ool A. Bicheldey, Republic of Tyva, Russian Federation
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Sattar F. Mazhitov, International Institute for integration of social and humanitarian studies “Intellect Horde”, Kazakhstan
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Valery A. Lukov, Moscow University for the Humanities, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Il'ia A. Zakharov-Gezekhus, Vavilov Institute of General Genetics Russian Academy of Science, Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Valentina G. Fedotova, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation
Marina V. Mongush, D. Likhachev Institute Cultural and Natural Heritage, Russian Federation
Lyudmila V. Namrueva, Kalmyk Institute for the Humanities of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Valentina Yu. Suzukey, Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Marianna M.-B. Harunova, Tuva Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

CHIEF EDITOR

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow University for the Humanities, Russian Federation

Publisher - Editorial Board of the journal «The New Research of Tuva».

New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English.

The journal is published quarterly.

Indexing and archiving: RINTs, KiberLeninka, PKP Index, ERIH PLUS, Google Scholar, DOAJ.

Cover photo by Nadejda Suvandii (Tuva, Russia)

© Авторы статей
 © «Новые исследования Тувы», 2017 г., составление

Тема выпуска
**“Субэтнические
группы тувинцев:
история и современность”**

Special issue
**“Subethnic groups of Tuvans:
history and
contemporaneity”**

Этнос и общество

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ СУБЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП ТУВИНЦЕВ

Чимиза К. ЛамажааМосковский гуманитарный
университет

DOI: 10.25178/nit.2017.1.1

Ethnicity and Society

SUB-ETHNIC GROUPS OF THE TUVANS : PROBLEMS OF DEFINITION AND RESEARCH

Chimiza K. LamazhaaMoscow University
for the Humanities

В статье представлен анализ исследовательских проблем, связанных с изучением субэтнических групп тувинцев. Автор исходит из понимания сложности этнического состава тувинцев, обусловленного этнической и политической историей региона.

Проблематика субэтнической дифференциации, локальных этнических групп как составных частей этносов продолжает дискутироваться в российской этнографии, этнологии несколько десятилетий. В том числе есть разные трактовки понятия «субэтническая группа», ее характерных черт. В данной работе субэтническая группа рассматривается как общность людей, проживающая компактно и являющаяся органической частью своего этноса, обладающая групповыми особенностями культуры и осознающая свое отличие от остальной части этноса.

Обзор научных исследований по субэтническим группам тувинцев показывает нам отсутствие общего представления о том, сколько всего таких групп на сегодня насчитывается и какие группы следует считать субэтническими. Исследования советского времени концентрировались на теме консолидации тувинской нации, но одна из субэтнических групп (тувинцы-тоджинцы) также стала

The article examines the research issues of studying sub-ethnic groups of the Tuvans, We proceed from the fact that the ethnic structure of the Tuvans is complex, and this complexity is due to the intricate ethnic and political history of the region.

Problems of sub-ethnic differentiation and local ethnic groups as constituent parts of larger ethnicities have been debated in Russian ethnography and ethnology for a number of decades. Various interpretations of the term 'sub-ethnic group' have been suggested. We will construe it as a unity of people within a compact territory who view themselves as an organic part of their ethnicity, but recognize their difference from the rest of this ethnicity and have specific cultural features.

A review of existing body of research on sub-ethnic groups of the Tuvan has revealed that there is no consensus on how many such groups exist within the Tuvan nation, or even which of these should be considered sub-ethnic. Soviet-time studies originally focused on consolidated Tuvan nation, but since the

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5, корп. 6. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: lamajaa@tuva.asia

Lamazhaa Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Deputy Director, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: lamajaa@tuva.asia

активно изучаться с 1950-х гг. Зарубежные тувинцы в это время изучались представителями зарубежной науки. Тема субэтнических групп актуализировалась в постсоветское время. В российском тувиноведении в сотрудничестве с учеными Монголии сложилось целое «южное» направление исследований субэтнических групп тувинцев Монголии и Китая. Менее масштабно ведутся исследования в «северном» направлении — в Красноярском крае, где в районе реки Ус проживают усинские тувинцы. Тувинцы-тоджинцы стали объектом внимания прежде всего зарубежных антропологов как коренной малочисленный народ.

Исследовательские проблемы формулируются следующие: недостаточная теоретическая обоснованность таксономических единиц, неравномерное исследование разных субэтнических групп, отсутствие сравнительных исследований, фрагментарность общих знаний по тувинцам Монголии, целесообразность раздельного рассмотрения этнографической и этнической групп по таким основаниям, как отдельная территория проживания и участие в процессе консолидации этноса, история выделения субэтнических групп на фоне этнополитической истории тувинцев Тувы.

Автор предлагает рассматривать как субэтнические группы и тувинцев-тоджинцев, и усинских тувинцев, и группы тувинцев в Монголии (цаатаны, дархаты, урянхайцы) и в Китае. Необходим диалог между исследователями разных субэтнических групп тувинцев, начиная от решения общих теоретических вопросов. Научное знание, направление на изучение сохранности традиционной тувинской культуры, также должно решать социальную миссию по сохранению и развитию традиций, напоминает автор.

Ключевые слова: субэтнические группы; субэтнические группы тувинцев; этнолокальные группы; усинские тувинцы; тувинцы Монголии; тувинцы Китая; тувинцы-тоджинцы; этнографические термины

1950s Tojin Tuvans have been studied as a separate sub-ethnicity. Meanwhile, Tuvans living outside the USSR were studied by foreign scholars. In the post-Soviet years, the issue of sub-ethnicities has been revitalized. Russian and Mongolian scholars have created a whole new 'Southern' direction in the study of Tuvan sub-ethnic groups in Mongolia and China. The 'Northern' direction is pursued less actively, with a body of Usinsk Tuvans living in the basin of the Us river in Krasnoyarskii Krai. Tojin Tuvans have attracted the attention primarily of foreign anthropologists as an indigenous minority.

In the article, we focus on a number of research problems. The taxonomic units in the study of the sub-ethnicities have not received ample theoretical foundation. Various sub-ethnic groups have got unequal attention from scholars. There is a pronounced absence of comparative studies, and the information of Mongolian Tuvans is still fragmentary. It is unproductive to study ethnographic and ethnic groups separately by their territories and roles in the consolidation of their ethnicity. The history of structuring sub-ethnicities needs clarification against the general background of the ethnopolitical history of the Tuvans.

We suggest that the Tojin Tuvans, Usinsk Tuvans, and the Mongolian Tuvans (Tsaatans, Darkhats and Uriankhais), as well as those in China, should all be viewed as sub-ethnic groups. A comprehensive dialogue on every aspect, starting from common theoretical background, has to be started between researchers working with various sub-groups of the Tuvans. Scholarship aimed at studying the preservation of traditional Tuvan culture must also fulfil the social mission of preserving and developing Tuvan traditions.

Keywords: sub-ethnic groups; sub-ethnic groups of the Tuvans; ethnolocal groups; Usinsk Tuvans; Tuvans in Mongolia; Tuvans in China; Tojin Tuvans; ethnographic terminology

Введение

Этнический состав тувинцев достаточно сложный, также, как и любой другой этнос с длительной историей формирования. Помимо собственно тувинцев научное знание выделяет и отдельные — субэтнические или этнолокальные — группы тувинцев, исследуя особенности их истории, в том числе выделения от основного этнического массива, сравнительное рассмотрение состояния традиционной культуры с «материнским» этносом и другими субэтническими группами, общие вопросы сохранности и перспективы развития традиционной культуры у данных групп.

Данный аспект этнических процессов в тувиноведении актуализировался в общем русле того, что стало обсуждаться в российской науке с конца 1990-х — начала 2000-х годов. По вопросам субэтнических групп, субэтнических идентичностей населения российских регионов, в национальных республиках опубликовано много статей, монографий, а также защищены диссертационные исследования. Авторы пишут о субэтнусах бурят (Доржиева, 2005; Трегубова, 2011b), калмыков (Гоголданова, 1994; Болдырева, 2009; Намруева, 2015; Бакаева, 2010), алтайцев (Чемчиева, 2012; Нечипоренко, 2014), абазин (Камбачокова, 2013) и др. Работы показывают интерес исследователей к проблематике внутриэтнического разнообразия, актуализации темы групп в составе этносов.

Имея в виду основные теоретические положения в вышеназванных и других работах, а также изучив публикации, посвященные субэтническим группам тувинцам, нам было хотелось сформулировать важные исследовательские проблемы тувиноведения, до сих пор не поднятые и очевидно требующие комплексного подхода, объединенных усилий представителей самых разных дисциплин.

Проблема субэтнических групп

Проблематика субэтнической дифференциации обсуждалась теоретиками отечественной этнографии еще с 1980-х гг. Тема поднималась в трудах Ю.В.Бромлея (Бромлей, 1983), Л. Н. Гумилева (Гумилев, 1993) и др. авторов. Термины, которыми исследователи означали составляющие этносов, использовались разные: «этническая группа», «этнографическая группа», «малая группа», «этнолокальная группа», «субэтническая группа» и др. Из них самым востребованным у авторов по вполне понятным причинам стала последняя — субэтническая группа. Однако, единой трактовки у термина как не было ранее, так нет и сейчас (Логинов, 2009: 58–59; Трегубова, 2011a).

Например, Ю. В. Бромлей к субэтническим группам предложил относить «отмеченные специфическими чертами культуры совокупности людей внутри этносов, которые обладают самоназванием» (Бромлей, 1983: 85). По Л. Н. Гумилеву, субэтнос — этническая система, выделяющаяся внутри этноса своим стереотипом поведения и противопоставляющая себя окружению на основе взаимной комплиментарности составляющих ее членов. Группа объединенных субэтносов образует этнос, интеграция этносов — суперэтнос, то есть группу этносов, возникших в одном регионе и противопоставляющих себя другим суперэтносам (Гумилев, 1993).

В. К. Козлов субэтническую группу определил, как «общность людей, составляющую часть этноса, занимающую компактную территорию и обладающую в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего самосознания этнического» (Козлов, 1994: 461). При этом, автор указывает на опреде-

ленный эволюционный этап развития этноса, с которого можно говорить об образовании субэтнических групп. По его мнению, происходит это вследствие неполной консолидации этноса или в результате сепарации, например, при миграции части этноса (там же). Остаточным явлением субэтнических групп В. В. Козлов называет этнографические группы, хотя в дальнейшем они могут снова превратиться в субэтническую группу (там же: 466).

В этом же духе дано определение в глоссарии Российского этнографического музея (Кунсткамеры): субэтническая группа (субэтнос) — это «общность людей, которая проживает компактно и является органической частью своего этноса, но обладает групповыми особенностями культуры и осознает свое отличие от остальной части общества. В отличие от этнографической группы субэтническая обладает самоназванием и как бы двойственным самоназванием — принадлежности к этносу и субэтносу одновременно (казаки в составе русских, нагайбаки в составе татар). По происхождению субэтноты могут возникнуть в результате территориального обособления части этноса, например, колымчане у русских (этно-территориальные группы); быть остатками прежнего родоплеменного деления, например, тоджинцы у тувинцев, или возникнуть в результате незавершенности процесса ассимиляции этноса или его части другой этнической общностью, например, мещера в составе русских (этногенетические группы); возникнуть в результате особого социального статуса, например, тептяри у волго-камских татар (этносоциальные группы)» (Субэтническая ... , Электр. ресурс).

В нашей работе мы будем придерживаться определения субэтнической группы как общности людей, проживающей компактно и являющейся органической частью своего этноса, обладающей групповыми особенностями культуры и осознающей свое отличие от остальной части этноса.

Современные авторы трактуют составные группы изучаемых этносов по-своему, а иногда и вовсе обходясь без теоретических обоснований, концентрируясь на полевых материалах. В итоге субэтнические группы в этих публикациях выступают как разные предметы или даже объекты. В одних исследованиях это группа с набором признаков, включая субэтническое самосознание, групповое народное наречие, групповое самосознание и компактную территорию проживания (Логинов, 2009: 59), в других — родоплеменная группа (Трегубова, 2011: 4), в третьих — этническая группа, признанная коренным малочисленным народом (Чемчиева, 2012: 5). Несмотря на разные представления о сути субэтносов как составных частей этносов, их основных характеристик, соотношения с другими составными группами, авторы сходятся на том, что этносы в целом — это сложные образования, имеющие мезоструктуру (термин А. А. Сусоколова, см.: Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998: 216–217).

Поскольку речь идет о составных частях сложных социальных образований, которые выделяются не только по наблюдаемым извне особенностям культурно-

хозяйственной жизни, но и по самоназванию общности, самоидентификации ее членов, проблема субэтнических групп имеет самые разные решения и видения. Проблема субэтнических групп тувинцев также многомерна и до сих пор не решалась комплексно, несмотря на ряд интересных исследований.

Изученность субэтнических групп тувинцев

Обзор отечественных научных исследований, посвященных субэтническим группам тувинцев, показывает нам отсутствие общего представления о том сколько всего таких групп на сегодня насчитывается и какие группы следует считать субэтническими.

В классических работах по этнографии тувинцев проблематика субэтнических групп тувинцев решалась очень мало и причина здесь понятна. Речь идет об исследованиях советских ученых, которые вслед за социальной практикой и для ее обоснования концентрировали усилия на теме консолидации тувинской нации (Потапов, 1969; Сердобов, 1971; Вайнштейн, 1973; Прокофьева, 2011 и др.). Приоритетным для этнографов было изучение процессов образования единого тувинского этноса в самой Туве и далее — согласно идеологическим установкам — формирования тувинского этноса как социалистического.

Тем не менее одна из локальных групп тувинцев, отличавшихся особенностями хозяйствования и проживавших обособленно — тувинцы-тоджинцы (оленеводы) — вошла в поле изучения этнографов практически сразу. Оленеводам было посвящено отдельное исследование С. И. Вайнштейна, который побывал в отдаленном Тоджинском районе в начале 1950-х гг., защитил кандидатскую диссертацию по этнографии тувинцев-тоджинцев в 1956 г. и впоследствии издал монографию (Вайнштейн, 1961). Зарубежные тувинцы в советское время изучались прежде всего представителями зарубежной науки. В частности, алтайские тувинцы, проживающие в Монголии, в 1960–1980-е годы стали объектом для комплексного изучения этнографа, фольклориста Э.Таубе (Таубе, 1975, 1994; Taube, 1978 и др.). Среди монгольских ученых большой вклад в изучение тувинцев Монголии внес Ц. Бадамхатан (Бадамхатан, 1996 и др.).

В отечественной этнографии постсоветского времени традицию рассмотрения этноса тувинцев как имеющего однородный этнический состав продолжил М.Х.Маннай-оол (Маннай-оол, 2004). В своей монографии, посвященной общим вопросам этногенеза тувинцев, он лишь упоминает о том, что «в настоящее время отдельные этнические группы тувинцев проживают в северо-западной и северо-восточной частях Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая» (там же: 3). Правда, справедливости ради, надо подчеркнуть, что к исследованию тувинцев Монголии автор также отдельно обращался (Маннай-оол, 1995).

Общая историография изучения тувинцев Монголии, которая включает и дореволюционных авторов, и советских, и монгольских представлена в обзоре

Е. В. Айыжы (Айыжы, 2013); аналогичная работа по тувинцам Китая выполнена Б. Баярсайханом (Баярсайхан, 2015: Электр. ресурс), поэтому мы не будем углубляться в восстановление историографической линии. Только отметим работы, имеющие важное значение в свете общего представления о субэтнических групп тувинцев.

Наиболее обстоятельно локальные группы тувинцев Монголии и Китая исследовала уже в постсоветское время М. В. Монгуш, которая рассматривает тувинский этнос практически как разделенный на три части. В своей докторской диссертации 2005 г. она писала: «тувинский этнос расселен на территории трех соседствующих государств: России, Монголии и Китая» (Монгуш, 2005: 3). Это убеждение отражено и в названии одной из последних монографий автора «Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте» (Монгуш, 2010). Общая характеристика этнического состояния современных тувинцев характеризуется ею следующим образом: тувинцы «представляют собой этнос, состоящий из этнического ядра, сосредоточенного в Республике Тыва, и этнической периферии — компактных групп, отделенных от основной части и живущих дисперсно в Монголии и Китае» (там же: 11). В целом, тувинцев Монголии и Китая автор предпочитает называть этническими (или этнолокальными) группами (теоретические обоснования автора мы рассмотрим далее).

Можно констатировать, что на сегодня в российском тувиноведении сложилось целое «южное» направление исследований субэтнических групп тувинцев Монголии и Китая, защищены диссертации (Айыжы, 2002; Монгуш, 2005; Баярсайхан, 2009; Гансук, 2009 и др.), опубликованы многочисленные статьи, монографии (Серен, 2009; Монгуш, 2002, 2010 и др.) и даже исследования визуальной антропологии — фотоальбомы (Юша, 2014). Важным фактором для развития научного знания о тувинцах Монголии стало международное сотрудничество ученых Тувы и Монголии, которое наладилось в последние годы, в частности между Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований и Институтом истории Академии наук Монголии.

Менее масштабно ведутся исследования в «северном» направлении — в Красноярском крае, где в районе реки Ус проживает также локальная группа тувинцев, на которую обратили внимание прежде всего ученые из Сибирского федерального университета (СФУ). Кафедра всеобщей истории СФУ начала исследовать усинских тувинцев десять лет назад. Ее сотрудники (Т. Н. Журавель, В. Г. Дацышен, В. П. Кривоногов, Я.С. Михайлова выезжали в с. Ус, проводили опросы тувинцев, изучали их историю, особенности языка (Журавель, 2012, 2015; Михайлова, 2014: Электр. ресурс; Кривоногов, Михайлова, 2014; см. также статьи в данном номере журнала: Дацышен, 2017: Электр. ресурс; Кривоногов, 2017; Электр. ресурс. — ред.). В последние несколько лет усинские тувинцы также стали объектом пристального внимания и тувинских филологов из Тувинского государственного университета (Сувандии, 2016; Куулар, 2016; Куу-

лар, Сувандии, 2016). Поэтому очевидно «северное» направление для изучения субэтнической группы тувинцев Красноярского края задано и вполне может развернуться, в том числе при организационном усилии тувинских научных центров.

Проблемы определения субэтнических групп тувинцев

Для исследователей, предпочитающих работать «в поле», собирать ценный этнографический материал, а затем его обрабатывать и представлять результаты работы, часто постановка и решение теоретических вопросов не имеют столь важного значения. Это отчасти понятно. Однако, надо сказать, что без этого этнографическая наука теряет общие перспективы, а также, как пишет М. В. Монгуш, смысловое разнообразие используемых терминов не только затрудняет, но подчас и искажает понимание и без того сложной этнической реальности (Монгуш, 2010: 8).

Для изучения этнических групп тувинцев она предлагает определиться с терминологией выделяемых групп, выявляя в том числе отличия одних групп от других. Так, ссылаясь на Р. Г. Кузеева и В. Я. Бабенко (Кузеев, Бабенко, 1985, 1992), автор рассматривает отдельно этнические и этнографические группы тувинцев. Согласно Кузееву и Бабенко, подобные группы различаются по признаку территории формирования и функционирования. Этнографические группы складываются на основной этнической территории и не изолированы от этнического ядра. Они участвуют в процессе этнической консолидации, в поступательном этнокультурном развитии этноса. Отличие этнографических групп от основного массива состоит в языковых особенностях, в материальной и духовной культуре. Тем самым, М. В. Монгуш к этнографическим группам тувинцев относит жителей местности Кунгуртуг Тере-Хольского кожууна, а также тувинцев-тоджинцев (Монгуш, 2010: 8–9). Этническими же группами Кузеев и Бабенко называют те осколки этноса, которые в силу исторических причин оказались вне основной территории этноса и, следовательно, в отрыве от него. Тем самым тувинцы Монголии и Китая, считает М. В. Монгуш, могут быть отнесены к этническим группам. Эти группы функционируют в отличных, чем на основной территории расселения, условиях, их этническое развитие протекает несколько иным образом, отличаясь от материнского этноса интенсивностью, направленностью и особенностями этнокультурных процессов (там же: 9–10).

Исследователь также учитывает в качестве оторванных от материнского этноса тувинцев (осколков) этносы тофаларов и сойотов, но признает тот факт, что они образовали самостоятельные этнические единицы (там же: 14; а также: Монгуш, 2012: Электр. ресурс).

Несмотря на комплексность исследований этнических групп тувинцев М.В.Монгуш, продолжение изучения отдельных аспектов жизни данных групп другими авторами, надо сказать, что общее представление о всех этнических

группах тувинцев, проживающих обособленно от основного этноса или существенно отличающиеся от основной массы тувинцев, еще не сформировано. Так, М. В. Монгуш, называя этнические группы, например, обходит молчанием еще одну локальную группу тувинцев, которая проживает компактно и отдельно от тувинцев Тувы — усинских тувинцев. Их численность несравнимо меньше, чем тувинцев в Монголии, но тем не менее исследователи (В. Г. Дацышен, В. П. Кривоногов, Н. Д. Сувандии, Е. М. Куулар) также считают их отдельной этнической — субэтнической группой тувинцев. В свете вышеназванной классификации Кузеева и Бабенко, тех характеристик, которые были им даны красноярскими историками и тувинскими филологами, к ним также применим термин этнической (в нашем случае — субэтнической) группы.

Еще одна проблема касается монгольских тувинцев. Они чаще всего исследователями рассматриваются как некая единая общность, отличная от тувинцев, скажем, Китая. Однако такое обобщение не совсем корректно, учитывая тот факт, что тувинцы Монголии проживают не столько компактно и не высказывают своего единства. Здесь нет единой субэтнической группы. Ученые выделяют в составе тувинцев Монголии несколько групп, проживающих в нескольких аймаках и имеющих разные самоназвания. В целом, исследователи называют группы алтайских урянхайцев (алтайских тувинцев), цаатанов (тувинцев-оленоводов), дархатов. Соответственно, нет какого-то общего понимания того, сколько субэтнических групп тувинцев как в Монголии, так и в целом — насчитывается. Если этнографические, фольклористические изыскания ведутся давно и плодотворно, то в этносоциологическом плане наши знания о выделяемых группах еще фрагментарны.

Мы также ставим под сомнение целесообразность разделения этнографической и этнической групп — по крайней мере тувинцев — по двум самым важным соображениям.

Во-первых, в случае с тувинцам-тоджинцами нельзя столь однозначно сказать, что они находятся на основной этнической территории. Район их проживания является одним из районов Республики Тыва (причем крупнейшим по масштабу территории), тем не менее расположен несколько обособленно в силу климатических особенностей и транспортное сообщение его с остальной Тувой не столь простое: ависообщения местных авиалиний, сложная сухопутная дорога или речное судоходство, но только в летний период. Это наименее населенный район в силу сурового климата, отнесенного к районам Крайнего Севера. Местное население, проживающее в таежной, горной местности, традиционно занимается оленеводством (Вайнштейн, 1961), хотя за постсоветский период численность оленеводов и их стад значительно уменьшилось (Доржу, Кучумова, 2016). У них особая языковая ситуация, иная форма хозяйствования. Если рассматривать с точки зрения процессов консолидации тувинцев, то, очевидно, можно сказать, что жизнь тоджинцев движется в сторону опреде-

ленной нивелировки локальных особенностей, слияния их с общим этносом, но эта тенденция носит общий характер (экономический кризис вынуждает людей отказываться от традиционного хозяйствования, сокращать поголовье стад, хозяйств, мигрировать). Тем не менее целый ряд факторов до сих пор обуславливают хозяйственную и культурную обособленность местного населения от остального населения республики, которая так интересует особенно представителей зарубежной антропологии (Донахо, 2008; Монгуш, 2013; Электр. ресурс). Для наших иностранных коллег тувинцы-тоджинцы интересны именно как коренной малочисленный народ с сохранившимися архаическими формами хозяйствования, что найти в остальной части Тувы (не говоря уже о городах) крайне проблематично.

Во-вторых, вспомним о том, что научное знание, изучающее этнические культуры, как никакое другое имеет большое социальное значение, выполняет социальные функции. В частности, это изучение направлено на сохранение традиционных культур. Отделяя этнографические группы, которые, по определению этнографии, участвуют в процессе этнической консолидации и отличаются от основной части этноса лишь рядом особенностей языка и культуры, от этнических групп, которые проживают обособленно, мы тем самым практически классифицируем первые как неизбежно сливающиеся с этносом. Тем самым первые чаще всего рассматриваются как объекты, имеющие меньшие по значимости культурные особенности. Отчасти это и происходит сейчас в форме упомянутого «крена» в этнографическом тувиноведении, когда исследователей стали больше интересовать зарубежные тувинцы. Мы полагаем, что рассмотрение групп тувинцев безотносительно к территориальному признаку в целом как однопорядковые объекты для исследований — как субэтнические группы — позволит обращаться к тувинцам-тоджинцам, к тувинцам-цаатанам (оленеводам Монголии) и др. для решения в том числе общих задач сохранения традиционной культуры.

Предлагая говорить в целом о субэтнических группах в отношении упомянутых групп тувинцев, тем не менее, мы осознаем целый ряд и других исследовательских проблем, в том числе остро дискуссионного характера, которые мы обсуждали недавно с нашим коллегой В. Г. Дацышеном. Например, выделяемые субэтнические группы, помимо территориального признака (вхождения территории проживания в состав Тувы или нет), могут отличаться друг от друга тем, что они формировались в разных условиях, при разных обстоятельствах и их обособление происходило на разных этапах формирования этноса тувинцев как политического образования. Так, усинские тувинцы в период формирования основного этноса проживали на территории Российской империи, но находились под властью сначала Цинской империи, затем — Тувинской Народной Республики (Дацышен, 2009: Электр. ресурс). Это обусловило их связь с «материнским» этносом, в отличие от сойотов и тофаларов, которые были отрезаны от тувинской политической организации, что позволило им развиваться как самостоятельным

этническим образованиям. Этнополитические процессы «разделили» характер особенностей субэтнических групп: в одних случаях они отличаются от основной массы тувинцев культурно-хозяйственными чертами (тувинцы-тоджинцы, усинские тувинцы), в других — и культурно-хозяйственными, и политическими (группы тувинцев Монголии и Китая). Причем если внимательно рассматривать особенности этнической и политической истории тувинцев республики, а также субэтнических групп тувинцев, то мы осознаем, что поднимется целый пласт малоизученных проблем этногенеза тувинцев в целом. В клубке взаимосвязанных вопросов понадобится учитывать и многовековую историю родоплеменных групп Саяно-Алтая, и политическую историю России, Китая, Монголии, и появившуюся в начале XX века самостоятельную политическую историю Тувы... Здесь вспоминается название одной из книг В. Г. Дацышена — «Саянский узел» (Дацышен, Ондар, 2003¹), который очень емко, на наш взгляд, передает нашу мысль. Проблема субэтнических групп тувинцев, решаемая комплексно, позволяет поднимать и решать целый узел взаимосвязанных вопросов, важных как для этнографов, антропологов, так и для историков, политологов и пр.

Заключение

Таким образом, мы полагаем, что научное знание о субэтнических группах тувинцев на сегодня имеет два основных направления, условно говоря «южное» и «северное», пока развивающиеся неравномерно и практически в отрыве друг от друга. Первое, в котором изучаются тувинцы Монголии и Китая, — наиболее развито и имеет определенные исследовательские традиции, значительные наработки прежде всего в области этнографии, фольклористики. Второе же, включающее исследования тувинцев Красноярского края (усинских тувинцев), только формируется. Еще одно направление исследований субэтнической группы тувинцев-тоджинцев сегодня представляет больше интереса для зарубежной антропологии, хотя также, мы считаем, актуально и для отечественных тувинистов.

Что может дать объединение этих направлений? Разумеется, речь не идет о буквальном объединении и включении данных территорий в поле внимания одних и тех же исследователей. Мы полагаем, что необходим диалог между исследователями разных субэтнических групп тувинцев, начиная от решения общих теоретических вопросов, связанных с терминологическими единицами.

Учитывая социальную миссию научного знания, целесообразнее было бы исследовать формы и степень традиционности культур у всех выделяемых локальных этнических групп, которых можно было бы классифицировать единым термином «субэтнические группы». Это могло бы быть основанием для

¹ Логически взаимосвязана с упомянутым изданием другая монография автора «Саянский рубеж» (Дацышен, 2014).

компаративистских исследований большего масштаба — «северного» и «южного» направлений всех субэтнических групп: внешних и внутренних факторов развития и угрозы сохранности культур и языка. Интересен был бы и сопоставительный анализ современного состояния культур более близких субэтнических групп по типам хозяйствования, например, тувинцев-тоджинцев и цаатан (тувинцев-оленевонов) Монголии и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Taube, E. (1978) Tuwinische Volksmarchen. Berlin.

Айыжы, Е. В. (2002) Тувинцы Монголии: традиции и современность : дисс. ... канд. ист. н. М. 174 с.

Айыжы, Е. В. (2013) Тувинцы Монголии (к историографии вопроса) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. № 1 (77). Ч. 2. Серия «Гуманитарные и педагогические науки». С. 3–8.

Аранчын, Ю. Л. (1995) К истории открытия и изучения памятников орхон-енисейской древнетюркской рунической письменности // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл. С. 63–68.

Арутюнян, Ю. В., Дробижева, Л. М., Сусоколов, А. А. (1998) Этносоциология. М.: Аспект-пресс. 271 с.

Бадамхатан, Ц. (1996) Тува цаатан // Монгол Улсын Угсаатний цуй. Улаанбаатор. С.300–329.

Бакаева, Э. П. (2010) «Чьи вы?» (специфика полевой работы в среде калмыков в связи с проблемой самоидентификации) // Этнографическое обозрение. № 3. С. 54–65.

Баярсайхан, Б. (2009) Лексика животноводства в цэнгэльской диалекте тувинского языка : в сравнительно-сопоставительном аспекте : дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск. 190 с.

Баярсайхан, Б. (2015) Исследования тувинцев Синьцзяна (историографический обзор) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/23> (дата обращения: 15.01.2017).

Болдырева, В. М. (2009) Эркетеневские калмыки: субэтнические особенности культуры (на материале ритуала жертвоприношения огню) // Известия Алтайского государственного университета. № 4–2. С. 22–27.

Бромлей, Ю. В. (1983) Очерки теории этноса. М.: Наука. 412 с.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Наука. 218 с.

Вайнштейн, С. И. (1973) Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М. : Наука.

Гансук Хийс (2009) Особенности тувинской речи жителей Цэнгэля : автореф. дисс.

... к. филол. н. Новосибирск. 191 с.

Гоголданова, З. Э.-Г. (1994) Субэтноты и этнические процессы в Калмыкии в середине 80-х годов XX столетия (по материалам статистико-этнологического обследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 24 с.

Гумилев, Л. Н. (1993) Этносфера: история людей и история природы. М. : Прогресс ; Изд. фирма «Пангея». 543 с.

Дацышен, В. Г. (2009) Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/634> (дата обращения: 11.02.2017).

Дацышен, В. Г. (2014) Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. М. : ДиректМедиа. 308 с.

Дацышен, В. Г. (2017) Особенности истории усинских тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694>

Дацышен, В. Г., Ондар, Г. А. (2003) Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл : Тувинская республиканская типография.

Донахо, Б (2008) Тувинцы-тоджинцы: очерк современной культуры // Тюркские народы Восточной Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с. С.186–204.

Доржиева, Д. А. (2005) Субэтноты в процессе этнической консолидации бурят : автореф. дисс. ... к. ист. н. Улан-Удэ. 22 с.

Доржу, М. С., Кучумова, И. А. (2016) Традиционное природопользование Тоджинского кожууна Республики Тыва (на примере оленеводства) // Успехи современной науки. Т. 10. № 11. С. 64–67.

Журавель, Т. Н. (2012) Причины языкового сдвига в среде тувинского населения в Усинской котловине Красноярского края // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 3. С. 237–240.

Журавель, Т. Н. (2015) Этнотыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края : дисс. ... канд. филол. н. Красноярск. 171 с.

Камбачокова, М. Ю. (2013) К вопросу об основных этапах становления этноса и субэтническом составе абазин // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. Т. III. № 1. С. 45–48.

Козлов, В. И. (1994) Этническая группа // Народы России: Энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с. С. 466.

Кривоногов, В. П. (2017) Современные этнические процессы у тувинцев юга Красноярского края [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/695>

Кривоногов, В. П., Михайлова, Я. С. (2014) Современная этнография усинских тувинцев // Родина. № 7. С. 91–96.

Кузеев, Р. Г., Бабенко, В. Я. (1985) Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития по материалам СССР // Советская этнография. № 4. С. 13–22.

Кузеев, Р. Г., Бабенко, В. Я. (1992) Этнографические и этнические группы (К проблеме гетерогенности этноса) // Этнос и его подразделения. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Ч. 1. Этнические и этнографические группы. 189 с. С. 17–38.

Куулар, Е. М. (2016) Некоторые особенности речи усинских тувинцев красноярского края // Казанская наука. № 9. С. 58–61.

Куулар, Е. М., Суванди, Н. Д. (2016) Языковая картина мира усинских тувинцев: этнолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №11–2. С. 112–115.

Логинов, К. К. (2009) Названия и самоназвания субэтнических групп и феномен «субэтнической мимикрии» в Карелии и на некоторых сопредельных территориях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. С. 59–62.

Маннай-оол, М. Х. (1995) Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл: Тувин. кн. изд-во. С. 56–61.

Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.

Михайлова, Я. С. (2014) Современные языковые процессы у усинских тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/164> (дата обращения: 12.01.2017).

Монгуш, М. В. (2002) Тувинцы Монголии и Китая. Новосибирск: Наука. 126 с.

Монгуш, М. В. (2005) Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: автореф. дисс. ... д-ра ист. н. М. 52 с.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный музей этнологии. 358 с.

Монгуш, М. В. (2012) Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/333> (дата обращения: 12.01.2017).

Монгуш, М. В. (2013) О двух экспедициях в Тоджу [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/262> (дата обращения: 12.01.2017).

Намруева, Л. В. (2015) Субэтническая идентичность современных калмыков: социокультурный аспект // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 1. С. 120–125.

Нечипоренко, О. В. (2014) Субэтноссы Республики Алтай: особенности этнической и гражданской идентичности // Этноссы и формирование гражданской нации: диалекти-

ка российской национальной политики Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. И. В. Фролова. Уфа : БАГСУ. С. 259–263.

Отрощенко, И. В. (2015) Из истории взаимоотношений ТНР и МНР: проблема возвращения «части тувинского народа» [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/4> (дата обращения: 12.01.2017).

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 402 с.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб.: Наука. 535 с.

Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 482 с.

Серен, С. П. (2009) Тувинцы — оленеводы Монголии (материалы по языку и культуре). Кызыл: Тываполиграф. 160 с. (На русс. и тув. яз.).

Субэтническая группа (субэтнос) [Электронный ресурс] / Глоссарий // Российский этнографический музей. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/subetnicheskaya-gruppa-subetnos> (дата обращения: 12.01.2017).

Сувандии, Н. Д. (2016) Особенности собственных имен усинских тувинцев // Филологические науки: вопросы теории и практики. № 12–1 (66). С. 163–165.

Таубе, Э. (1975) Изучение фольклора тувинцев Монгольской Народной Республики // Советская этнография. № 5. С. 67–70.

Таубе, Э. (1994) Сказки и предания алтайских тувинцев. М.: Восточная литература. 320 с.

Трегубова Д. Д. (2011b) Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем: автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 2011. 24 с.

Трегубова Д. Д. (2011a) Субэтнос в литературе // Вестник Бурятского государственного университета. № 8. С. 227–232.

Чемчиева, А. П. (2012) Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 254 с.

Юша, Ж. М. (2014) Зарубежные тувинцы в объективе фотокамеры. Тувинцы Китая: Аннотированный фольклорно-этнографический фотоальбом. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет». 160 с.

Дата поступления: 12.02.2017 г.

REFERENCES

Taube, E. (1978) *Tuwinische Volksmarchen*. Berlin. (In Germ.).

Aiyzhy, E. V. (2002) *Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost'* : Diss. ... Candidate of History. Moscow. 174 p. (In Russ.).

Aiyzhy, E. V. (2013) Tuvintsy Mongolii (k istoriografii voprosa). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I. Ia. Iakovleva*, no. 1 (77), vol. 2. Seriya «Gumanitarnye i pedagogicheskie nauki», pp. 3–8. (In Russ.).

Aranchyn, Iu. L. (1995) K istorii otkrytiia i izucheniia pamiatnikov orkhono-eniseiskoi drevnetiurkskoi runicheskoi pis'mennosti. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*, vol. XVIII. Kyzyl. Pp. 63–68. (In Russ.).

Arutiunian, Iu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1998) *Etnosotsiologiya*. Moscow, Aspekt-press. 271 p. (In Russ.).

Badamkhatan, Ts. (1996) *Tuva tsaatan. Mongol Ulsyn Ugsaatanii tsui*. Ulaanbaator. Pp. 300–329. (In Mong.).

Bakaeva, E. P. (2010) «Ch'i vy?» (spetsifika polevoi raboty v srede kalmykov v sviazi s problemoi samoidentifikatsii). *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 54–65. (In Russ.).

Baiarsaikhan, B. (2009) *Leksika zhitovnovodstva v tsengel'skom dialekte tuvinskogo iazyka : v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte* : Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 190 p. (In Russ.).

Baiarsaikhan, B. (2015) Study of Tuvans in Xinjiang: an annalistic review. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/23> (access date: 15.01.2017). (In Russ.)

Boldyreva, V. M. (2009) Erketenevskie kalmyki: subetnicheskie osobennosti kul'tury (na materiale rituala zhertvoprinosheniia ogniu). *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2, pp. 22–27. (In Russ.).

Bromlei, Iu. V. (1983) *Ocherki teorii etnosa*. Moscow, Nauka. 412 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vainshtein, S.I. (1973) *Problema proiskhozhdeniia i formirovaniia khoziaistvenno-kul'turnogo tipa kochevykh skotovodov umerennogo poiasa Evrazii*. Moscow, Nauka. (In Russ.).

Gansukh Khiis (2009) *Osobennosti tuvinskoi rechi zhitelei Tsengel'ia* : Thesis of Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 191 p. (In Russ.).

Gogoldanova, Z. E.-G. (1994) *Subetnosy i etnicheskie protsessy v Kalmykii v seredine 80-kh godov XX stoletia (po materialam statistiko-etnologicheskogo obsledovaniia)* : Thesis of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Gumilev, L. N. (1993) *Etnosfera: istoriia liudei i istoriia prirody*. Moscow, Progress, Izd. firma «Pangeia». 543 p.

Datsyshen, V. G. (2009) The Tuvan population of Usinsk boundary district of the Yenisei province. From the history of relations between Russia and Tuva. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/634> (access date: 11.02.2017). (In Russ.)

Datsyshen, V. G. (2014) *Saianskii rubezh. Iuzhnaia chast' Prieniseiskogo kraia i russko-tuvinskie otnosheniia v 1616–1911 gg.* Moscow, DirektMedia. 308 p. (In Russ.).

Datsyshen, V. G. (2017) Aspects of history of the Usinsk Tuvans. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694>

Datsyshen, V. G. and Ondar, G. A. (2003) *Saianskii uzul: Usinsko-Uriankhaiskii krai i rossiiskotuvinskie otnosheniia v 1911–1921 gg.* Kyzyl, Tuvinskaia respubl. tipografiia. (In Russ.).

Donakho, B (2008) Tuvintsy-todzhintsy: ocherk sovremennoi kul'tury. In: *Tiurkskie narody Vostochnoi Sibiri*, ed. D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. Pp. 186–204. (In Russ.).

Dorzhiya, D. A. (2005) *Subetnosy v protsesse etnicheskoj konsolidatsii buriat* : Thesis of Diss. ... Candidate of History. Ulan-Ude. 22 p. (In Russ.).

Dorzhu, M. S. and Kuchumova, I. A. (2016) Traditsionnoe prirodopol'zovanie Todzhinskogo kozhuuna Respubliki Tyva (na primere olenevodstva). *Uspekhi sovremennoi nauki*, vol. 10, no. 11, pp. 64–67. (In Russ.).

Zhuravel', T. N. (2012) Prichiny iazykovogo sdviga v srede tuvinskogo naseleniia v Usinskoj kotlovine Krasnoiarskogo kraia. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, no. 3, pp. 237–240. (In Russ.).

Zhuravel', T. N. (2015) *Etnoiazykovaia situatsiia v Usinskoj doline Krasnoiarskogo kraia* : Diss. ... Candidate of Philology. Krasnoiarsk. 171 p. (In Russ.).

Kambachokova, M. Iu. (2013) K voprosu ob osnovnykh etapakh stanovleniia etnosa i subetnicheskom sostave abazin. *Izvestiia Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. III, no. 1, pp. 45–48. (In Russ.).

Kozlov, V. I. (1994) Etnicheskaja grupa. In: *Narody Rossii: Entsiklopediia*, ed. V. A. Tishkov. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. 479 p. P. 466.

Krivonogov, V. P. (2017) Contemporary ethnic processes in Tuvan population in the south of Krasnoyarskii Krai. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/695>

Krivonogov, V. P. and Mikhailova, Ia. S. (2014) Sovremennaja etnografiia usinskikh tuvintsev. *Rodina*, no. 7, pp. 91–96. (In Russ.).

Kuzeev, R. G. and Babenko, V. Ia. (1985) Malye etnicheskie grupy: osnovnye etapy etnokul'turnogo razvitiia po materialam SSSR. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 13–22. (In Russ.).

Kuzeev, R. G. and Babenko, V. Ia. (1992) Etnograficheskie i etnicheskie grupy (K probleme geterogenosti etnosa). In: *Etnos i ego podrazdeleniia. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia RAN. Vol. 1. Etnicheskie i etnograficheskie grupy*. 189 p. Pp. 17–38. (In Russ.).

Kuular, E. M. (2016) Nekotorye osobennosti rechi usinskikh tuvintsev krasnoiarskogo kraia. *Kazanskaia nauka*, no. 9, pp. 58–61. (In Russ.).

Kuular, E. M. and Suvandi, N. D. (2016) Iazykovaia kartina mira usinskikh tuvintsev: etnolingvisticheskii aspekt. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11–2, pp. 112–115. (In Russ.).

Loginov, K. K. (2009) Nazvaniia i samonazvaniia subetnicheskikh grupp i fenomen «subetnicheskoj mimikrii» v Karelii i na nekotorykh sopredel'nykh territoriiakh. *Vestnik*

Sankt-Peterburgskogo universiteta, issue 2, vol. 4, pp. 59–62. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (1995) Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost'. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*, vol. XVIII. Kyzyl, Tuv. kn. izd-vo. Pp. 56–61.

Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Mikhailova, Ya. S. (2014) Modern lingual processes among Tuvans of Usinsk. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/164> (access date: 12.01.2017). (In Russ.)

Mongush, M. V. (2002) *Tuvintsy Mongolii i Kitaia*. Novosibirsk, Nauka. 126 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2005) *Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia: etnicheskie i etnokul'turnye protsessy, sovremennaiia identichnost'*: Thesis of Diss. ... Doctor of History. Moscow. 52 p.

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste*. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 358 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2012) The Tophas and the Soyots: historical and ethnographic essay. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/333> (access date: 12.01.2017). (In Russ.)

Mongush, M. V. (2013) About two expedition to Todzha. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/262> (access date: 12.01.2017). (In Russ.)

Namrueva, L. V. (2015) Subetnicheskaia identichnost' sovremennykh kalmykov: sotsiokul'turnyi aspekt. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, no. 1, pp. 120–125. (In Russ.).

Nechiporenko, O. V. (2014) Subetnosy Respubliki Altai: osobennosti etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti. In: *Etnosy i formirovanie grazhdanskoi natsii: dialektika rossiiskoi natsional'noi politiki Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, ed. I. V. Frolova. Ufa, BAGSU. Pp. 259–263. (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2015) From the history of Peoples Republic of Tuva and Peoples Republic of Mongolia mutual relations: the issue of returning «the part of Tuvan people». *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/4> (access date: 12.01.2017). (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev*. St. Petersburg, Nauka. 535 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoi natsii*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 482 p. (In Russ.).

Seren, S. P. (2009) *Tuvintsy — olenevody Mongolii (materialy po iazyku i kul'ture)*. Kyzyl, Tyvapoligraf. 160 p. (In Russ. and Tuv.).

Subetnicheskaia gruppya (subetnos) / Glossarii. *Rossiiskii etnograficheskii muzei* [online] Available at: <http://www.ethnomuseum.ru/subetnicheskaya-gruppya-subetnos> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2016) Osobennosti sobstvennykh imen usinskikh tuvintsev. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*, no. 12–1 (66), pp. 163–165. (In Russ.).

Taube, E. (1975) Izuchenie fol'klora tuvintsev Mongol'skoi Narodnoi Respubliki. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 67–70. (In Russ.).

Taube, E. (1994) *Skazki i predaniia altaiskikh tuvintsev*. Moscow, Vostochnaia literatura. 320 p. (In Russ.).

Tregubova D. D. (2011b) *Subetnicheskie gruppy buriat v proshlom i nastoiashchem*: Thesis of Diss. ... Candidate of History. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Tregubova D. D. (2011a) Subetnos v literature. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, pp. 227–232. (In Russ.).

Chemchieva, A. P. (2012) *Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti*. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN. 254 p. (In Russ.).

Iusha, Zh. M. (2014) *Zarubezhnye tuvintsy v ob'ektive fotokamery. Tuvintsy Kitaia: Annotirovannyi fol'klorno-etnograficheskii fotoal'bom*. Novosibirsk, ZAO IPP «Ofset». 160 p.

Submission date: 12.02.2017.

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Проблемы определения и изучения субэтнических групп тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/693> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.1

For citation:

Lamazhaa Ch. K. Sub-ethnic groups of the Tuvans : problems of definition and research. *New Research of Tuva*. 2017, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/693> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.1

DOI: 10.25178/nit.2017.1.2

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ УСИНСКИХ ТУВИНЦЕВ

ASPECTS OF HISTORY OF THE USINSK TUVANS

Владимир Г. Дацышен

Сибирский федеральный
университет

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal
University

На территории Красноярского края России, в долине р. Ус, на границе в Республикой Тыва, до настоящего времени проживает особая тувинская общность — усинские тувинцы. Статья посвящена их истории и основывается на документах архивов Красноярского края, Минусинска, Иркутской области, Республики Тыва.

Науке хорошо известны тувинцы Монголии и Китая. Усинские тувинцы же практически не изучались и не включались в число коренных народов Красноярского края. Лишь в последние 5 лет появились работы ученых Сибирского федерального и Тувинского госуниверситетов по этносоциальным и языковым особенностям усинских тувинцев.

Есть две версии истории заселения тувинцами Усинского района: 1) предки тувинцы кочевали в долине Уса, и этот район входил в территориальную область завершающего этапа тувинского этногенеза после XVII в.; 2) заселение тувинцами долины началось почти одновременно с появлением первых русских переселенцев. Можно предположить, что современный этап тувинского освоения Усинской долины начался в XVIII в., после окончательного закрепления этой территории за Россией и после оформления в Китайской империи административного образования Урянхай.

In the valley of the Us river, in the borderlands between Krasnoyarskii Krai and the Republic of Tuva, lives a community of the so-called Usinsk Tuvans. The article examines the history of this sub-ethnicity as it is shown in the documents preserved at the archives of Krasnoyarskii Krai, Minusinsk, Irkutsk Oblast and the Republic of Tuva.

Unlike the Tuvans living in Mongolia and China, Usinsk Tuvans have received almost no scholarly attention and have not been listed among the indigenous minorities of Krasnoyarskii Krai. It was only in the last 5 years that they have been for the first time studied by the researchers from Siberian Federal and Tuvan State Universities, with a special focus on ethnosocial and linguistic peculiarities of the Usinsk Tuvans.

Two versions of how the Tuvan population arrived in the contemporary Usinsk rayon are known to exist. According to the first, the nomadic ancestors of the Tuvans roamed the Us valley, and since the 17th century, this area has witnessed the final stage of Tuvan ethnogenesis. The second version maintains that the Tuvans arrived in the area almost at the same time as the first Russian settlers. It can be suggested that the contemporary stage of settling in the Us valley began in the 18th century when Russia's hold on the area was formalized by a treaty with

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 82, ауд. А-444. Тел.: +7 (391) 2-06-26-77. Эл. адрес: dazishen@mail.ru

Datsyshen Vladimir Grigorievich, Doctor of History, Professor and Chair, Department of general history, Institute of the Humanities, Siberian Federal University. Postal address: Office A-444, 82 Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation. Tel.: +7 (391) 2-06-26-77. Email: dazishen@mail.ru

Активное русское освоение Усинского района началось в XIX в. Это привело к изменениям в тувинском освоении этой территории, например, тувинские власти в 1860-х гг. пытались создать препятствия русской земледельческой колонизации. Стали сокращаться тувинские кочевья, развивается хозяйственная кооперация и рост зависимости тувинцев от русских предпринимателей и крестьян. Тем не менее, на рубеже XIX–XX вв. тувинское население округа оставалось многочисленным. Росли русско-тувинские противоречия.

Принятие Тувы под политическое покровительство России в 1914 г. вызвало и вопрос об организации усинских тувинцев. Они полностью сохраняли все атрибуты подданства цинскому императору. Наличие постоянного тувинского населения на соседней территории обусловило территориальные претензии Тувинской Народной республики. Вопрос о присоединении Усинского района к Туве сохранял остроту несколько первых десятилетий XX в.

В целом, с момента пограничного русско-китайского размежевания в первой половине XVIII в. и до вхождения Тувы в состав России в 1944 г. постоянно проживавшие в Усинском районе тувинцы русской властью воспринимались в качестве иностранцев. Лишь с 1950-х гг. в делопроизводственных документах местного сельсовета отражается местное тувинское население. Между тувинцами Тувы и Усинского района сохранялись активные миграционные процессы, но усинские тувинцы всегда имели этнокультурную специфику, которая формировалась фактом их проживания за пределами национального государственного образования и тесным взаимодействием с русским населением.

Ключевые слова: тувинцы; усинские тувинцы; этническая история; приграничный район; Красноярский край; река Ус; Усинский район

Введение

История тувинского народа на протяжении длительного времени вызывает неизменный интерес у отечественных и зарубежных исследователей. И это не случайно, обусловлено, как уникальными характеристиками собственно тувинского этноса, так и геополитическими особенностями региона проживания тувинцев. На стыке монгольской и тюрко-сибирской культур, на границе Российской и Китайской империй, в определенных природно-географических и административно-государственных границах сформировалась тувинская этнонациональная общность. Сохранение собственной государственности в форме отдельной республики в составе Российской Федерации обеспечивает дальнейшее развитие тувинского народа, в том числе и в части всестороннего изучения этой национальности.

China, and the Chinese empire, in its turn, set up the administrative unit of Uriankhai.

In the 19th century, Russians started to actively settle in what now is known as Usinsk rayon, which led to a change in Tuvan settlement of the same territory. In the 1860s, for instance, Tuvan leaders tried to prevent Russian agricultural colonization of the area. Nevertheless, nomadic camping grounds grew smaller, and agricultural cooperation began, which made Tuvans increasingly dependent on Russian traders and farmers. However, at the turn of the 20th century the Tuvan population of the area was still small, and the tension between Russians and Tuvans grew high.

When Tuva became a political protectorate of Russia in 1914, the issue of administrative status of Usinsk Tuvans came to a head. With Tuvans preserving the subjecthood of the Qing empire, their presence in the adjacent area gave rise to the territorial claims of the People's Republic of Tuva. The issue of possible cession of Usinsk rayon to Tuva had remained urgent for several decades in early 20th century.

Overall, from the Russian-Chinese border delineation in the first half of the 18th century to Tuva's accession into the USSR in 1944, the Tuvans permanently residing in Usinsk rayon were viewed by Russian authorities as foreign subjects. They appeared in the documentation of local village councils as late as in 1950s. There have always been active migration between Usinsk rayon and the Republic of Tuva, but Usinsk Tuvans at the same time have remained ethnoculturally distinct, which was upheld by the fact of residing outside the national region and close contacts with the Russian population.

Keywords: Tuvans; Usinsk Tuvans; ethnic history; borderlands; Krasnoyarskii krai; Us river; Usinsk rayon

Уже на этапе становления тувинской этно-национальной общности ее представители проживали за пределами тувинских административно-государственных границ. Такая ситуация обогащает историю тувинцев, делает ее более сложной и противоречивой. Не случайно, в последние годы история проживающих за пределами Тувы тувинцев вызывает заметный интерес у исследователей. Мы полагаем, что особый интерес могут вызвать проблемы истории тувинцев, проживавших в приграничных с Тувой районах российских регионах. На сегодня хорошо известно, что историческая судьба тувинцев в разных районах Южной Сибири различна. На Алтае мы можем, очевидно, констатировать, что все тувинские этно-племенные или этно-родовые группы вошли в состав «алтайцев». В Иркутской области и Республике Бурятия из состава в прошлом единой тувинской этно-национальной общности выделились два новых этноса. А на территории Красноярского края до настоящего времени сохраняется особая тувинская общность, называемая обычно «усинские тувинцы».

Настоящая статья посвящена истории усинских тувинцев и основывается на документах архивов Красноярского края, Минусинска, Иркутской области, Республики Тыва, как опубликованных в научных изданиях, так и не опубликованных.

Историография вопроса

На сегодняшний день наиболее известным исследователем «зарубежных тувинцев» является М. В. Монгуш, издавшая в 2010 г. в Японии фундаментальную монографию «Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте» (Монгуш, 2010). Автор пишет о тувинцах: «сегодня они представляют собой этнос, состоящий из этнического ядра, сосредоточенного в Республике Тыва, и этнической периферии — компактных групп, отделенных от основной части и живущих дисперсно в Монголии и Китае» (там же: 11). В работе указывается нахождение в России двух этнических групп, отколовшихся от тувинского этноса, но нигде не упоминается о тувинцах, проживающих в России за пределами Тувы.

Другие известные тувинские исследователи ограничивают географию «зарубежных тувинцев» монгольскими территориями (Маннай-оол, 1995). Крупнейший исследователь истории русско-тувинских отношений Н. М. Моллеров выделяет «пограничный вопрос» в советско-тувинских отношениях, но не связывает его с тувинским населением на русской стороне границы (Моллеров, 2005).

Красноярское научное сообщество до недавнего времени вообще не проявляло интереса к усинским тувинцам, которые всегда проживали на территории региона, но никогда не включались в число коренных народов Красноярского края.

В современной историографии важное место занимают исследования Ч. К. Ламажаа, в которых поднимаются как общие методологические проблемы тувиноведения (Ламажаа, 2013), так и изучения тувинских диаспор в российских регионах (Ламажаа, 2011). На сегодняшний день актуальным остается вывод, сформулированный Ч. К. Ламажаа: «Тувинцы, живущие за пределами своей исторической родины, представляют собой интересный объект для исследований... Однако, более изученными с этой точки зрения являются тувинцы, проживающие в Китае и в Монголии. Общины в других регионах практически не рассматриваются научной мыслью» (там же: 248). Этот тезис актуален для усинских тувинцев, с той лишь поправкой, что в Усинском районе тувинцы находятся за пределами Тувы, но не за пределами своей родины. В обобщающей работе «История Тувы» лишь кратко отмечается «тувинская община проживала в пределах Усинского пограничного округа (сумон Хереме)» (История Тувы, 2007: 45).

Понятие «усинские тувинцы» стало устойчивым лишь в XX в., и указывает оно не только на район проживания, но и на специфику проживающих в этом районе тувинцев. Усинским районом называется территория бассейна реки Ус на юге Красноярского края.

Развитие этно-национальной группы за пределами национально-государственных границ осложняет этно-социальные и общественно-политические процессы. Делает более богатой и противоречивой историческую картину этноса. Комплексные исследования усинских тувинцев, проведенные силами кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета, при участии коллег-филологов, подтверждают гипотезу о существовании особой этно-культурной группы усинских тувинцев, отличающейся не только от соседних народов региона, но и от тувинцев Республики Тува (Дацишен, 2009: Электронный ресурс; Журавель, 2011ab; Фельде, Журавель, 2012; Кривоногов, Михайлова, 2014; Krivonogov, Mikhailova, 2015; Михайлова, 2014: Электр. ресурс). Эти данные подтверждаются и последними работами коллег Тувинского государственного университета (Сувандии, 2016; Куулар, 2016; Куулар, Сувандии, 2016; Соян, 2016).

Т. Н. Журавель приходит к следующим выводам: «в настоящем усинские тувинцы практически не ощущают связи со своей этнической родиной... очень часто приходилось слышать, что усинских тувинцев в Туве принимают плохо, называют их русскими» (Журавель, 2011b: Электр. ресурс).

Такая ситуация заставляет особое внимание уделить проблемам истории тувинцев в Усинском районе.

Заселение тувинцами Усинского района

Горная долина реки Ус в Саянах попала в сферу интересов Русского государства, в начале XVII в. Опубликованный военным исследователем А. М. Барано-

вым в начале XX в. документ под названием «Выписка из расспросных речей, записанных в сибирском приказе со слов Тарского города атамана Василия Тюменца о посольстве в 1616 году к Мунгальскому царю Алтыну» указывает на то, что уже в 1616 г. русские посещали Усинский район.

Усинская долина была хорошо знакома русским задолго до оформления здесь государственной границы. В статейном списке посольства томского сына боярского Р. Старкова, ездившего к Алтын-хану Лубсану в 1665 г., говорилось: «И мы, Роман с товарищи... с Уеку перешли на Ус-реку, и по Усу-реке шли две недели и вышли на Енисей-реку, и пошли по Енисею и Енисем шли промеж Саянским камнеем...» (Русско-монгольские ..., 1996: 188). В дневнике Д. Г. Мессершмидта сохранилась запись 1722 г., сделанная в расположенной недалеко от Караульного острога в деревне Медведево: «Наш хозяин и еще один житель из этой деревни не раз бывали в Монголии и Сойотии и много рассказывали нам о своих путешествиях... Эти люди сообщили нам также, что река Уса, берущая начало недалеко от Хамсары, является последней большой рекой, впадающей в Енисей в его верховьях» (Messerschmidt, 1961: 181–182)¹. К. Риттер сообщал так же об информаторе у Мессершмидта — «калмыке с р. Уса» (Риттер, 2007: 124). Окончательное вхождение данной территории в состав России было оформлено Буринским трактатом 1727 г.

В XVII в. все предки тувинцев, не исключая и жителей Усинской долины, русскими властями считались русскими подданными. В Протоколе совещания под председательством Иркутского генерал-губернатора от 28 февраля 1911 г. говорилось, что в 1726 г. российский посланник Рагузинский получил в Красноярске, сведения, в том числе и о «сойотах (урянях) живущих ниже реки Хемчика, по Енисею», которые, как и подавляющее большинство других тувинцев в то время платили дань России (Собрание архивных ..., 2014: 50).

Во время русско-китайского размежевания 1727 г. возникла противоречивая картина. Российский посланник С. Рагузинский и пограничный комиссар С. Колычев докладывали, что большая часть Усинской долины вошла в состав России, и большинство бывших ясачных жителей Саян остались за Россией. Правда, когда давались конкретные цифры, то картина была несколько иной. В апреле 1728 г. С. Рагузинский докладывал, что на монгольской стороне осталось 194 «однособольника урянха изменника» а на русской — 162 таковых из Монголии (Русско-китайские ..., 2006: 233). «В красноярских ведомостях за рукою подполковника и красноярского воеводы Григория Колюбакина декабря 31 дня 727 году» утверждается: «В Шараданове улусе 6 человек, взято с них ясаку на 726 год 6 соболей. Кочуют они за Саянским камнем на реке Уске. Оные иноземцы кочуют на реке Уск, а та река Уск за границею в Монгольской землице. В Аскачинском

¹ С изданием и текстом перевода автор ознакомился в личном архиве И. Т. Лалетина.

улусе 11 человек, с них взято ясаку на 726 год 20 соболей, кочуют они за Санским камнем по рекам Кемчюке, на Уске, на Карабурине и в Енисейских росохах...» (там же: 272).

На сегодняшний день остаются две версии истории заселения тувинцами Усинского района.

Много аргументов в пользу того, что предки тувинцы кочевали в долине Уса, и этот район входил в территориальную область завершающего этапа тувинского этногенеза после «смутного времени» XVII века. В знаменитой работе К.Риттера «Землеведение Азии» об Усинской долине сообщается: «Вся их речная область принадлежит России по трактатам, но сибирское начальство ничего не знало о ней до Пестерева, а исследование ее было затрудняемо перекочевкою сюда поданных Китаю пограничных племен» (Риттер, 2007: 123–124). К. Риттер писал, что пограничный комиссар Пестерев в 1770-х гг. встречал на притоке Уса — Иджиме, «сойотские племена Байгарин и Матар» и даже «китайского мандарина с красным шариком на шапочке». В работе известного исследователя Ф.Я. Кона говорится: «Лет 25 тому назад, — пишет в 1886 г. вновь назначенный Пограничный начальник, — на том месте, где ныне расположены усинские деревни, кочевали богатые роды сойот-уряньх, но с появлением первых переселенцев-староверов урянхи стали постепенно откочевывать из этих мест... Небольшие кочевья их остались еще вниз по берегам р. Уса в малодоступных местностях...» (Кон, 1914: 45).

Согласно другой версии, заселение тувинцами Усинской долины началось почти одновременно с появлением первых русских переселенцев. В работе первого Енисейского губернатора А. П. Степанова дается подробное описание встречи пограничных казаков с тувинскими делегациями, но не упоминается о тувинском населении в Усинском районе (Степанов, 1997). Исследователь Тувы инженер В. М. Родевич в начале XX в. утверждал, что долину Уса тувинцы засели лишь в середине XIX в. Он писал: «русские широко открыли урянхам свою границу приблизительно с 1840 г., и те заселились по Енисею. Кочуя в горах от Кемчика до Уса, и кое-где по Усу; не теряя связи со своими хошунами и сумо, они платят дань Китаю. Сойоты-охотники, кочующие в пределах Урянхия, так же ежегодно уходят промыслять зверя в Русские Саяны... Откочевывают из Урянхия на Саянский хребет и сойоты-оленеводы и скотоводы в поисках хороших летних пастбищ» (Родевич, 2007: 378). В пользу последней версии можно привести и следующие факты. В документах, направляемых от тувинских нойонов на имя Усинского пограничного начальника, с указанием административного устройства и районов проживания тувинцев, не упоминалась Усинская долина (Собрание архивных ..., 2014: 94).

Суммируя разные известия и точки зрения, можно предположить, что современный этап тувинского освоения Усинской долины начался в XVIII в., после, с одной стороны, окончательного закрепления этой территории за Росси-

ей, и с другой стороны — после оформления в Китайской империи тувинского государственно-административного образования Танну-Тува Урянхай под властью тувинского амбын-нояна. Тувинское освоение района не носило комплексный характер, здесь преобладали сезонные кочевья и охотничий промысел, никаких указаний на тувинское земледелие в XVIII–XIX вв. не сохранилось. Для опровержения или подтверждения версии об активизации освоения Усинской долины тувинцами именно в 1840-х гг. необходимо провести дополнительные исследования. Особо следует отметить, что Усинскую долину осваивали тувинцы из сумо, не подчинявшихся тувинскому амбын-нойону, а находившихся в ведении монгольских князей.

В данный период имело место и хозяйственное освоение Усинской долины шушенскими крестьянами, скрывавшими это от русских властей. Кроме того, Усинская долина регулярно посещалась енисейскими казаками, выезжавшими в верховья Иджима для проверки пограничных знаков и меновой торговли с тувинцами. Исследователя Л. Э. Шварца в путешествие по Усинской долине в 1858г. сопровождал казак, «делавший уже 15 раз подобное путешествие», а так же шушенский крестьянин. Л. Э. Шварц здесь отмечал «ни казаки, ни крестьяне не считают Ус за пограничную реку с Китаем», утверждая: «Усинская степь — обетованная земля крестьян Шушинского села» (Шварц, 2007: 52). Исследователь Л.Э. Шварц в 1858 г. утверждал, что прежде шушенские крестьяне обращались за разрешением переселиться в Усинскую долину, но российские власти неизменно отказывались выдать крестьянам такое разрешение. Очевидно, материалы экспедиции 1858 г. опровергают распространенную версию о появлении старообрядческих поселков на Усе в первой половине XIX в.

Представление об усинских тувинцах дают материалы экспедиции ИРГО 1858г. Начальник экспедиции Математического отдела Сибирской экспедиции ИРГО Л.Э. Шварц отметил: «сойоты не считают Ус пограничной рекой, хотя фактически они владеют им» (там же), он так же увидел, что: «в долине Уса и Иджима сойотское население очень многочисленно» (там же: 54). Остановившись в долине Иджима начальник экспедиции зафиксировал: «В полдень к нам зашел зайсан-старшина с четырьмя спутниками из верхнего улуса, находящегося от нас почти в верстах расстояния... Я успел только узнать, что старший зайсан — наш гость был младший — отправился десять дней тому назад в Улясутай с ясаком» (там же: 54). Л. Э. Шварц так же описал два тувинских поселения на Иджиме: «За озерами расположен улус, образуя около них большую дугу; дома в нем весьма разнообразны» (там же); «скоро мы пришли к нижнему улусу, состоящему из четырех бедных юрт, которые едва моли дать убежище от дождя. Немного скота — большей частью телят (большой скот был в горах) — паслось возле улуса; тут же бродило несколько лошадей» (там же: 55). На берегу Уса Л. Э. Шварц также встречал тувинцев, он писал: «подле нас стояли три сойотские юрты, в которых жили четверо мужчин, двое женщин и большое число взрослых и малолетних детей»

(там же: 56). Спускаясь по Усу в Енисей, начальник экспедиции отмечал: «Очень часто нам случалось плыть мимо юрт, и во время ночных остановок нас часто посещали сойоты» (там же: 61). В материалах экспедиции так же отмечается, что жившему на Иджиме зайсану подчинены все тувинцы в Усинском районе, «у которого в распоряжении находится вообще более 70 человек» (там же: 58).

Усинские тувинцы в XIX веке

Активное русское освоение Усинского района началось в XIX в. Сначала в бассейне Уса и прилегающих районах начинается добыча золота, затем здесь появляются русские торговцы. Затем, как отмечалось в документах: «В 1863 году в Южную часть Минусинского округа Енисейской губернии явились неизвестные люди в числе 79 душ мужчин и 66 душ женщин, которые без разрешения устроили селения на казенных землях...» (Государственный архив Красноярского края — ГАКК. Ф. 595, оп. 19, д. 299, л. 1). Именно за старообрядцами, основавшими Усинск, в 1860-х гг. были закреплены казенные земли в Усинской долине. В XIX в. приграничные с Тувой русские земли в бассейне Енисея вошли в состав Минусинского округа Енисейской губернии. С введением закона 1882 г. о преобразовании общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири из селений Верхне-Усинского и Нижне-Усинского было образовано отдельное сельское общество и открыт сельский суд. 30 декабря 1885 г. последовало высочайшее повеление об образовании Усинского пограничного округа.

Первый Усинский пограничный начальник А. М. Африканов внес большой вклад в изучение усинских тувинцев. В его работе «Русская торговля в Урянхайской земле» говорится: «Кочевья урянхов некоторых сумо Бейса и да-хошунов перемешаны... сумо: Ада-Тюлюш — по правому берегу Улу-кхема по рр. Темерсуку и Ичжиму, а рядом с ними Киргиз, — по рр. Кули-кхему, Орта-Кхему и в пределах Усинского округа по Енисею, ниже Бом-Кемчика по рр. Б. и М. Урам, Юргоне, Оспану и даже Атысу, впадающему в р. Золотую... Другой княжеский Да-хошун находится в ведомстве Хоту-гоиту Цзасакту-хана хошуна Бичирилты и в нем тоже насчитывается до 17 сумо, из коих по сю сторону Танну кочуют лишь два сумо: 1) Мады — в верховьях р. Уса, по рр. Уту, Одже и Уюку и 2) Джлда — по р. Тапсе; сумо эти малочисленны по составу» (Африканов, 1890: 51). Но в официальных отчетах пограничного начальника А. М. Африканова представлена противоречивая картина. В 1886 г. он утверждал, что: «Небольшие кочевья их оставались еще вниз по берегам Уса в малодоступных местностях» (ГАКК. Ф. 49, оп. 1, д. 394, л. 2). В отчете за 1887 г. говорилось: «В Усинском округе постоянных кочевьев урянхов почти нет, если не считать два-три улуса урянхов, расположенных на займищах по берегам Енисея между 23 пограничным знаком и устьем Уса...» (ГАКК. Ф. 595, оп. 19, д. 3773, л. 5об.). Однако, в 1889 г. Усинский пограничный начальник писал Иркутскому генерал-губернатору: «составил списки китайских подданных Урянхов, проживающих в местностях, принадлежность

которых России не подлежит сомнению... проживающих на нашей территории более ста урянхайских семейств имеют стада и полное хозяйство и даже, частью, занимаются хлебопашеством (по реке Юргуни)» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области — ГАИО. Ф. 25, оп. 11, д. 148, л. 1).

В документах Усинского пограничного округа не встречается выделения усинских тувинцев в качестве отдельной группы. Например, в «Инструкции Усинскому Пограничному Начальнику по возложенной на него Высочайше утвержденным 30 декабря 1885 г. мнением Государственного Совета обязанности ведения пограничных сношений» говорится лишь о двух категориях населения в регионе — «русских и Урянхов», безразлично места их проживания — в российском Усинском пограничном округе или китайском Урянхайском крае (ГАКК. Ф. 595, оп. 48, д. 771). Но здесь можно указать, что еще Л. Э. Шварц в 1858 г. отметить, что встреченные им на Усе тувинцы «были каким-то образом трезвы и оказали нам более доверия, чем их земляки на Иджиме» (Шварц, 2007: 56). В материалах А.М.Африканова есть указания на заимствование усинскими тувинцами элементов русской культуры. Например, в 1887 г. он отмечал, что тувинцы, побывавшие в Усинских селениях, стали носить бродни¹ (ГАКК. Ф. 217, оп. 2, д. 70, л. 40).

Ясной и полной картины тувинского населения Усинского района русские власти не имели. В составленном в конце XIX в. «Алфавитном списке инородческих племен и народностей, проживающих в Енисейской губернии», дается следующая информация: «Урянхайцы — кочевой народ, монгольского племени. Главные занятия их скотоводство и звероловство, хлебопашество в младенческом состоянии. Урянхайцы назывались также Калмыками двоеданцами, потому, что до 1865 г. они считались подданными, как русскими, так и китайцами и вследствие этого платили большую дань. Урянхайцы отчасти православные, отчасти язычники буддисты. — Территория: Юго-западная часть Бийского округа Томской Губернии и Юго-западная часть Минусинского Округа Енисейской Губернии; встречаются в Байкальских горах. Численность по сведениям за 1865г. — 15000. По местным сведениям, в Минусинском округе урянхайцы не показаны вовсе. В Усинском округе проживают «Урянхи», китайские подданные, в самом незначительном количестве...» (ГАКК. Ф. 31, оп. 1, д. 208, л. 29). Русские власти не пытались поставить под свой контроль усинских тувинцев. Наоборот они не препятствовали тому, что бы в усинских селениях находился цинский чиновник, управлявший всеми тувинцами (ГАКК. Ф. 595, оп. 19, д. 3773, л. 60б.).

Русское комплексное освоение Усинского района привело к изменениям в тувинском освоении этой территории. В документах сохранились косвенные указания на то, что тувинские власти в 1860-х гг. пытались создать препятствия

¹ Бродни – традиционная сибирская мужская кожаная обувь на мягкой подошве с высокими голенищами.

русской земледельческой колонизации. В материалах Минусинского окружного исправника есть такие сообщения: «... усматривая из Указа Енисейской Казенной Палаты от 13 октября 1866 года №5394, что вследствие ходатайства предместника моего Г. Третьякова о прекращении стеснений со стороны Китайского Начальства Русских крестьян на Усинской местности, в дозволении ими пользоваться пашнями и другими угодьями на 50 верст не далее реки Уса по распоряжению Г. Начальника Губернии Казенною Палатою требовалось от Губернского Землемера указание границы Минусинского округа от Китайских владений...» (Архив города Минусинска — АГМ. Ф. 39, оп. 1, д. 5, л. 70-70 об.). Тем не менее, цинские власти в 1860-х гг. добились выселения русских с долины реки Уюк, но даже не поднимали вопроса о русских, живших на Усе.

Во второй половине XIX в., вероятно, сокращаются тувинские кочевья, развивается хозяйственная кооперация и рост зависимости тувинцев от русских предпринимателей и крестьян. В конце XIX — начале XX в. приграничные районы России оставались традиционным местом промыслов цинских подданных тувинцев. В отчете А. М. Африканова за 1887 г. говорилось: «Помимо сойот, проживающих в Усинском округе для заработков личным трудом, много сойот уходят в Саяны для охоты на пушного зверя» (ГАКК. Ф. 595, оп. 19, д. 3773, л. 60б.). Описание тувинцев в Усинском районе в конце XIX в. дано в работе В.А.Ошуркова «Из странствий по земле Урянхов»: «На прииске есть рабочие и из сойот... Кругом приисковых построек, на склонах соседних увалов... виднеются конические юрты кочевников. Тут же пасутся небольшие стада рогатого скота и овец. Целое лето сойоты гонят водку из молока и тем причиняют большую тревогу приисковой администрации... Помимо водки и заработков, близость сойотских юрт объясняется еще и той ролью, какую сойотские женщины играют по отношению к приисковому люду, а сверх того, сойотам и деваться-то некуда: вершины речек представляют прекрасные летние пастбища, где нет ни комара, ни мошек» (Родевич, 2007: 378). Современники отметили своеобразную форму эксплуатации тувинцев-промысловиков переселенцами-хакасами: «Засельщики “Усть-Усинского” поселка, войдя в тесное общение с сойотами соседями скоро усвоили себе выгоду снаряжения на промысел вместо себя сойота: давая ему охотничьи припасы и продовольствие, хозяин-промышленник получает с охотника-сойота две трети добытого» (Лавров, 1920: 21). Тувинцы приходили к русским на сезонные заработки, например на сенокос. Кроме того, тувинские работники вместе с женами и детьми стали селиться в русских селениях, чаще в качестве работников у местных крестьян.

К концу XIX в. тувинское население Усинского округа оставалось многочисленным. В 1889 г. усинский пограничный начальник писал Иркутскому генерал-губернатору: «составил списки китайских подданных Урянхов... на каждого русского поселившегося на китайской земле причитается 10 урянхов, поселившихся у нас» (ГАИО. Ф. 25, оп. 11, д. 148, л. 1). В начале XX в. на территории Усинского

района сохранились тувинские кочевья, в основном в верховьях Уса, местные тувинцы занимались охотничьим промыслом, в низовьях Усы сохранялось тувинское земледелие, много тувинцев были временными или постоянными работниками у усинских крестьян.

Усинские тувинцы и русские

Русское торговое, горнопромышленное и земледельческое освоение Усинской долины и прилегающих территорий Тувы привело к росту русско-тувинских противоречий. Современники отмечали, что в середине XIX в. «Кочующие в долине Уса сойоты встретили первых русских весьма недружелюбно и позволяли себе насилия над их имуществом и личностью, угоняли скот и привязывали их раздетыми до-нага к деревьям...» (АГМ. Ф. 71, оп. 2, д. 51, л. 196об.). Красноярский кафедральный протоиерей в. Д. Касьянов в июле 1878 г. записал в своем дневнике: «На Усу золото. Соёты поколотили русских – минусинских за их обиды и неправды» (Касьянов, 2012: 189). Для предотвращения русско-тувинских конфликтов Петербург предписывал, чтобы местные русские власти шли тувинцам на уступки (ГАКК. Ф. 595, оп. 8, д. 5446, л. 1). В «Докладе заведующего Пограничными делами Усинского округа Иркутскому генерал-губернатору о принятии Тувы под покровительство России от 24 августа 1914 г.» дается картина серьезных проблем в отношениях между русскими и тувинцами, кочевавшими в Усинской долине и прилегающих районах Тувы. А. Церерин писал о «урянях Маады и Чооду сумонов, в конец разоренных монголами и отчасти русскими» следующее: «Урянхи этих сумонов почти поголовно воры и от них жестоко страдает русское население» ...»(Собрание архивных ... , 2014: 163).

Принятие Тувы под политическое покровительство России вызвало и вопрос об организации усинских тувинцев. Правда, в 1914 г. как и прежде, усинские тувинцы состояли в сумо, управления которых находились на территории Танну-Тува Урянхая, а подчинялись монгольским князьям. В «Докладе заведующего Пограничными делами Усинского округа Иркутскому генерал-губернатору о принятии Тувы под покровительство России от 24 августа 1914 г.» говорилось: «Высочайшее повеление о принятии урянхов под покровительство России относилось лишь к урянхам “пяти хошунов”, между тем в Урянхайском крае, помимо пяти хошунов, кочуют еще два отдельных незначительных сумона Маады и Чооду, численностью в обоих сумонах около 1000 душ, кочевья которых начинаются недалеко от села Усинского. Из этих сумонов-данников монгольского князя вана Намхайчжанцана, я также еще в минувшем году удалил монгольских чиновников и предполагал присоединить население сумонов, в виду незначительности такового, к управлению амбын-нойона. Но собравшиеся чиновники и население в самой категорической форме высказалось против этого и попросили меня устроить для них отдельное управление, что и было мною сделано. Так

как кочевья у этих сумонов общие, то во главе управления был мною поставлен «тэригун-цзайсан» — главный цзайсан с двумя помощниками...» (Собрание архивных ... , 2014: 162–163).

Проживание тувинцев в пределах России обусловило проблему православной миссионерской деятельности среди этой части «русских иностранцев». В июле 1878 г. епископ Енисейский и Красноярский писал Енисейскому губернатору: «Находящийся в Усинском крае Минусинского округа, среди раскольников и Соётов в качестве миссионера, Николай Путилов, в донесении своем... пишет, что когда весною сего года приехал на р. Ус для исполнения духовных треб Священник села Субботина Гавриил Силин, то к нему явился один Соёт и изъявил желание креститься вместе со своим семейством» (ГАКК. Ф. 595, оп.1, д. 5730, л. 1). Сам миссионер Н. А. Путилов писал: «...когда этот край заселится православными, а соёты примут христианство, то эта страна процветет и будет иметь влияние на всю Енисейскую губернию» (Путилов, 1914, № 1: 32). Миссионер-доброволец представил руководству Енисейской епархии свой план миссионерской работы и даже попытался добиться выделения специального земельного фонда для «поселения на них крещеных соет» (Путилов, 1914, № 3–4: 92). В отчете за 1878 г. Н. А. Путилов писал: «Осенью приезжали на Ус двое именитых соётов (один зять нойона), которым я подарил две русских азбуки; они условились со мной о том, что весною, когда я возвращусь на Ус, они привезут своих детей учиться... Вообще, если бы соёты учились здесь по-русски и приняли бы христианство, то это много способствовало бы сближению их с русскими, на которых стали бы смотреть не как на своих врагов (как теперь), а как на своих единоверцев...» (Путилов, 1914, № 5: 338–339). В декабре 1878 г. генерал-губернатор Восточной Сибири сообщал Енисейскому губернатору: «... Министерство Иностранных Дел не встречает препятствий к принятию соет в Православную веру, но, во избежание столкновений с китайскими властями, находит полезным допускать принятие их в лоно нашей церкви лишь отдельными лицами, а не целыми семьями и обществами... при принятии Соет в Православие должно соблюдать строгую разборчивость... причем желательно бы впредь заявлять им, что принятие ими Православия не дает им ни каких прав на наше покровительство и заступничество перед Китайскими властями» (ГАКК. Ф. 595, оп. 1, д. 5730, л. 7). 29 января 1879 г. усинский миссионер получил официальное разрешение крестить тувинцев, но ни одного случая крещения усинских тувинцев в это время, очевидно, не было.

В начале 1880-х гг. интерес к Усинской долине проявило руководство Енисейской епархии. Красноярский кафедральный протоиерей В. Д. Касьянов 8 января 1883 г. записал: «у Архиепископа речи... об Усинской церкви и о Миссионерском обществе...» (Касьянов ... , 2012: 304). Через несколько дней, 16 января, он вновь отметил: «Вечером у архиепископа заседание Миссионерского общества о том, ехать ли ему на Ус для освящения церкви» (там же: 305). В начале 1884 г. Усинскую до-

лину посетил епископ Енисейский и Красноярский Исаакий. В первом номере «Енисейских Епархиальных Новостей» можно прочитать: «В 25 день Января сего года Его Преосвященство, Преосвященнейший Исаакий, Епископ Енисейский и Красноярский, выехал в Усинский край (к Китайской границе), по делам миссии и для обозрения церквей» (Енисейские ... , 1884: 8). В дневнике протоиерея Касьянова записано: «25 января, среда. Около 7 часов утра отвалил Преосвященный по Енисею на Ус в 2-х экипажах... 16 февраля... От Означенной до Усу — 280 верст, езда по Енисею, утесах много полыней, есть Федосова яма, где Федосий (протоиерей-подвижник на Усу), протоиерей, подвизался. Весь кортеж или поезд состоял из 17 экипажей, по одной лошади и седоку, у Архиерея 2 лошади. Освящение церкви...» (Касьянов ... , 2012: 338).

По результатам поездки на Ус Епископ Исаакий писал: «Те из Сойот, которые давно живут около христиан, знают некоторые христианские молитвы и, если не принимают св. Крещения, то из боязни подвергнуться преследованию со стороны своего духовенства по таким причинам, которые нельзя признать серьезными... Надо полагать, что усердный, преданный своему делу миссионер без особых трудов может приобрести новых чад для Св. Церкви в среде Сойот язычников» (ГАКК. Ф. 674, оп. 1, д. 7847, л. 13). Исаакий выступил с ходатайством направить в Верхне-Усинское особый миссионерский причт, указывая: «К обязанностям причта должно быть отнесено прежде всего попечение о православных чадах Св. Церкви, в особенности о крещеных инородцах; затем причт должен иметь в виду старообрядцев и Сойот язычников, проживающих в Усинском крае» (ГАКК. Ф. 674, оп. 1, д. 7847, л. 13об-14).

Первым священником Николаевской церкви в Верхне-Усинске стал миссионер Платон Тыжнов, служивший до 1884 г. настоятелем Шушенской церкви. В дневнике кафедрального протоиерея Касьянова за 2 февраля 1885 г. записано: «Священник Платон Тыжнов из Ермаковского села приехал на Ус на 7-й день, с 14 сентября до 20 числа ехали верхом... всего было 5 лошадей. Был снег, горы: Куломыс и Арадан, на последний можно подняться с помощ лошади, держась за ея хвост» (Касьянов ... , 2012: 372). В отчетном докладе священника Верхне-Усинской Миссионерской Николаевской церкви Платона Тыжнова благочинному о проделанной в 1884 г. работе о крещении тувинцев не упоминались. В документе говорилось: «Некоторым из обрусевших Сайотам я предлагал креститься и обучить молитвам, но они не соглашались по той причине, что их начальники и ламы воспрещают им не только креститься, но и носить русскую одежду» (АГМ. Ф. 17, оп. 1, д. 264, л. 41об).

Несмотря на разные проблемы, усинский священник все же находил возможности крестить тувинцев. В документах говорится: «1888 году просвещен Св. Крещением Священником Усинской миссионерской Церкви О. Платоном Тыжновым» «Подданный Китайской Империи из племени Урянхайцев, Сумы Бижи-Кожун, Калгадчика, и его Св. Крещению Ивана по восприемному отцу Тыжнова»

(ГАКК. Ф. 595, оп. 1, д. 3343, л. 2-2об.). Но после принятия православия этот усинский тувинец уехал в Шушенское.

Длительное проживание усинских тувинцев по соседству с русскими и на территории российского пограничного округа не привело к принятию ими православия. В «Отчете Красноярского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1901 г.» говорилось, что село Верхне-Усинское находится «в ведении Миссионерского Комитета состоит потому, что в это село иногда заходят китайские подданные — язычники Сойоты; но миссия христианской проповеди по отношению к ним не имеет никаких плодов» (Енисейские епархиальные, 1902: 210). Собственно на территории Усинского пограничного округа православная миссия среди местных тувинцев не имела большого успеха во многом по политическим причинам. Тувинцев далеко не всегда крестили даже в случае таковых просьб за пределами Усинского округа. Весной 1908 г. священник Сабинской церкви сообщил епископу Енисейскому и Красноярскому: «китайский подданный из рода сойотов Дизоль». При этом он указал: «Дизоль говорит, что ему теперь нельзя показаться на свою родину, в Усинский край, потому остриг свою косу, что считается у них нарушением священного обычая, за что будет казнен своими родичами. Принимали его под свое покровительство австрийской иерархии старообрядцы, желая его присоединить к своей вере, но он это отвергнул, а желает присоединиться к Св. Православной Христианской церкви. Дизола я пока поручил одному грамотному прихожанину деревни Кальской, чтобы он научил бы его первоначальным молитвам впредь до разрешения епархиального начальства» (ГАКК. Ф. 674, оп. 1, д. 3174, л 1-1об.). Но епархиальное руководство уклонилось от решения данного вопроса. Консistorия потребовала, чтобы Дизоль «исходатайствовал перед гражданским начальством документ, удостоверяющий его личность». Очевидно, этому тувинцу, как и многим другим, так не удалось принять православие.

Таким образом, проживавшие на территории Усинского пограничного округа тувинцы полностью сохраняли все атрибуты подданства цинскому императору. Все усинские тувинцы, крестившиеся, как Калгадчик (Иван Тыжнов) или просто принявшие русский образ жизни, как Дизоль, вынуждены были покинуть Усинскую долину и переезжать вглубь российской территории. При этом, тувинцы сталкивались с проблемой нежелания русских властей принимать их в русское подданство.

Усинские тувинцы в начале XX века

Наличие постоянного тувинского населения на соседней территории обусловило территориальные претензии тувинского национально-государственного образования. И это не случайно, так как строительство национального госу-

дарства предполагало идею тождественности этнической и государственных территорий. Не случайно на протяжении нескольких первых десятилетий XX в. стоял вопрос о присоединении Усинского района к Туве. В 1920-х гг. в регионе вспоминали: «В результате падения престижа России после войны с Японией Танну-тувинский Огурды-Хайдуп, пользовавшийся большим влиянием в крае, самовольно передвинул государственную границу на север в русские владения и поручил поставленной им там страже не пропускать за Саяны русских транспортов и эмигрантов... Конфликт этот получил широкую огласку и вызвал посылку в край русского военного отряда в 125 человек. Хайдуп китайскими властями был отдан под суд, и дело его не имело серьезного последствия для Засаянского края» (Красноярский краевой краеведческий музей. Вспомогательный фонд (в/ф) 9463/8: 5). М. Г. Сафьянов утверждал: «Тувинцы до сих пор считают своей территорией не только весь Урянхай... но в состав земель Танну-Тува они относят так-называемый Усинский пограничный округ. Там, говорят они, где расположены сейчас усинские селения Минусинского округа, прежде их деды пасли скот, охотничали и пахали землю» (Кайский, 1926: 18–19).

Во время гражданской войны в Усинском районе имели место межнациональные конфликты. Именно в Усинском районе произошла одна из самых страшных трагедий в истории Гражданской войны в Засаянском крае. В сентябре 1919 г. тувинская банда уничтожила русский поселок Гагуль, зверски убив всех его жителей, около 70 человек русских и хакасов. Но убийствами занимались банды из западной Тувы, фактов межнациональных столкновений между представителями разных общин, проживавших в Усинском районе, не зафиксировано.

После окончательного установления советской власти на юге Сибири и оформления Тувинской республики проживавшие на Усу тувинцы остались под властью Тувы, а русские власти их не касались. Например, в планах работы Усинского Районного комитета ВКПб. на 1924 г. не было вопросов, связанных с тувинцами (ГАКК. Ф. П-44, оп. 1, д. 4). О тувинцах не упоминалось и в докладе «Усинская волость при новом адмделении Минусинского уезда Енисейской губернии» 1924 г. (ГАКК. Ф. Р-49, оп. 1, д. 475). В делопроизводственной документации по Усинскому району тувинцы фигурировали лишь в связи проблемами незаконного перехода границы и контрабанды. При этом в научно-справочной литературе численность тувинцев в долине Уса в 1920-х гг. определялась в 2,5 тыс. человек (Сойоты, 1929: 61).

Русское общество в Советской Сибири слабо себе представляли специфику населения Усинского района. В научно-справочном издании «Вся Сибирь» за 1925 г. говорилось: «тувинцы родственны с туземцами нашего Усинского края» (Вся Сибирь ... , 1925: 70). Кроме того, непризнание факта существования в составе населения Енисейской губернии такой группы как «усинские тувинцы» привело советское руководство к признанию территориальных претензий ТНР

на Усинский район. В «Докладе Комиссии ЦКК об обследовании партийной и советской работы в Тувинской Народной Республике» от 23 сентября 1929 г., опубликованном в «Протокол заседания Сибкрайкома», говорилось: «Самым слабым местом в области дипломатической работы является пограничный вопрос. Тувинцы ставят вопрос так, что Усинский район принадлежит им... с Усинским же районом дело обстоит таким образом, что НКВД и Полпредство еще сами не привели этого вопроса себя в ясность. Они тянут в этом вопросе с тувинцами, они говорят тувинцам, что размежевание сейчас актуального значения не имеет» (ГАНИИО. Ф. 16, оп. 1, д. 951, л. 38).

Заключение

Таким образом, с момента пограничного русско-китайского размежевания в первой половине XVIII в. и до вхождения Тувы в состав Российской Федерации в середине XX в. постоянно проживавшие в Усинском районе тувинцы русской властью воспринимались в качестве иностранцев. Лишь с 1950-х гг. в делопроизводственных документах местного сельсовета отражается местное тувинское население.

На протяжении всего рассматриваемого периода существовали не только тесные связи, но и активный миграционный взаимообмен между тувинцами Тувы и Усинского района. Но при этом усинские тувинцы всегда имели этнокультурную специфику, которая формировалась фактом их проживания за пределами национального государственного образования и тесным взаимодействием с русским населением. Современная история усинских тувинцев является логическим отражением и логическим продолжением многовековой истории тувинцев в Усинском районе. Поэтому, мы полагаем, что для всестороннего изучения данной этнической группы тувинцев необходима комплексная научно-исследовательская программа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Krivosnogov, V. P., Mikhailova Ya. S. (2015) The Usinsk Tuvans in the XXI century // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 8, № 4, Апрель. С. 793-804.

Messerschmidt, D. G. (1962) Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. - Т. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721-1722 / Herausgegeben von E. Winter und N.A. Figurovskij; mit einem vorwort von W. Steinitz und A.V. Topčiev. Berlin : Akademie-Verlag. 380 s.

Африканов, А. М. (1890) Русская торговля в Урянхайской земле // Известия ВСО ИРГО Т. XXI. № 5. С. 1-33.

Баранов, А. (1913) Урянхайский вопрос. Харбин : Типо-лит. Заамурского Округа Отд. Корп. Погр. Стр. 50 с.

Вся Сибирь, со включением Уральской области : справочная и адресная книга на 1925/26 г. : с приложением карты Азиатской части СССР и планами городов : Ново-Николаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска (1925). М. : Издание «Известий ЦИК СССР». 606 с.

Дацышен, В. Г. (2009) Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/634> (дата обращения: 12.12.2016).

Енисейские Епархиальные Ведомости (1884). № 1.

Журавель, Т. Н. (2011а) Сферы функционирования тувинского языка в Усинской котловине Красноярского края // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России материалы Всероссийского научного семинара с международным участием, 29 июня 2011 г., Абакан / от. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 99 с. С. 16–19.

Журавель, Т. Н. (2011b) Образ этнической родины в языковом сознании тувинцев Усинской котловины [Электронный ресурс] // Конференция «Молодёжь и наука 2011». Сибирский федеральный университет. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s16/s16_12.pdf (дата обращения: 12.12.2016).

История Тувы (2007) / ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Кайский, М. (1926) Урянхайский вопрос // Северная Азия. Кн. 4. С. 16–25.

Касьянов Василий Дмитриевич, протоиерей (2012). Из дневников 1870-1897 гг. : в 2 кн. / автор-сост. А. В. Броднева. Красноярск : ООО Издательский дом «Восточная Сибирь». Кн. 1. 701 с.

Кон, Ф. Я. (1914) Усинский край // Записки Красноярского подъотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Записки по географии. Т. II, вып. I. Красноярск : тип. б. М. И. Абалакова. 111 с.

Кривоногов, В. П., Михайлова, Я. С. (2014) Современная этнография усинских тувинцев // Родина. № 7. С. 91–96.

Куулар, Е. М. (2016) Некоторые особенности речи усинских тувинцев красноярского края // Казанская наука. № 9. С. 58–61.

Куулар, Е. М., Суванди, Н. Д. (2016) Языковая картина мира усинских тувинцев: этнолингвистический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11–2. С. 112–115.

Лавров К. П. (1920) Исторический очерк Саянского промыслово-охотничьего района // Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Труды экспедиций по изучению соболя и исследованию соболиного промысла. Серия II. Саянская экспедиция. П. : Государственное издательство. 458 с. С. 17–58.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Тувиноведение: Новые горизонты. М. : Книжный дом «Либроком». 184 с.

Маннай-оол, М. Х. (1995) Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Серия историческая. Вып. XVIII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. С. 56–61.

Михайлова, Я. С. (2014) Современные языковые процессы у усинских тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/164> (дата обращения: 13.12.2016).

Моллеров, Н. М. (2005) История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М.: Институт молодежи. 326 с.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный Музей Этнологии. 358 с.

Отчет Красноярского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1901 г. (1902) // Енисейские Епархиальные ведомости. Красноярск. № 7. С.210.

Путилов, Н. (1914) Летопись Усинской миссии, находящейся на реке Усу, Енисейской губ. Минусинского округа, Шушенской волости, близ Китайской границы // Сибирский Архив. № 1. С. 27–40; № 3–4. С. 91–106, № 5.

Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. III: Русско-китайские отношения. 1727–1729 (2006) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли. 544 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов (1996) / сост. Г.И.Слесарчук. М. : Восточная литература. 560 с.

Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем — Тувой : к 100-летию исторического события (2014) / сост.: Бондаренко Т. А. и др. Кызыл : ТИГИ. 479 с.

Сойоты // Объяснительная записка к этнографической карте Сибири (1929) / ред. С.Ф.Ольденбург, С. И. Руденко. Л. : Изд-во Академии наук. 104 с. С. 60–61.

Соян, А. М. (2016) Песни и частушки усинских тувинцев // Мир науки, культуры, образования. Т. 61, № 6. С. 371–373.

Степанов, А. П. (1997) Енисейская губерния. Красноярск : Горница. 223 с.

Сувандии, Н. Д. (2016) Особенности собственных имен усинских тувинцев // Филологические науки: вопросы теории и практики. № 12-1(66). С. 163–165.

Риттер, К. (2007) Землеведение Азии. Том III // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – Тану-Туве, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/ Slovo. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV — начало XX в.). 664 с. С. 110–187.

Родевич, В. Очерк Урянхайского края // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае – тану-Туве, урянхайцах – тувинцах, о древностях Тувы / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 3: Урянхайский край. Тувинско-русские отношения (начало XVII — начало XX вв.). 608 с. С. 344–541.

Шварц, Л. Э. (2007) Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции Императорского Русского Географического общества (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Тану-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 5: Урянхайский край. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX вв.). 736 с. С. 34–75.

Фельде, О. В., Журавель, Т. Н. (2012) Тувинский язык в Красноярском крае. Опыт социопсихолингвистического исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (125). С.159–163.

Дата поступления: 12.07.2016 г.

REFERENCES

Krivosnogov, V. P. and Mikhailova Ya. S. (2015) The Usinsk Tuvans in the XXI century. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, vol. 8, no. 4, April, pp. 793–804.

Messerschmidt, D. G. (1962) *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Vol. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722* / Herausgegeben von E. Winter und N.A. Figurovskij; mit einem vorwort von W. Steinitz und A.V. Topčiev. Berlin, Akademie-Verlag. 380 s. (In Germ.).

Afrikanov, A. M. (1890) Russkaia trgovlia v Uriankhaiskoi zemle. *Izvestiia VSO IRGO*, vol. XXI, no. 5, pp. 1–33. (In Russ.).

Baranov, A. (1913) *Uriankhaiskii vopros*. Kharbin, Tipo-lit. Zamuurskago Okruga Otd. Korp. Pogr. Str. 50 p. (In Russ.).

Vsia Sibir', so vklucheniem Ural'skoi oblasti : spravochnaia i adresnaia kniga na 1925/26 g.: s prilozheniem karty Aziatskoi chasti SSSR i planami gorodov : Novo-Nikolaevska, Omska, Tomska, Barnaula, Krasnoarska, Irkutska, Chity, Blagoveshchenska, Vladivostoka i Sverdlovskia (1925). Moscow, Izdanie «Izvestii TsIK SSSR». 606 p. (In Russ.).

Datsyshen, V. G. (2009) The Tuvan population of Usinsk boundary district of the Yenisei province. From the history of relations between Russia and Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/634> (access data: 12.12.2016). (In Russ.).

Eniseiskie Eparkhial'nye Vedomosti (1884). № 1. (In Russ.).

Zhuravel', T. N. (2011a) Sfery funktsionirovaniia tuvinskogo iazyka v Usinskoi kotlovine Krasnoarskogo kraia. In: *Minoritarnye iazyki v polikul'turnom prostranstve Rossii materialy*

Vserossiiskogo nauchnogo seminara s mezhdunarodnym uchastiem, 29 iunია 2011 g., Abakan, ed. T. G. Borgoiaikova. Abakan, Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova. 99 p. Pp. 16–19. (In Russ.)

Zhuravel', T. N. (2011b) *Obraz etnicheskoi rodiny v iazykovom soznanii tuvintsev Usinskoi kotloviny. Konferentsiia «Molodezh' i nauka 2011». Sibirskii federal'nyi universitet* [online] Available at: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2011/thesis/s16/s16_12.pdf (access date: 12.12.2016). (In Russ.)

Istoriia Tuvy (2007), ed. V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. II. 430 p. (In Russ.)

Kaiskii, M. (1926) *Uriankhaiskii vopros. Severnaia Aziia*, book 4, pp. 16–25. (In Russ.)

Kas'ianov Vasilii Dmitrievich, protoierei (2012). *Iz dnevnikov 1870-1897 gg.* : in 2 books, comp. A. V. Brodneva. Krasnoiarsk, OOO Izdatel'skii dom «Vostochnaia Sibir'». Book 1. 701 p. (In Russ.)

Kon, F. Ya. (1914) *Usinskii krai*. In: *Zapiski Krasnoiarskogo pod»otdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Zapiski po geografii*, vol. II, issue I. Krasnoiarsk, tip. b. M. I. Abalakova. 111 p. (In Russ.)

Krivotnogov, V. P. and Mikhailova, Ia. S. (2014) *Sovremennaia etnografiia usinskikh tuvintsev. Rodina*, no. 7, pp. 91–96. (In Russ.)

Kuular, E. M. (2016) *Nekotorye osobennosti rechi usinskikh tuvintsev krasnoiarskogo kraia. Kazanskaia nauka*, no. 9, pp. 58–61. (In Russ.)

Kuular, E. M. and Suvandi, N. D. (2016) *Iazykovaia kartina mira usinskikh tuvintsev: etnolingvisticheskii aspekt. Filologicheskie nauk. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11–2, pp. 112–115. (In Russ.)

Lavrov K. P. (1920) *Istoricheskii ocherk Saianskago promyslovo-okhotnich'iago raiona*. In: *Saianskii promyslovo-okhotnichii raion i sobolinyi promysel v nem. Trudy ekspeditsii po izucheniiu sobolia i issledovaniiu sobolinogo promysla. Seriia II. Saianskaia ekspeditsiia*. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 458 p. pp. 17–58. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdru proshlym i budushchim*. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteiia. 368 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Tuvinovedenie: Novye gorizonty*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 184 p. (In Russ.)

Mannai-ool, M. Kh. (1995) *Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost'*. In: *Uchenye zapiski TNIIaLI. Seriia istoricheskaiia*. Vol. XVIII. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 56–61. (In Russ.)

Mikhailova, Ya. S. (2014) *Modern lingual processes among Tuvans of Usinsk. Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/164> (access date: 13.12.2016). (In Russ.)

Mollerov, N. M. (2005) *Istoriia sovetsko-tuvinskikh otnoshenii (1917–1944 gg.)*. Moscow, Institut molodezhi. 326 p. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste*. Osaka, Natsional'nyi Muzei Etnologii. 358 p. (In Russ.)

Otchet Krasnoiarskogo Eparkhial'nogo Komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva za 1901 g. (1902). *Eniseiskie Eparkhial'nye vedomosti* (Krasnoiarsk), no. 7, pp. 210. (In Russ.)

Putilov, N. (1914) Letopis' Usinskoi missii, nakhodiashcheisia na reke Usu, Eniseiskoi gub. Minusinskogo okruga, Shushenskoj volosti, bliz Kitaiskoj granitsy. *Sibirskii Arkhiv*, no. 1, pp. 27–40; no. 3–4, pp. 91–106, no. 5. (In Russ.)

Russko-kitaiskie otnosheniia v XVIII veke. Dokumenty i materialy. Vol. III: Russko-kitaiskie otnosheniia. 1727–1729 (2006), ed. S. L. Tikhvinskii. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli. 544 p. (In Russ.)

Russko-mongol'skie otnosheniia. 1654–1685. Sbornik dokumentov (1996), comp. G.I.Slesarchuk. Moscow, Vostochnaia literatura. 560 p. (In Russ.)

Sobranie arkhivnykh dokumentov o protektorate Rossii nad Uriankhaiskim kraem — Tuvoy : k 100-letiiu istoricheskogo sobytiia (2014), comp. T. A. Bondarenko et al. Kyzyl, TIGI. 479 p. (In Russ.)

Soioty. In: *Ob'iasnitel'naia zapiska k etnograficheskoi karte Sibiri* (1929), ed. S. F. Ol'denburg and S. I. Rudenko. Leningrad, Izd-vo Akademii nauk. 104 p. Pp. 60–61. (In Russ.)

Soian, A. M. (2016) Pesni i chastushki usinskikh tuvintsev. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, vol. 61, no. 6, pp. 371–373. (In Russ.)

Stepanov, A. P. (1997) *Eniseiskaia guberniia*. Krasnoiarsk, Gornitsa. 223 p. (In Russ.)

Suvandii, N. D. (2016) Osobennosti sobstvennykh imen usinskikh tuvintsev. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*, no. 12–1 (66), pp. 163–165. (In Russ.)

Ritter, K. (2007) Zemlevedenie Azii. Tom III. In: *Uriankhai. Tyva depter: antologiiia nauchnoi i prosvetitel'skoi mysli o drevnei tuvinskoj zemle i ee nasel'nikakh, ob Uriankhae – Tanu-Tuve, uriankhait'sakh – tuvintsakh, o drevnostiakh Tuvy*, comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 2. Plemena Saiano-Altai. Uriankhait'sy (IV – nachalo XX v.). 664 p. Pp. 110–187. (In Russ.)

Rodevich, V. Ocherk Uriankhaiskogo kraia. In: *Uriankhai. Tyva depter: antologiiia nauchnoi i prosvetitel'skoi mysli o drevnei tuvinskoj zemle i ee nasel'nikakh, ob Uriankhae – Tanu-Tuve, uriankhait'sakh – tuvintsakh, o drevnostiakh Tuvy*, comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 3: Uriankhaiskii krai. Tuvinsko-russkie otnosheniia (nachalo XVII – nachalo XX vv.). 608 p. Pp. 344–541. (In Russ.)

Shvarts, L. E. (2007) Podrobnyi otchet o rezul'tatakh issledovaniia matematicheskogo otdela Sibirskoi ekspeditsii Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva (izvlecheniia). In: *Uriankhai. Tyva depter: antologiiia nauchnoi i prosvetitel'skoi mysli o drevnei tuvinskoj zemle i ee nasel'nikakh, ob Uriankhae – Tanu-Tuve, uriankhait'sakh – tuvintsakh, o drevnostiakh Tuvy*, comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 5: Uriankhaiskii krai. Uriankhaiskii krai: ot Uriankhaia k Tannu-Tuve (konets XIX – pervaiia polovina XX vv.). 736 p. Pp. 34–75. (In Russ.)

Fel'de, O. V. and Zhuravel', T. N. (2012) Tuvinskii iazyk v Krasnoiarskom krae. Opyt sotsiopsikholingvisticheskogo issledovaniia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 10 (125), Pp. 159–163. (In Russ.)

Submission date: 17.07.2016.

Для цитирования:

Дацышен В. Г. Особенности истории усинских тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.2

For citation:

Datsyshen V. G. Aspects of history of the Usinsk Tuvans. *New Research of Tuva*. 2017, no.1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.2

DOI: 10.25178/nit.2017.1.3

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У ТУВИНЦЕВ ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

CONTEMPORARY ETHNIC PROCESSES IN TUVAN POPULATION IN THE SOUTH OF KRASNOYARSKII KRAI

Виктор П. Кривоногов

Сибирский федеральный университет

Viktor P. Krivonogov

Siberian Federal University

В статье рассматриваются современные этнические процессы у группы тувинцев, издавна проживающей на территории России, в Красноярском крае, на границе с Тувой, по реке Ус, которых называют «усинскими тувинцами». С начала 1990-х годов, в связи с упадком животноводства и массовой безработицей, они почти все переселились в два русских села, составив в них меньшинство. С этого времени среди тувинцев, особенно в детских возрастных группах развернулись особые этнические процессы, которые была призвана исследовать этнографическая экспедиция с участием автора в 2014 г. Среди усинских тувинцев был проведен массовый опрос по этнографической анкете. Использованы были также методы бесед с информаторами и экспертами, изучены доступные статистические материалы. Проанализированы материалы похозяйственных книг из архива местного сельсовета на разные периоды.

Исследование выявило, что на русском языке вынуждены часто общаться даже те, для кого тувинский язык является родным. Наиболее ярко языковая ассимиляция проявляется в самой младшей возрастной группе. Все чаще детям даются русские имена. Все больше молодежи поет только на русском языке. В старшем поколении все знают несколько

The article examines the contemporary ethnic trends in the group of Tuvans who for a long time have been residing in Krasnoyarskii Krai, near the border with the Republic of Tuva, along the river Us. They are habitually referred to as the 'Usinsk Tuvans'. Since early 1990s, due to the decay of cattle farming and mass unemployment, almost all of them have relocated to two Russian villages, where they now form a minority. After the move, the Tuvan population,

especially its youngest age groups, have had specific ethnic experience which was investigated by an ethnographic expedition the author took part in in 2014. The Usinsk Tuvans were surveyed with the help of an ethnographic questionnaire. In addition, informant and expert discussions were held, and available statistical materials studied, as well as household books for a number of years from the local village council archive.

Our study has found that even those whose mother tongue is Tuvan commonly have to communicate in Russian. Linguistic assimilation was most

Кривоногов Виктор Павлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Тел.: +7 (3912) 206-26-77, +7 (3912) 249-59-35. Эл. адрес: victor950@yandex.ru

Krivonogov Viktor Pavlovich, Doctor of History, Associate Professor, Department of General History, Institute for the Humanities, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation. Tel.: +7 (3912) 206-26-77, +7 (3912) 249-59-35. E-mail: victor950@yandex.ru

народных сказок, а среди детей и подростков таких намного меньше

У населения присутствуют некоторые традиционные элементы в свадебном обряде, но более высокие показатели по соблюдению и знанию похоронного обряда. Встречается дуалистическая религиозная самоидентификация («буддизм-шаманизм», «православие-буддизм», «православие-шаманизм»), более трети усинских тувинцев считают себя неверующими.

Постоянно национальную одежду носят в основном женщины преклонного возраста. Большая часть усинских тувинцев (64,5%) никогда не использует национальную одежду. Блюда национальной тувинской кухни встречаются в большинстве семей усинских тувинцев.

Смешанных семей оказалось по всем населенным пунктам 31,7%, в межэтнические браки чаще вступают женщины. Значительное число смешанных браков ведет к появлению метисов.

Исследование позволило сформулировать ряд предположений о нарастающих ассимиляционных тенденциях в области языка и др. Все это ставит под вопрос существование данной группы в будущем. Несмотря на то, что почти половина усинских тувинцев полагают, что сохранятся как этническая группа, тем не менее вторая половина их или затрудняются прогнозировать, или допускают исчезновение их, полную ассимиляцию.

Ключевые слова: усинские тувинцы; Красноярский край; этнодемографические процессы; языковая ассимиляция; национально-смешанные семьи; духовная культура

conspicuous in the youngest age group, where children are increasingly often given Russian names. Youth increasingly often sing only Russian song. While the elder generation still remembers several Tuvan fairy tales, there are fewer children and teenagers with such knowledge.

Tuvans still preserve only some elements of the traditional wedding rites, but funeral rites are better known and kept. Dualist religious self-identification can be observed (Buddhism-Shamanism, Orthodox Christianity – Buddhism, or Orthodox Christianity – Shamanism). Over a third of Usinsk Tuvans identify as atheists.

Ethnic closing is habitually worn mainly by elderly women, while the majority of Usinsk Tuvans (64.5%) never wear it. Dishes belonging to Tuvan national cuisine are cooked in most families.

31.7% of households are mixed-marriage families, with women marrying a non-Tuvan more frequently than men. This significant proportion of mixed marriages means a higher percentage of mixed-ethnicity children.

Our study helped us arrive at a number of conclusions that linguistic and other forms of assimilation are on the rise. This casts doubt on the perspectives of the group's survival. Although almost half of Usinsk Tuvans believe they will survive as an ethnic group, the other half admit the possibility of full assimilation or are at a loss concerning their ethnic group's future.

Keywords: Usinsk Tuvans; Krasnoyarskii Krai; ethnodemographic processes; linguistic assimilation; mixed-marriage families; spiritual culture

Введение

Тувинцы, проживающие в России вне своей республики — в большинстве своем недавние мигранты, либо приехавшие туда временно — на учебу в разные вузы страны. Но есть одно место, где они отмечены давно, еще несколько веков назад, так что можно их назвать коренным народом России. Находится это место на границе с Тувой, в том месте, где проходил Усинский тракт — основной путь, связывающий Российскую империю с центральноазиатским регионом на юге Енисейской губернии.

В прошлые века границы государств не были такими охраняемыми как сейчас, и жившие по обе стороны границы люди могли более свободно общаться между собой. По нашу сторону границы располагались русские

по составу населения села Верхнеусинское и Нижнеусинское, а кочующие южнее тувинцы-скотоводы, хотя и считались в то время «иностранными подданными», не очень считались с пограничным режимом, и часто кочевали по российскую сторону демаркационной линии. Судя по всему, несущие пограничную службу казаки смотрели на эти нарушения сквозь пальцы, и не чинили особых препятствий. Лишь изредка, когда отношения с южными соседями империи обострялись, казакам давался приказ выдворить «иностранцев», но как только отношения налаживались, кочевники возвращались на прежние кочевья, и какого-либо напряжения в отношениях это не вызывало.

Эта территориальная группа тувинцев получила названия по месту обитания (река Ус) «усинские тувинцы». Численность её в разные периоды постоянно менялась, так как существовала постоянная миграция через границу в обе стороны. Эта группа не привлекала в прошлом внимания исследователей и не становилась объектом изучения этнографов. Имеются лишь обрывочные данные о ее численности и расселении за различные периоды (Дацышен, 2009: Электр. ресурс; История Тувы, 2007: 49; Потапов, 1969). До вхождения Тувы в состав СССР тувинцы на данной территории официальной статистикой не учитывались, поскольку относились к иностранным гражданам, но позже, в 1950-е годы сведения о них появляются в учетных документах Верхнеусинского сельсовета (статью об истории усинских тувинцев В. Г. Дацышена см. также в этом же номере журнала. — *ред.*).

В 2013 г. на территории Верхнеусинского сельсовета силами магистрантов и сотрудников Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск) была поведена этнографическая экспедиция, целью которой было выявление современных этнических процессов у местных тувинцев. Методами сбора информации был массовый опрос населения по этнографической анкете, а также беседы с информаторами и изучение статистических данных. Опросный лист состоял из 47 вопросов, касавшихся различных сфер жизни: материальной и духовной культуры, образования, занятости, языковых процессов и т. д. Всего было опрошено 279 респондентов, при этом данные о детях до 16 лет были получены со слов родителей. Была поставлена задача охвата опросом не менее 3/4 тувинского населения, что удалось осуществить (76,0%).

Некоторые результаты экспедиции уже были опубликованы в 2014–2015 гг. (Кривоногов, Михайлова, 2014; Krivonogov, Mikhailova, 2015; Михайлова, 2014: Электр. ресурс).

В данной статье представлены основные результаты исследования, посвященного важнейшим современным этническим процессам усинских тувинцев.

Общая характеристика усинских тувинцев

Чтобы узнать ситуацию в расселении и численности тувинцев накануне нашей экспедиции, нами была произведена разработка похозяйственных книг местной сельской администрации. Оказалось, что в 1972 г. на территории сельсовета числилось 476 тувинцев, что составило 15,6% ко всему местному населению, то есть, тувинцев был каждый шестой житель этой территории. Все русское население было сосредоточено в двух селах, а вот тувинцы, в большинстве своем, обитали вне сел, небольшими группами на многочисленных скотоводческих стоянках в радиусе 10–30 км от русских сел. Типичное поселение тувинцев в то время — это 2–4 дома близ кошары, коровника или иного животноводческого помещения. Из 476 тувинцев 368 чел. (77,3%) проживало именно в таких поселениях, а в двух русских селах — 108 чел. (22,7%), то есть, явное меньшинство. За 20–30 лет до этого в русских селах вообще тувинцев не было.

Раздельное с русскими проживание способствовало сохранению отнесенной эндогамии, а также тувинского языка в качестве основного разговорного и родного. Национально-смешанных семей в 1972 г. — всего 8 (8,7% от числа всех тувинских семей), и все они проживали в русских поселках. В похозяйственных книгах 1950-х годов нам удалось обнаружить сведения всего о 2-х национально-смешанных семьях тувинцев. То есть, еще совсем недавно такие браки были большой редкостью. Около половины тувинского населения поселилось здесь уже после вхождения Тувы в состав России, примерно столько же считает, что их предки кочевали по Усу еще в 1930-е годы. Раздельное проживание русских и тувинцев позволяло последним в полном объеме сохранять родной язык, кроме того, существовали прочные связи с тувинцами, проживающими в соседних районах Тувы.

До вхождения в состав СССР местные тувинцы, считаясь иностранцами, все свои вопросы решали с администрацией смежных районов Тувы. Туда же отправлялись дети на учебу. После присоединения, они уже переориентировались на местные органы власти, были записаны в похозяйственные книги, и дети уже учились в местных школах, общим стало

и хозяйство. Правда, за высшим и средним специальным образованием местная молодежь отправлялась чаще в Кызыл, и вообще местные тувинцы поддерживали тесные связи с соседями по ту сторону административной границы.

Коренной перелом в этнических процессах группы усинских тувинцев произошел в начале 1990-х годов. Связано это было с общеполитическими и экономическими процессами, происходящими в те годы во всей стране. Разрушение хозяйства привело к тому, что животноводство и скотоводство, которым в основном занимались тувинцы, полностью рухнуло, тувинцы лишились работы. В поисках выхода из этого кризиса, тувинцы покинули свои стоянки и почти в полном составе переехали в два русских поселка.

Ко времени нашей экспедиции из общей численности населения данной территории в 1990 человек — тувинцы составляли 367 чел. (18,4%), из них 259 чел. поселились в Верхнеусинске, 99 — в Нижнеусинске, вне поселков осталось только 9 человек — на стоянке Усть-Теплая. За последние 20 лет сократилось и русское население, и тувинское, в основном в результате миграции населения по причине массовой безработицы.

В настоящее время в животноводстве занято всего 5,4% тувинцев трудоспособного возраста, в других сферах деятельности 32,0%, а большинство — 62,6% оказались безработными. Высок уровень безработицы и среди местных русских. Многие местные жители, в том числе и тувинцы, пытаются выжить с помощью личного подсобного хозяйства, а также — охоты и собирательства, которые также можно отнести к традиционным занятиям (Потапов, 1969). Практически у каждой семьи имеется приусадебный участок (огород), на котором выращиваются различные овощи и ягоды. Развитие огородничества, на наш взгляд, логично объяснить влиянием окружающего русского большинства.

Можно сказать, что и в хозяйстве, и в расселении усинских тувинцев за последние 20 лет произошли радикальные изменения. Сказалось все это и на этнических процессах, в частности, на языке.

Языковые процессы

Если до 1990-х годов тувинский язык у усинских тувинцев сохранялся довольно стойко, то у детей, родившихся после переселения в русские поселки, активно развернулся процесс языковой ассимиляции.

По всей группе тувинцев русскоязычными стало 17,2%, еще 22,6% считают родными оба языка, тувинский признали родным — 60,2%. Но за

этими общими показателями кроются огромные различия между разными возрастными группами. Среди стариков 100% признали родным тувинский язык. Уже среди лиц среднего возраста (30–39 лет) 13,0% стали русскоязычными, еще столько же признали родным оба языка, тувинский остался родным для 74,0%. Совсем другая ситуация среди детей до 10 лет. Среди них (со слов родителей) родным является тувинский язык лишь для 28,3%, еще для 30,3% родными были оба языка, а для 41,4% — единственным родным оказался русский язык. То есть, среди детей русский язык распространен больше, чем тувинский. Несомненно, это стало следствием переезда в смешанную среду. Смешанная среда привела к тому, что на русском языке вынуждены часто общаться даже те, для кого тувинский язык является родным. Чаще разговаривает на тувинском языке лишь 14,4% всех тувинцев всех возрастных групп, 35,1% — чаще общается на русском, а остальные 50,5% в равной степени используют оба языка.

Обратимся к показателям степени владения тувинским и русским языками. Всего тувинским языком свободно владеет 68,1% усинских тувинцев (табл. 1), при этом очень велики различия по возрастным группам. В группе старше 70 лет все свободно владеют тувинским языком, тогда как среди детей этот показатель опускается до 39%, кроме того 45,9% владеют тувинским языком частично или только понимают, а 14,5% — не владеют вообще.

Таблица 1. Степень владения тувинским языком (опрос, в %)
Table 1. The degree of command of Tuvan language (survey data, %)

Степень владения тувинским языком				
Владеют свободно	С некоторыми затруднениями	Со значительными затруднениями	Понимают, но не говорят	Не владеют
68,1	12,5	6,1	9,4	3,9

Среди метисов уровень владения тувинским языком ниже, чем среди чистокровных тувинцев — 41,7% против 70,7%.

Русским языком владеют свободно 90% усинских тувинцев, остальные понимают, но испытывают затруднения в разговоре. Это в основном старики.

До недавнего времени тувинский язык изучался в местной школе, однако несколько лет назад количество желающих изучать резко упало, и этот предмет был исключен из программы. Однако до сих пор 75,8% местных тувинцев (старше 7 лет) умеют и писать, и читать (еще 7,9% — умеют только читать, а 16,3% письменностью не владеют. Последние — в основном дети школьного

возраста). Русской письменностью владеют практически все, за исключением нескольких стариков (97,9% читают и пишут, 1,7% только читают, 0,4% — не владеют).

Приведенные данные по основным языкам региона позволяют сделать вывод, что с начала 1990-х годов, то есть сразу же после переселения тувинцев в поселки, начался процесс языковой ассимиляции, который наиболее ярко проявляется в самой младшей возрастной группе, то есть среди тех, кто родился уже в поселках. Ситуация в старших возрастных группах подтверждает вывод, что до переселения в поселки, ассимиляционные процессы в области языка практически отсутствовали.

Имянаречение и фольклор

В последние десятилетия детям усинских тувинцев все чаще стали давать русские имена. Сейчас тувинские имена и отчества имеют 13,4%, русские имена и отчества — 42,2%, остальные 44,4% — русские и тувинские имена и отчества в сочетании (т. е. русское имя — тувинское отчество. Или, реже — наоборот).

Самыми распространенными мужскими именами являются: Александр, Андрей, Николай, Дмитрий, Денис, Евгений и Максим (больше четырех носителей имени), в это же ряд попало одно традиционное тувинское имя Аяс (4 человека).

Самые распространенные женские имена: Марина, Вера, Людмила, Любовь, Елена, Валентина.

До недавнего времени тувинцы хорошо знали свои народные песни, но в связи с начавшейся языковой ассимиляцией появляется все больше молодежи, которая поет только на русском языке. Сейчас уже почти треть тувинцев национальных песен уже не знает (табл. 2).

Таблица 2. Знание усинскими тувинцами тувинских песен (опрос, в %)
Table 2. Knowledge of Tuvan song among the Usinsk Tuvans (survey data, %)

Знание тувинских песен		
Не знают	Знают 1–3 песни	Знают более 3-х песен
32,8	24,5	42,7

Лишь каждый седьмой респондент поет только по-тувински, остальные — либо по-русски, либо на двух языках (табл. 3).

Таблица 3. Язык исполнения песен усинскими тувинцами (опрос, в %)
Table 3. Languages of songs sung by the Usinsk Tuvans (survey data, %)

Поют песни			
На тувинском языке	На русском и тувинском языках	На русском языке	Не поют
14,7	49,5	31,9	3,9

За общими показателями кроются большие различия в разных возрастных группах.

Все старики поют на тувинском, но при этом большинство из них могут петь и на русском языке. Большинство детей поют на русском, а вот на тувинском — менее половины (43%).

Молодежь, даже если поет по-тувински, предпочитает песни современные, эстрадные, старики предпочитают народные песни.

Знание усинскими тувинцами тувинских народных сказок показано в таблице 4.

Таблица 4. Знание тувинских сказок (опрос, в %)
Table 4. Knowledge of Tuvan fairy tales (survey data, %)

Народные сказки			
Не слышали	Слышали, но рассказать не могут	Знают 1-3 сказки	Знают более 3 Сказок
20,5	30,8	10,7	38,0

В старшем поколении все знают более 3 народных сказок, а среди детей и подростков таких намного меньше — 14,3%, хотя еще 57,1% их слышали.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными носителями фольклора является только старшее и среднее поколения.

Обрядность, религиозная идентичность

Обратимся к такому виду духовной культуры, как традиционные обряды, в частности свадебный и похоронный.

В республике многие тувинцы эти обряды в основном соблюдают (Юша, 2008). По словам наших информаторов, у усинских тувинцев также присутствуют некоторые традиционные элементы в свадебном обряде.

Согласно опросу, знают свадебный обряд или его отдельные элементы более половины опрошенных — 57,4%. Этот обряд знают почти все старики, но только половина молодежи.

Более высокие показатели у усинских тувинцев по соблюдению и знанию похоронного обряда — подавляющее большинство опрошенных (89,4%) знают нормы или отдельные элементы этого обряда.

Исследователи отмечают, что к настоящему времени для погребального обряда тувинцев в республике характерны вынос покойного после полудня, наличие сопроводительного инвентаря, обильные поминальные подношения, отмечание поминальных дней на седьмые и сорок девятые сутки (Кисель, 2009). Все это присутствует у усинской территориальной группы тувинцев.

Информаторы и респонденты часто указывали на традицию разведения погребального костра на могиле усопшего. В Туве для проведения подобного обряда приглашается шаман и проводится он на третьи сутки (там же).

Учитывая происхождение значительной части жителей, Верхнеусинский Дом культуры (и его Нижнеусинский филиал) организует традиционные тувинские праздники, такие как Шагаа и Надым. Праздники имеют массовый характер и отмечаются всеми жителями сел независимо от их национальности. Опрос показал, что большинство усинских тувинцев отмечает праздники различного рода — и тувинские, и гражданские, и православные (таблица 5).

Таблица 5. Отмечаемые праздники (опрос, в %)

Table 5. Festivals celebrated (survey data, %)

Отмечаемые праздники		
Гражданские	Тувинские	Православные
97,5	85,0	75,0

В опросе также выяснялась религиозная принадлежность взрослых респондентов. В результате получены следующие ответы: неверующие, буддисты, православные, шаманисты, несколько человек причислили себя к евангельским христианам.

Встречается дуалистическая религиозная самоидентификация: «буддизм-шаманизм», «православие-буддизм», «православие-шаманизм», встретились и приверженцы сразу трех религий — «буддизм-православие-шаманизм» (табл. 6).

Таблица 6. Религиозная принадлежность усинских тувинцев (опрос, в %)

Table 6. Religious affiliation of the Usinsk Tuvans (survey data, %)

Религиозная принадлежность								
Неверующие	Буддизм	Православие	Шаманизм	Буддизм-шаманизм	Православие-буддизм	Православие-шаманизм	Буддизм-православие-шаманизм	Евангельские христиане
35,9	25,5	9,4	4,2	14,1	1,5	1,5	4,1	3,8

Более трети усинских тувинцев (35,9%) считают себя неверующими. Четверть опрошенных отнесли себя к буддистам. Близкое соседство и интенсивные контакты с русскими привели к распространению среди части усинских тувинцев православия (16,5%), правда, нередко в сочетании с другими религиями. 4,1% опрошенных признали себя приверженцами сразу трех религий «буддизм-православие-шаманизм».

Неверующих больше оказалось среди молодежи и пожилых людей. Больше всего приверженцев религиозного мировоззрения — в средних возрастных группах (30–50 лет). В этой возрастной категории больше и буддистов, и православных. Приверженцев шаманизма больше среди тех, кому за 50.

Национальная одежда и питание

Одной из сторон традиционной материальной культуры является наличие и использование национальной одежды.

Постоянно национальную одежду носят всего 4,3% опрошенных (табл. 7), это в основном старики старше 70 лет (табл. 8), чаще — женщины (табл. 9).

Таблица 7. Использование национальной одежды (опрос, в %)
Table 7. Wearing ethnic clothing (survey data, %)

Использование национальной одежды		
Носят постоянно	Иногда	Никогда
4,3	31,2	64,5

Еще 31,2% усинских тувинцев надевает национальную одежду изредка, лишь по праздникам, причем национальным. Большая часть усинских тувинцев (64,5%) никогда не использует национальную одежду.

Таблица 8. Использование национальной одежды в разных возрастных группах (опрос, в %)

Table 8. Wearing ethnic clothing in various age groups (survey data, %)

	Возраст, лет							
	До 10	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
Носят постоянно	2,1		2,1	2,2	6,8	4,7	11,1	50
Иногда	45,8	30,1	26,5	32,6	25	42,9	11,1	
Никогда	52,1	67,9	71,4	65,2	68,2	52,4	77,8	50

Таблица 9. Использование национальной одежды мужчинами и женщинами (опрос, в %)

Table 9. Wearing ethnic clothing in gender groups (survey data, %)

	Мужчины	Женщины
Носят постоянно	1,3	7,5
Иногда	29,4	33,9
Никогда	69,3	58,6

В основном национальную тувинскую одежду покупают в Туве, часто ее приносят в подарок детям — этим и обусловлено довольно широкое использование национальной одежды в детской возрастной группе.

Блюда национальной тувинской кухни встречаются в большинстве семей усинских тувинцев. По сведениям информаторов, нередко готовят такие блюда как толган, быштак, хойтпак и др. Но чаще всего на столах усинских тувинцев появляется кровяная колбаса — хан. Согласно опросу, национальные блюда готовятся в 94% всех семей.

Межэтническое взаимодействие

Одной из форм межэтнического взаимодействия являются межэтнические браки. Как уже говорилось, в начале 1970-х годов, как нами подсчитано по хозяйственным книгам, смешанные семьи составили 8,7%, причем в поселках, где жило меньшинство тувинцев — 27,6%, а за пределами поселков, на стоянках — ни одной.

Сейчас, согласно нашей выборке, смешанных семей оказалось по всем населенным пунктам 31,7%. Из числа смешанных семей две трети были семьи смешанные с русскими, треть — с другими национальностями (встретились единично браки с чувашами, хакасами, немцами, украинцами и т. д.). Лишь среди представителей старшего поколения (более 70 лет) межэтнические браки не зафиксированы, в остальных возрастных группах их насчитывается от 11 до 46%.

В межэтнические браки чаще вступают женщины (табл. 10), в них состоит, согласно нашей выборке 30,1% женщин-тувинок, но лишь 12,7% мужчин.

Таблица 10. Доля состоящих в национально-смешанных браках (опрос, в %)

Table 10. Those in mixed marriages (survey data, %)

Национальность супруга	Мужчины	Женщины
Тувинцы	87,3	69,9
Русские	8,5	20,7
Чуваши		3,7
Киргизы		1,9
Аварцы		1,9
Украинцы		1,9
Хакасы	2,1	
Немцы	2,1	

Значительное число смешанных браков ведет к появлению метисов. Среди опрошенных их оказалось 10,7% (табл.11).

Таблица 11. Этнический состав усинских тувинцев по данным генеалогий (опрос, в %)

Table 11. Ethnicity of the Usinsk Tuvans according to genealogies (survey data, %)

Этнический состав тувинцев					
Чистокровные	Тувинско-русские метисы	Тувинско-чувашские метисы	Тувинско-хакасские метисы	Тувинско-азербайджанские метисы	Тувинско-якутские метисы
89,3	8,7	1,1	0,3	0,3	0,3

Метисов среди усинских тувинцев было бы намного больше, если бы они причисляли себя к данной национальности. Но оказалось, что намного чаще дети в смешанных семьях относятся родителями к национальности второго из супругов, поэтому они в число опрошенных не попали — влились в число русских. Такая ориентация метисов, наряду с миграцией молодежи в города, является одной из причин сокращения численности усинских тувинцев.

Большинство усинских тувинцев вполне терпимо относятся к разного рода контактам с окружающим русским большинством. Например, на вопрос об отношении к межэтническим бракам большинство ответили, что национальность супруга не имеет значения (56,8%), еще 8,6% — даже предпочитают смешанные браки, и лишь 18,7% ответили, что лучше браки «между своими» (остальные — затруднились).

Так как русские на данной территории составляют большинство, то в первую очередь с ними усинские тувинцы вступают в контакты на различных уровнях: в работе, в быту и т. д. Именно поэтому при опросе был задан вопрос «Как Вы оцениваете свои взаимоотношения с русским населением?» Подавляющее большинство — 92,0% ответили: «Нормальные».

Важным является мнение самих усинских тувинцев о будущем своей территориальной группы. Респондентам был задан вопрос «Как Вы думаете, сохранятся ли усинские тувинцы, со своими этническими особенностями в будущем?». Чуть меньше половины респондентов ответили, что усинские тувинцы сохранятся, меньший процент (15,5%) считают, что их вскоре не станет (ассимилируются, разъедутся) и более трети не смогли ответить однозначно (табл. 12).

Таблица 12. Мнение усинских тувинцев о перспективе сохранения своей территориальной группы в будущем (опрос, в %)
 Table 12. The opinions of the Usinsk Tuvans on the prospects of their ethnoterritorial group (survey data, %)

Сохранятся ли усинские тувинцы в будущем?		
Да	Нет	Затруднились в ответе
48,4	15,5	36,1

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что до 1990-х годов рассматриваемая территориальная группа тувинцев — усинские тувинцы — неплохо сохраняла свои национальные особенности, язык, культуру. Но кризис хозяйства, приведший к массовому переезду их в русские поселки, положил начало активным ассимиляционным процессам, а также миграциям за пределы данной территории.

Исследование позволило сформулировать ряд предположений о нарастающих тенденциях. Например, очевидно, что ассимиляционные тенденции в области тувинского языка в ближайшие десятилетия будут нарастать. Преодоление языкового барьера привело к тому, что молодежь, желающая продолжить образование, уезжает не в Кызыл, как раньше, а в разные города России, в том числе и довольно далекие, вплоть до столицы.

Это и другие процессы ставят под вопрос существование этой группы в будущем. Несмотря на то, что почти половина усинских тувинцев полагают, что сохранятся как этническая группа, тем не менее вторая половина их или затрудняются прогнозировать, или допускают исчезновение их, полную ассимиляцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дацышен, В. Г. (2009) Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/634> (дата обращения: 12.12.2016).

История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука Т. 2. 430 с.

Кисель, В. А. (2009) Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII - начало XXI в. СПб. : Наука. 111 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Юша, Ж. М. (2008) Свадебная обрядность тувинцев: Традиции и инновации // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири / отв. ред. Г. Е. Солдатова. Новосибирск : Арта. 135 с. С. 52–62.

Krивоногов, В. П., Михайлова Я. С. (2015) The Usinsk Tuvans in the XXI century // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 8, № 4, апрель. С. 793–804.

Кривоногов, В. П., Михайлова, Я. С. (2014) Современная этнография усинских тувинцев // Родина. № 7. С. 91–96.

Михайлова, Я. С. (2014) Современные языковые процессы у усинских тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/164> (дата обращения: 13.12.2016).

Дата поступления: 15.12.2016 г.

REFERENCES

Datsyshen, V. G. (2009) The Tuvan population of Usinsk boundary district of the Yenisei province. From the history of relations between Russia and Tuva. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/634> (access date 12.12.2016). (In Russ.).

Istoriia Tuvy (2007), ed. V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kisel', V. A. (2009) *Poezdka za krasnoi sol'iu. Pogrebal'nye obriady Tuvy. XVIII - nachalo XXI v.* St. Petersburg, Nauka Publ. 111 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev.* Moscow, Nauka Publ. 402 p. (In Russ.).

Iusha, Zh. M. (2008) Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: Traditsii i innovatsii. In: *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri*, ed. G. E. Soldatova. Novosibirsk, Arta. 135 p. Pp. 52–62. (In Russ.).

Krивоногов, В. П. and Михайлова Я. С. (2015) The Usinsk Tuvans in the XXI century. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serii «Gumanitarnye nauki»*, vol. 8, no. 4, April, pp. 793–804. (In Russ.).

Krивоногов, В. П. and Михайлова, Я. С. (2014) Sovremennaia etnografiia usinskikh tuvintsev. *Rodina*, no. 7, pp. 91–96. (In Russ.).

Mikhailova, Ya. S. (2014) Sovremennye iazykovye protsessy u usinskikh tuvintsev. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/164> (access date: 13.12.2016). (In Russ.).

Submission date: 15.12.2016.

Для цитирования:

Кривоногов В. П. Современные этнические процессы у тувинцев юга Красноярского края [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/695> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.3

For citation:

Krивоногов V. P. Contemporary ethnic processes in Tuvan population in the south of Krasnoyarskii Krai. *New Research of Tuva*. 2007, no.1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/695> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.3

DOI: 10.25178/nit.2017.1.4

ЭТНИЧЕСКИЕ ТУВИНЦЫ СУМОНА ЦАГААН-НУУР МОНГОЛИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ETHNIC TUVANS IN TSAGAAN-NUUR SUMON, MONGOLIA: RESEARCH ISSUES

**Надежда Д. Сувандии,
Елена М. Куулар**

Тувинский государственный
университет

**Nadezhda D. Suvandii,
Elena M. Kuular**

Tuvan State University

В статье дана историко-этнографическая характеристика субэтнической группы тувинцев, проживающих в сумоне Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии, которых называют цаатанами (самоназвание — туха, тухалары). Источниковой базой исследования стали труды ученых разных лет, а также полевые материалы авторов, собранные во время научных экспедиций к цаатанам в 2010–2011, 2015–2016 гг. Сравнительный анализ, обобщения информации позволили сделать выводы о необходимости дальнейших исследований по отдельным вопросам.

The article provides a historical and ethnographic overview of a sub-ethnic group of Tuvans living in sumon Tsagaan Nuur, Khövsgöl aimag, Mongolia. They are known locally as Tsaatans and by self-appellation of Tukha or Tukhalar. Our study is based to the body of existing research and on the field data collected by

the authors during expeditions to the Tsaatan area in 2010-11 and 2015-16. A comparative analysis and a summary of existing information call for further research into a number of specific issues.

While ethnographic and philological studies of the

Suvandii Nadezhda Daryevna — кандидат филологических наук, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Студенческий квартал 5, каб. 118. Тел.: +7 (394-22) 5-22-50; +7 (923) 268-93-69.

Kuular Elena Mandan-oolovna — кандидат филологических наук, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Студенческий квартал 5, каб. 213. Тел.: +7 (923) 263-46-85.

Suvandii Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics of the Tuvan State University. Postal address: 667004, Russia, Kyzyl, ul. 5 Student quarter, office 118. Tel.: +7 (394-22) 5-22-50; +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

Kuular Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics of the Tuvan State University. Postal address: 667004, Russia, Kyzyl, ul. 5 Student quarter, office 213. Tel.: +7 (394-22) 5-22-50; +7 (923) 263-46-85. E-mail: kuular-e-m@mail.ru

Научные исследования цаатанов (этнографические, филологические) проводились в середине XX в., новые работы начались с 2000-х годов и в основном производятся учеными Монголии и России (Тувы). Термином «цаатаны» («обладающими оленями») называют тухаларов в самой Монголии из-за введения оленеводческих хозяйств. В литературе также обсуждаются вопросы об особенностях этнической истории цаатанов, вопросы численности и др.

Официальным и межнациональным языком общения в сумоне является монгольский. В быту родным тувинским языком пользуется старшее и среднее поколение тухаларов. Посещение детьми монгольских школ, где тувинский язык не изучается как отдельный предмет, ставит под угрозу исчезновения как тувинский язык, так и основу этнической самоидентификации цаатанов.

Основным видом хозяйственной деятельности тувинцев-цаатанов продолжает оставаться разведение таежных оленей. В зависимости от места проживания цаатаны подразделяются на две группы: оленеводы Западной тайги, оленеводы Южной тайги. Наряду с оленеводством, охотничий промысел является одним из основных занятий цаатанов. Охота доставляет таежным жителям не только пищу и одежду, но и жилище. Домашняя утварь максимально приближена к условиям кочевой жизни. В традиционной пище преобладают оленья мясо и молоко. Особенности традиционного быта цаатанов очень близки и к образу жизни тувинцев-олленеводов Тоджинского района Республики Тыва.

Цаатаны во многом остаются приверженными самобытному хозяйственному укладу, что позволяет поддерживать многие традиции в значительной сохранности. Однако, соседство с монголами, влияние доминирующей монгольской культуры и языка, а также общие процессы модернизации локальных культур не могут не сказываться на самоидентификации, степени владения языком подрастающих поколений.

Фотографии к статье сделаны авторами статьи во время экспедиционной работы в сумоне Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии в сентябре 2011 г.

Ключевые слова: тувинцы Монголии; Монголия; цаатаны; субэтническая группа; тухалары; оленеводы; тувинский язык

Tsaatans had begun in mid-20th century, the new stage, spearheaded by scholars from Mongolia and Russia (Tuva), began in the 2000s. 'Tsaatan' (i.e. deer owner) is a term applied to the Tukhalars in Mongolia to mark their deer herding-based households. Other issues under discussion include specific details of the Tsaatans' ethnic history, population size, etc.

Mongol acts as the official and interethnic communication language in the sumon. The native Tuvan language is used by the elderly and middle-aged Tukhalars in everyday speech. Youngsters study in Mongol schools where Tuvan language is not an official discipline, which both makes the prospects of language survival dire and threatens the very foundation of the Tsaatans' ethnic self-identification.

Herding the taiga deer still remains the most important economic practice of Tsaatan Tuvans. According to their residence area, Tsaatans are subdivided into deer herders of the taiga of the West and South. Alongside with deer herding, hunting is one of Tsaatan's main pursuits, which brings them food, clothing and habitation. Domestic utensils are suited for nomadic life, and the staples of Tsaatans' diet are venison and doe milk. Thus traditional Tsaatan lifestyles are very close to that of deer herders of Tuvans in Tojin rayon, Republic of Tuva.

Tsaatans still largely follow their long-time economic practices, which allows them to keep many of their traditions quite recognizable. However, living in close proximity to the Mongols under the domination of Mongol language and culture, as well as the generic process of modernization of local cultures, cannot but affect their self-identification and the language command by the younger generations.

The photographs published in the article were taken by the authors during the expedition to sumon Tsagaan-Nuur, Khövsgöl aimag, Mongolia in September 2011.

Keywords: Tuvans in Mongolia; Mongolia; Tsaatans; sub-ethnic group; Tukhalars; deer herders; Tuvan language

Введение

Тувинцы — это один из коренных малочисленных тюркоязычных народов Южной Сибири, компактно проживающие в Республике Тыва в составе Российской Федерации. Тувинский этнос имеет несколько субэтнических групп, в том числе проживающих за пределами Тувы, изучение истории, культуры, языка которых является актуальной задачей современного тувиноведения. Субэтни-

ческие группы определены В. И. Козловым как «общности людей, составляющие часть этноса, занимающие компактную территорию и обладающие в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего самосознания этнического» (Козлов, 1994: 466).

Субэтнические группы тувинцев населяют с. Верхнеусинское Ермаковского района Красноярского края России (так называемые «усинские тувинцы»); сумон Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака, сумон Буянт Кобдоского аймака, сумон Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии (т. е. тувинцы Монголии, всего около 12 тыс. чел., см.: Монгуш, 2007: 341), а также Алтайский аймак Синьцзянь-Уйгурского автономного района Китая (тувинцы Китая, более 4 тыс. чел., см.: там же). В данных регионах группы тувинцев составляют национальные меньшинства.

Изучение данных субэтнических групп тувинцев на сегодня в этнографических исследованиях тувиноведения считается одним из важнейших направлений. Цель настоящей статьи — дать общую историко-этнографическую характеристику тувинцев сумона Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака, которых также называют цаатанами или тухаларами. В основу статьи легли полевые материалы авторов, собранные во время научных экспедиций к этническим тувинцам с. Цагаан-Нуур при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, гранты №№ 10-04-63301 а(р), 15-04-18013 и 15-14-17002) в 2010–2011 гг., а также в 2015–2016 гг. Фактический материал собран слуховым методом, а также путем аудио- и видеозаписей в результате непосредственного наблюдения над живой речью жителей сумона.

Обобщение полученной информации и сопоставление ее с имеющимися в научной литературе описаниями позволит нам, в том числе, сделать выводы о необходимости дальнейших исследований по отдельным вопросам.

Научные исследования цаатанов

Прежде всего, сделаем небольшой обзор научной литературе для понимания изученности представителями этнографии, языкознания и других научных дисциплин рассматриваемой группы тувинцев.

Считается, что одно из первых упоминаний о тувинцах-оленеводах зафиксировано еще в «Сокровенном сказании монголов» и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина (Радиш ад-Дин, 1946; см.: Баярсайхан, 2015). В этих документах говорится о «лесных урянхайцах» (Рашид ад-Дин, 1946: 124), которых современные монгольские ученые считают предками монгольских цаатанов, которые являются частью тюркоязычных тувинцев-оленеводов, населяющих отроги Танну-Ула и Саянских гор (Баярсайхан, 2015: 244).

Фото 1. Парад цаатанов-оленеводов во время празднования Наадыма.
Цагаан-Нуур, 2011.

Photo 1. The tsaatan deer herders parade during the celebration of the Naadym.
Tsagaan-Nuur, 2011.

Цаатанов, также как и другие группы тувинцев Монголии, стали изучать этнографы, начиная с 1950–1960-х годов. Несколько лет цаатанами основательно занимался, например, Бадамхатан, в составе комплексной экспедиции Академии наук Монголии (Бадамхатан, 1959, 1996). Известная российская этнограф Н. Л. Жуковская писала о цаатанах очерк в популярном журнале «Вокруг света» (Жуковская, 1994: Электр. ресурс). В начале 1990-х годов в регионе побывал тувинский этнограф М. Х. Маннай-оол (Маннай-оол, 1995). Активизация этнографических исследований пришлось уже в постсоветское время. Изучением тувинцев Монголии занималась М. В. Монгуш (2007, 2010, 2013: Электр. ресурс). Этнографические особенности тухаларов сумона Цагаан-Нуур рассмотрены в монографии П. Серен, вышедшей на тувинском языке (Серен, 2014).

Помимо этнографических работ, развернулись и языковедческие изыскания. Опубликован ряд научных статей, посвященных особенностям речи и устного народного творчества тухаларов Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар (Сувандии, 2010, 2015; Куулар, Сувандии, 2015; Куулар, 2012), а также А. М. Соян (Соян, 2015ab) и др. Тувинской речью жителей Цагаан-Нуура занимается также немецкий языковед Э. Рагагин (2011, 2013). Язык цэнгэльских и кобдоских тувинцев Северо-Западной Монголии стал предметом диссертационных исследований монголь-

ских ученых Хийс Гансукх (Гансукх, 2009); Баярсайхан Бадарч (Баярсайхан, 2009); Уламсурэн Цэцэгдарь (Цэцэгдарь, 2013).

Несмотря на данный перечень работ, в целом тувинцы Монголии, как и Китая, представляют собой еще малоисследованное поле для этнографов, культурологов, антропологов, особенно если углубляться в особенности их истории и культуры. Например, этногенез цаатанов продолжает оставаться малоизученным (Нанзатов, Содномпилова, 2008: 137). Более того: далеко не все исследователи однозначно признают цаатанов субэтнической группой тувинцев. Как пишут Б. З. Нанзатов и М. М. Содномпилова, хубсугульские цаатаны входят в группу близкородственных народов Саяно-Алтая, среди которых тувинцы-тоджинцы (Тува, Тоджа), тофа (Иркутская область, Нижнеудинский район, Тофалария), сойоты (Бурятия, Окинский и Тункинский районы). Таким образом, образуется определенный географический непрерывный субрегион, расположенный в границах административных районов Монголии (Хубсугульский аймак) и России (Бурятия, Иркутская область, Тува). Помимо общего хозяйственно-культурного типа, распространенного у указанных народов, у них есть много общих черт в языке, а также в этническом составе. Однако, оказавшись разделенными границами Российской и Цзиньской империй, хубсугульские цаатаны и тувинцы-тоджинцы развивались отдельно от сойотов и тофаларов (там же: 137).

Как пишет Б. Баярсайхан, также дискуссионным является и терминологический вопрос. По его мнению, термин «цаатан» не вполне удачный, т. к. суффикс «тан» обозначает принадлежность к какому-либо племени или народности, соответственно «цаатан» буквально должен переводиться как «тот, кто принадлежит к племени оленей». Более удачным он считает термин *цаачин* — «оленовод» (*цаа* — олень, *-чин* — аффикс, обозначающий профессиональное занятие человека). Но, автор также подчеркивает, что и в этом случае, разумеется, термин не указывает на национальную, этническую принадлежность (Баярсайхан, 2015: 251–252).

В целом, мы считаем цаатанов — тухаларов еще малоизученной субэтнической группой, этническая история которой может пролить свет на отдельные страницы этнической истории, как тувинцев, так и других этносов Центральной Азии.

Тухалары — цаатаны

Сумон Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии был основан в 1931 г. Этнический состав аймака — это *монголы, дархаты, халхасцы, хотгойды, буряты, уйгуры, тухалары* и *цаатаны*. В аймаке (районе) насчитывается 23 сумона (административных единиц), состоящий, в свою очередь, из 125 багов. Один из багов (50 дворов) составляют *тухалары*, являющиеся этническими тувинцами.

Тухаларов в сумоне насчитывается около 500 человек и представлены они тремя основными родоплеменными группами: *соян (кара соян, кезек соян)*,

балыкшы (*атыг балыкшы*), чооду, которые называют себя *тухалар* ~ *туха киж* 'тувинец' (см. также: Lattimore, 1965). А коренное население сумона называют их по роду основной деятельности — *цаатанами* (монг. *цаа* 'олень'), т. е. 'оленеводами' (Куулар, 2015: 127–130).

Надо сказать, что сведения относительно численности цаатанов разнятся. По словам монгольского исследователя цаатанов С. Чулууна, цаатанов на 2013г. насчитывалось 343 чел. (см.: Качан, 2014: Электр. ресурс). Как пишет Б. Баярсайхан, ссылаясь на данные председателя канцелярии сумона Цагаан-Нуур С. Ялалта, в 2014 г. в сумоне проживало 286 тувинцев (138 соянов, 90 балыкшы, 50 уратов, 8 чооду) (Баярсайхан, 2015: 246). М. В. Монгуш писала, что установить точную численность тувинцев Монголии ей было сложно, т. к. до недавнего времени их записывали либо урянхайцами, либо уйгурами, либо казахами, а иногда и монголами (Монгуш, 2010: 211–212).

Официальным и межнациональным языком общения в сумоне является монгольский. В быту родным тувинским языком пользуется старшее и среднее поколение тухаларов, а дети школьного возраста и младше не владеют родным тувинским. Дети посещают монгольские школы, а тувинский язык не изучается как отдельный предмет. Данная языковая ситуация свидетельствует о том, что материнский язык малочисленной субэтнической группы тухаларов находится под угрозой исчезновения.

В 2010 г. монгольские ученые провели здесь социологическое исследование с целью выяснения уровня сохранности тувинского языка. Выяснилось, что 30% респондентов предпочитают говорить на тувинском языке, 40% — на монгольском, остальные — на других языках (Баярсайхан, 2015: 247). Чтобы поддержать желание народности сохранить родной язык, Правительством Монголии была утверждена специальная программа по развитию языка народности туха наряду с государственным монгольским языком (там же; см. также: Чулуун, 2014: 49).

С какого времени на данной территории проживают цаатаны-тухалары? Мнения по этому поводу разнятся как у исследователей, так и у самого населения. Исследователи выделяют комплекс причин (Бураев, Дадар-оол, 2015). В первую очередь, важнейшую роль сыграли условия историко-географического положения тувинцев. В условиях кочевого образа жизни они должны были осваивать обширные территории для выпаса скота. А когда в конце XIX в. начали возводить «монгольские пограничные линии», многие кочевья тувинцев оказались за пределами государственной границы и были отрезаны от основного этноса (Айыжы, 2009: 25).

Пожилые информанты вспоминают о том, что они всю свою сознательную жизнь прожили и живут в этих таежных пастбищах. По сведениям одного из информантов, некоторая часть тухаларов раньше жила по соседству с тувинцами-оленеводами из Тоджинского района Республики Тыва (Тувы), а другая полови-

на местных тувинцев оторвалась от основной части оленеводов из местности Кунгуртуг (Хуңхүртү) Тере-Хольского района Тувы. Один из старожилов вспоминает, что он с родителями, и вместе с ними несколько семей в 1947–1952 гг. XX столетия перекочевали в эти места из Тоджинского района Республики Тыва во времена коллективизации, избегая оседлой жизни.

Среди населения присутствует и определенная ностальгия по соплеменникам, по исторической Родине — Туве (Монгуш, 2008: 352; Баярсайхан, 2015: 246).

Так, очевидно, что вопрос об особенностях этнической истории тувинцев в Северо-Западной Монголии ждет своего дальнейшего изучения.

Хозяйственная деятельность

Основным видом хозяйственной деятельности тувинцев-цаатанов является разведение таежных оленей. Оленеводством в аймаке занимается исключительно субэтническая группа тувинцев.

Фото 2. Временная стоянка цаатанов. После работы с информантами. Близ сумона Цагаан-Нуур, 2011.

Photo 2. Makeshift camping site of the tsaatans. After working with informants. Near the Tsagaan-Nuur summon, 2011.

В зависимости от места проживания цаатаны подразделяются на две группы: *барыын тайганың ивижилери* 'олeneводы Западной тайги' и *чөөн тайганың ивижилери* 'олeneводы Южной тайги'. Оленеводы Южной тайги в былые времена более компактно проживали и контактировали с оленеводами Тоджинского района, а цаатаны Западной тайги — с близкими соседями из Тере-Хольского района Республики Тыва. Также следует заметить, что цаатаны своим искон-

ным традиционным домашним скотом — *чиңгине туха мал* — считают лишь оленей, а весь остальной мелкий и крупный домашний скот — *моол мал* 'скот монгольской породы'.

Наряду с оленеводством, охотничий промысел является одним из основных

занятий цаатанов. Охота доставляет таежным жителям не только пищу и одежду, но и жилище. Вместе с оленями цаатаны круглогодично переселяются, постоянно перекочевывая с одного места на другое. Основным и единственным полноценным жилищем для них служит легко разбираемый и собираемый *тос чадыр* 'берестяной чум', покрытый летом берестой, а зимой — шкурами оленей и крупных животных, добытых на охоте.

Все имущество перевозится на оленях. Поэтому домашняя утварь очень

Фото 3. Время дойки оленя.

Photo 3. Milking a doe.

простая, максимально приближенная к условиям кочевой жизни, о чем писал еще С.И. Вайнштейн, исследуя быт тувинцев-тоджинцев (также оленеводов): «... в чуме оленеводов утвари было очень мало, но зато ничего лишнего, почти ничего бьющегося, каждая вещь удивительно приспособлена к кочевой жизни в тайге» (Вайнштейн, 2009: 82).

В домашней утвари у цаатанов в основном используются различные емкости в виде посуды, мешочков и других изделий из бересты и кожи животных, часть которых встречается и у оленеводов-тоджинцев Тувы.

В традиционной пище преобладают оленьё мясо и молоко. Из оленины обычно готовят традиционный национальный суп. После забоя сушат и вялят оленину, заготавливают его впрок. Являясь также жителями таежных местностей, цаатаны охотятся на диких зверей, птиц и в качестве повседневного рациона употребляют мясо диких животных.

Цаатаны пьют парное оленьё молоко, его добавляют также в чай и получают традиционный напиток *сүттүг шай* — тувинский подсоленный чай с молоком. Из свежего оленьего молока они готовят *иви быштаа* — олений сыр, *иви духайы* — сушеный творог, *мөңхрек* — лакомство из гущи оставшейся после топления масла — *досу*.

Для приготовления пищи используют и муку. Готовят мучное изделие *хөңмен*, выпеченное в золе, употребляемое в качестве хлеба. Муку варят на оленьем молоке и получают мучную кашу — *сөөкей*.

Особенности традиционного быта цаатанов очень близки и к образу жизни

тувинцев-оленеводов Тоджинского района Республики Тыва, что может подтверждать мнения о некотором субрегионе, в котором основной хозяйственно-культурной специализацией является оленеводство. Однако, можно наблюдать и определенные отличия, связанные с влиянием монгольской культуры. Поэтому вопросы трансформации традиционной культуры цаатанов, мы считаем, очень важными для изучения.

Обычаи и традиции

Соблюдение и сохранение национальных традиций и обычаев является одним из важных вопросов любого народа. У тувинцев, как и у других народностей, издревле существуют свои особые обычаи и традиции, являющиеся составной частью их культуры.

Цаатаны почитают родовой семейный очаг и поддерживают традиции тувинского гостеприимства. Любого гостя, пришедшего в их жилище, обязательно угощают горячим чаем с молоком. За чашкою чая принято расспрашивать друг у друга о жизни, семье и здоровье, также обмениваются последними новостями. Цаатанами соблюдаются традиционные праздники по лунному календарю. Так, они встречают Шагаа — новый год по восточному календарю 12-летнего животного цикла. Он отмечается ежегодно в период от 21 января по 20 февраля по европейскому календарю.

Фото 4. Ветераны оленеводы после получения Государственной награды. Цагаан-Нуур, 2011.

Photo 4. Veteran deer herders after the ceremony of state awards. Tsagaan-Nuur, 2011.

По лунному календарю цаатаны, как и их предки, ведут не только исчисление времени, но и управляют жизнью и хозяйственной деятельностью. Поскольку оленеводы по виду своей основной деятельности ведут кочевой образ жизни, потребность в хозяйственном календаре продолжает сохраняться. Народные знания, связанные с календарем, передаваемые из поколения в поколение, здесь сохраняют свою актуальность и активно используются.

Национальный праздник животноводов-кочевников и Тува, и Монголия отмечают с большим размахом. Как правило, его отмечают ежегодно в середине лета, так как это время считается временем достатка и избытка продуктов живот-

ного происхождения. Цаатаны проводят свой Наадым один раз в два года. Во время праздника проводятся различные национальные игры и состязания: *хүреш* 'национальная борьба', *иви чарыжы* 'скачки оленей', *баг адары* — стрелять из лука в набивные мячики, сложенные в кучу и др.

Соблюдаются цаатанами-охотниками обряды, связанные с охотой. Например, во время охоты используется древний обычай восхваления хозяина тайги. Приехав в тайгу на место охоты, охотник сразу зажигает костер и варит чай. Когда чай вскипит, охотник делает обряд обрызгивания чая с молоком и «угощения» духов огня и тайги привезенной едой. Смысл данного обычая заключается в том, что охотник обращается к духам *Таңды* — тайги, как божеству, выпрашивая у него удачной охоты.

По нашим наблюдениям, а также по мнению других исследователей, цаатаны во многом остаются приверженными самобытному хозяйственному укладу, что позволяет поддерживать многие традиции в значительной сохранности. Однако, соседство с монголами, влияние доминирующей монгольской культуры и языка, а также общие процессы модернизации локальных культур не могут не сказываться на самоидентификации, степени владения языком подрастающих поколений.

Заключение

Мы можем констатировать тот факт, что, несмотря на определенное число работ, посвященных цаатанам, очень многие вопросы остаются или малоизученными, или дискуссионными. Не изучена основательно этническая история этой группы, происхождение, связи с близкими этническими группами.

Хозяйственная деятельность и культура цаатанов имеет много общего с культурой оленеводов-тоджинцев Республики Тыва, тем не менее, свои особенности также присутствуют. При этом наблюдается целый ряд факторов для трансформационных процессов в культуре. Филологи также фиксируют и изменения в лексике, связанные с влиянием монгольского языка. Все это не может не вызывать опасений в плане развития этнической культуры цаатанов.

Поэтому мы считаем, что в настоящее время требуется дополнительная государственная поддержка для сохранения и развития языка и культуры малочисленной субэтнической группы тувинцев в отдаленной территории от центра Монголии. А для этого также необходимо проведение и новых научных исследований, экспедиционных поездок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Lattimore, O. (1965) Rev. // Mongolia: Unknown Land, by Jorgen Bisch by Reginald Spink. Allen & Unwin. 160 p. P. 455–456.

Ragagnin, E. (2011) Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia Description and Analysis. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag. 304 p.

Ragagnin, E. (2013) Archaic linguistic features in Khövsgöl aymag's sayan varieties // Тюркская руника: язык, история, культура. Материалы Международной научной конференции. Абакан : Хакасское книжное издательство. Ч. 1. С. 99–105.

Айыжы, Е. В. (2009) Тувинцы Монголии: традиции и современность (конец XIX–XXвв.) : дисс. ... канд. ист. н. М. 250 с.

Бадамхатан, С. (1959) К вопросу о происхождении цаатан // Шинжлэх ухаан. Уланбаатар. № 2. С. 30–35.

Бадамхатан, С. (1996) Тува цаатан // Монгол Улсын Угсаатний цуй. Улаанбаатар. № 2. С. 300–329. (На монг. яз.).

Баярсайхан, Б. (2009) Лексика животноводства в цэнгэльской диалекте тувинского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. н.. Новосибирск. 25 с.

Баярсайхан, Б. (2015) Некоторые особенности речи тувинцев сумона Цагаануур Хубсугульского аймака Монголии // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир. Материалы международной конференции, посвященной 70-летию ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИГПИ / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Изд-во ТИГИ. 663с. С.244–255.

Бураев, Д. И., Дадар-оол Д. М. Тувинцы Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 3. С. 14–19.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М. : Наука. 217 с.

Вайнштейн, С. И. (1974) Историческая этнография тувинцев (Проблемы кочевого хозяйства). М. : Наука. 143 с.

Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : Изд-во «Домашняя газета». 415 с.

Качан, И. (2014) Цаатаны — «Народ северного оленя» [Электронный ресурс] // ПлюсИнформ. 30 августа. URL: <http://plusinform.ru/culture/5865-caatany-narod-severnogo-olenua.html> (дата обращения: 12.12.2016).

Гансух, Хийс (2009). Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла : автореф. дис. ... канд. филол. н. Новосибирск. 20 с.

Жуковская, Н. Л. (1994) Цаатаны — имеющие оленей [Электронный ресурс] // Вокруг света. 1 января. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1314/> (дата обращения: 12.12.2016).

Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. Т. 1 : Хозяйство, охота, рыбалка. 590 с.

Козлов, В. И. (1994) Этническая группа // Народы России : энциклопедия / гл. ред. В.А. Тишков. М. : Большая российская энциклопедия. 479 с. С. 466.

Куулар, Е. М. (2012) Цагаан-Нур тываларының чугаазының онзагайы // Эртем бижиктери: ТКУ-нуң тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедрасының чыл чыындызы. V-ки үндүрүлгези. Кызыл: ТывКУ. С. 12–17. (На тув. яз.)

Куулар, Е. М. (2015) Особенности речи цаатанов Хубсугульского аймака Монголии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (45). С. 127–130.

Куулар, Е. М., Сувандии, Н. Д. (2015) Охотничья лексика в тувинском языке и его диалектах // Казанская наука. № 10. С. 190–193.

Маннай-оол, М. Х. (1995) Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XVIII. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. С. 56–61.

Монгуш, М. В. (2007) Вдали от своих, Свои среди чужих. Заметки о тувинцах Монголии и Китая // Проблемы общей и региональной этнографии: (к 75-летию А.М. Решетова): сборник статей / отв. ред. Е. В. Иванова и др. СПб. : РИО МАЭ РАН. 436 с. С. 341–352.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии. 360 с.

Монгуш, М. В. (2013) У тувинцев Цэнгела [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/239> (дата обращения: 20.12.2016).

Нанзатов, Б. З., Содномпилова, М. М. (2008) Монгольские оленеводы: культура жизнеобеспечения в современных условиях // AUS SIBIRIEN – 2008. IV Международная научно-практическая конференция, научно-информационный сборник / гл. ред. А.П.Ярков. Тюмень : КоллеСо. С. 136–140.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Радиш ад-Дин (1946). Сборник летописей / отв. ред. В. В. Струве. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Т. 1.

Салчак, В. С., Монгуш, Б. Б., Баярсайхан, Б. (2010) Тываларның аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер [Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев]. Кызыл: Изд-во ТИГИ. 82 с. (На тув. яз.)

Серен, П. С. (2014) Моолда Цагаан-Нуур тываларанынын ёзу-чанчылдары. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 192 с. (На тув.яз.)

Сувандии, Н. Д. (2010) Цагаан-Нур тываларының чугаазында иви лексиказының ажыл-агыйы//Эртем бижиктери: ТКУ-нуң тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедрасының чыл чыындызы. IV-кү үндүрүлгези. Кызыл: ТывКУ. С. 31–39. (На тув. яз.)

Сувандии, Н. Д. (2015) Лексемы, отражающие национально-бытовые особенности жителей сумона Цагаан-Нур Монголии // Материалы международной конференции, посвященной 20-летию юбилею ТувГУ. Кызыл : РИО ТувГУ. С. 139–140.

Соян, А. М. (2015а) Обрядовая поэзия этнических тувинцев Цагаан-Нуура // Казанская наука. № 10. С. 206–209.

Соян, А. М. (2015b) Народные песни и частушки этнических тувинцев Цагаан-Нуура // Мир науки, культуры, образования. № 6. С. 333–335.

Цэцэгдарь, У. (2013) Особенности тувинской речи жителей Кобдо : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М. 18 с.

Чулуун, С. (2014) Тувинцы-цаатаны Монголии и государственная политика // Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию единения России и Тувы. Кызыл: Изд-во ТувГУ. Ч. 1. С. 47–51.

Дата поступления: 30.12.2016 г.

REFERENCES

Lattimore, O. (1965) Rev. In: *Mongolia: Unknown Land*, by Jorgen Bisch by Reginald Spink. Allen & Unwin. 160 p. Pp. 455–456.

Ragagnin, E. (2011) *Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia Description and Analysis*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag. 304 p.

Ragagnin, E. (2013) Archaic linguistic features in Khövsgöl aymag's sayan varieties. In: *Tiurkskaia runika: iazyk, istoriia, kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1, pp. 99–105.

Aiyzhy, E. V. (2009) *Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost' (konets XIX–XX vv.)* : Diss. ... Candidate of History. Moscow. 250 p. (In Russ.).

Badamkhatan, S. (1959) K voprosu o proiskhozhdenii tsaatan. In: *Shinzhlekhn ukhaan*, Ulanbaatar, no. 2, pp. 30–35. (In Russ.).

Badamkhatan, S. (1996) Tuva tsaatan. In: *Mongol Ulsyn Ugsaatsnii tsui*. Ulaanbaatar, no. 2, pp. 300–329. (In Mong.).

Baiarsaikhan, B. (2009) *Leksika zhitovnovodstva v tsengel'skom dialekte tuvinskogo iazyka* : Thesis of Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 25 p. (In Russ.).

Baiarsaikhan, B. (2015) Nekotorye osobennosti rechi tuvintsev sumona Tsagaanuur Khubsugul'skogo aimaka Mongolii. In: *Gumanitarnye nauki v XXI veke: chelovek, obshchestvo, global'nyi mir. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu TNIIIaLI – TIGI – TIGPI*, ed. K. A. Bicheldei. Kyzyl, Izd-vo TIGI. 663 p. Pp. 244–255. (In Russ.).

Buraev, D. I. and Dadar-ool D. M. Tuvintsy Mongolii. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3, pp. 14–19. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy*. Moscow, Nauka. 217 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1974) *Istoricheskaia etnografiia tuvintsev (Problemy kochevogo khoziaistva)*. Moscow, Nauka. 143 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva*. Moscow, Izd-vo «Domashniaia gazeta». 415 p. (In Russ.).

Kachan, I. (2014) Tsaatany — «Narod severnogo olenia». *PliusInform*, 30 August [online] Available at: <http://plusinform.ru/culture/5865-caatany-narod-severnogo-olenya.html> (access date: 12.12.2016). (In Russ.).

Gansukh, Khiis (2009). *Osobennosti tuvinskoj rechi zhitelei Tsengela* : Thesis of Diss. ... Candidate of Phology. Novosibirsk. 20 p. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (1994) Tsaatany — imeiushchie olenei. *Vokrug sveta*. 1 January [online] Available at: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1314/> (access date: 12.12.2016). (In Russ.).

Darzha, V. K. (2009) *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. Khoziaistvo, okhota, rybalka. 590 p. (In Russ.).

Kozlov, V. I. (1994) Etnicheskaia gruppy. In: *Narody Rossii : entsiklopediia*, ed. V. A. Tishkov. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia. 479 p. Pp. 466. (In Russ.).

Kuular, E. M. (2012) Tsagaan-Nur tyvalarynyḡ chugaazynyḡ onzagaiy. In: *Ertem bizhikteri: TKU-nuḡ tyva bolgash niiti dyl ertemneriniḡ kafedrazynyḡ chyl chyyndyzy. V-ki yndyrylgezi*. Kyzyl, TyvKU. Pp. 12–17. (In Tuv.).

Kuular, E. M. (2015) Osobennosti rechi tsaatanov Khubsugul'skogo aimaka Mongolii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (45), pp. 127–130. (In Russ.).

Kuular, E. M. and Suvandii, N. D. (2015) Okhotnich'ia leksika v tuvinskom iazyke i ego dialektakh. *Kazanskaia nauka*, no. 10, pp. 190–193. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (1995) Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost'. In: *Uchenye zapiski TNIIaLI*, vol. XVIII. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izd-vo. Pp. 56–61. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2007) Vdali ot svoikh, Svoi sredi chuzhikh. Zametki o tuvintsakh Mongolii i Kitaia. In: *Problemy obshchei i regional'noi etnografii: (k 75-letiiu A.M. Reshetova): sbornik statei*, ed. E. V. Ivanova et all. St. Petersburg, RIO MAE RAN. 436 p. Pp. 341–352. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste*. Osaka, Natsional'nyi muzei etnologii. 360 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2013) At Tuvans of Tsengel. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/239> (access date: 20.12.2016). (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. and Sodnompilova, M. M. (2008) Mongol'skie olenevody: kul'tura zhizneobespecheniia v sovremennykh usloviiakh. In: *AUS SIBIRIEN – 2008. IV Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia, nauchno-informatsionnyi sbornik*, ed. A. P. Iarkov. Tiumen', KoLeSo. Pp. 136–140. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).

Radish ad-Din (1946). *Sbornik letopisei*, ed. V. V. Struve. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR. Vol. 1.

Salchak, V. S., Mongush, B. B. and Baiarsaikhan, B. (2010) *Tyvalarynyḡ aḡnyyr azhyl-agyiynyḡ dugaiynda chamdyk medeeler* [Nekotorye svedeniia ob okhotnich'em khoziaistve tuvintsev]. Kyzyl, Izd-vo TIGI. 82 p. (In Tuv.).

Seren, P. S. (2014) *Moolda Tsagaan-Nuur tyvalaranyyn ezu-chanchyldary*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 192 s. (In Tuv.).

Suvandii, N. D. (2010) Tsagaan-Nur tyvalarynyң chugaazynda ivi leksikazynyң azhyglaly. In: *Ertem bizhikteri: TKU-nuң tyva bolgash niiti dyl ertemneriniң kafedrazynyң chyl chyundyzy. IV-ky yndyrylgezi*. Kyzyl, TyvKU. Pp. 31–39. (In Tuv.).

Suvandii, N. D. (2015) Leksemy, otrazhaiushchie natsional'no-bytovye osobennosti zhitelei sumona Tsagaan-Nur Mongolii. In: *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 20-letnemu iubileiu TuvGU*. Kyzyl, RIO TuvGU. Pp. 139–140.

Soian, A. M. (2015a) Obriadovaia poeziiia etnicheskikh tuvintsev Tsagaan-Nuura. *Kazanskaia nauka*, no. 10, pp. 206–209. (In Russ.).

Soian, A. M. (2015b) Narodnye pesni i chastushki etnicheskikh tuvintsev Tsagaan-Nuura. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6, pp. 333–335. (In Russ.).

Tsetsegdar', U. (2013) *Osobennosti tuvinskoi rechi zhitelei Kobdo*: Thesis of Diss.... Candidate of Philology. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Chuluun, S. (2014) Tuvintsy-tsaatany Mongolii i gosudarstvennaia politika. In: *Edinaia Tuva v edinoi Rossii: istoriia, sovremennost', perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu edineniia Rossii i Tuvy*. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. Vol. 1. Pp. 47–51.

Submission date: 30.12.2016.

Для цитирования:

Сувандии Н. Д., Куулар Е. М. Этнические тувинцы сумона Цагаан-Нуур Монголии: исследовательские проблемы [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/696> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.4

For citation:

Suvandii N. D., Kuular E. M. Ethnic Tuvans in Tsaagan-Nuur sumon, Mongolia: research issues. *New Research of Tuva*. 2007, no.1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/696> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.4

DOI: 10.25178/nit.2017.1.5

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ТУВИНЦЕВ БАЯН-УЛЬГИЙСКОГО И ХУБСУГУЛЬСКОГО АЙМАКОВ МОНГОЛИИ

Елена В. Айыжы

Тувинский государственный университет

THE FUNERAL AND COMMEMORATION RITE AMONG THE TUVANS OF BAYAN-ÖLGII AND KHÖVSGÖL AIMAGS, MONGOLIA

Elena V. Ayyzhy

Tuvan State University

В статье произведена реконструкция погребально-поминального обряда тувинцев Монголии. Это целый цикл действий, обрядов и обычаев, запретов, последовательно совершаемых с момента смерти человека до его похорон и следующих за ним «поминок» включительно. Этнография хорошо изучила погребально-поминальные обряды тувинцев Тувы, но не у субэтнических групп тувинцев, проживающих в Монголии. Основными источниками для реконструкции стали полевые материалы автора, собранные во время экспедиций в Монголии: в с. Цаган-Нур, восточной тайге Хубсугульского аймака и в с. Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака в 1996–2015 гг.

Тувинцы Цэнгела строго соблюдают охранительные обряды. Чтобы душа покойного не вернулась обратно, покойника из юрты выносят не через двери, а через одну из ее стенок, мужчины надевают одежду наоборот. Когда ритуал заканчивался, все при-

The article provides a reconstruction of the funeral and commemoration rite of Tuvans in Mongolia. The rite includes a series of acts, rites, customs and taboos that are enacted immediately after the death of a person and until he or she is buried and the funeral feast is held. There has been a wealth of studies of rites associated with funerals and commemoration among the Tuvans of their titular region, but never among Tuvans living in Mongolia. Our reconstruction is based on the data collected by the author during expeditions to Mongolia, namely to the village of Tsagaan Nuur, the Eastern taiga area of Khövsgöl aimag and to the village of Tsengel, Bayan-Ölgii aimag in 1996–2015.

The Tuvans of Tsengel are known for strictly preserving the guarding rituals. To prevent the soul from returning, the dead body is never carried out of the yurt through the door, but through one of its walls, with men wearing their clothes inside out.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-01-00442).

The study was supported by the Russian Foundation for the Humanities (Grant No. 15-01-00442).

Айыжы Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории археологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 32. Эл. адрес: aiygy@mail.ru

Ayyzhy Elena Valerievna, Candidate of History, Associate Professor, Department of General History, Tuvan State University. Postal address: 32 Lenin St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Email: aiygy@mail.ru

существующие три раза обходят место, прощаются с умершим, бросают на могилу просо. Возвращаясь, стараются не оборачиваться. На поминальные обряды 7-го и 49-го дней шаманов не приглашают, предпочтение отдают ламам (влияние буддизма).

Обрядность тувинцев Цаган-Нура имеет свои особенности. О смерти человека сообщают эфемизмами, но частое тувинское выражение «пошел за красной солью» здесь не используют. Гробы готовят специальные люди.

Если умер человек в тайге, то гроб не готовили, специальных мест не искали. Место «освящали» дымом можжевельника. Тело доставляет мужчина на своей спине, на специальной подстилке. Перед погребением все прощаются с покойником, разбрасывают просо. Проводят поминальную панихиду. В дальнейшем данное место становится запретным для посещения. После похорон участники проходят обряд «очищения», участвуют в «последнем пире». Обряд 7-ми дней не проводят, только 49 дней.

В целом, в погребально-поминальном обряде тувинцев Монголии выделяются четыре этапа — обряды и обычаи: 1) связанные с момента смерти и до погребения умершего; 2) связанные с погребением и возвращением участников с кладбища; 3) соблюдаемые после похорон, пока не заканчивались «поминки»; 4) связанные с 7 или 49 днями.

Похоронная обрядность тувинцев Монголии показывает этногенетические и этнокультурные связи их с тувинцами Тувы. В то же время очевидно, что традиции первых более детальны, сохранены.

Ключевые слова: тувинцы; тувинцы Монголии; погребально-поминальный обряд; обрядовая практика; Цэнгэл; Баян-Ульгийский аймак; Монголия; Цаган-Нур; Хубсугульский аймак; Тува

After the ritual is over, all those present walk around the grave three times, throwing millet on the grave as a farewell gesture – and then return without looking back. The 7th and 49th day commemoration feasts do not feature Shamans, with a marked preference for lamas (a Buddhist influence).

In Tsagaan Nuur, the rite has specific local features. A death is reported euphemistically, but the common Tuvan idiom ‘went to fetch some red salt’ is unknown here. Coffins are prepared by a certain body of people.

If the death happened in the taiga, then no coffin was needed and no special place sought. The burial area was ‘sanctified’ by burning juniper, and the body was carried by a man on his back (using a special kind of bedding). Prior to the burial, everyone took leave of the dead person, millet was thrown around, and the dirge sung. After the burial, the grave would become taboo, and those who participated in the funeral would have undergo ‘cleansing’ and join the ‘last feast’. Commemoration on the 7th day is unknown, while the 49th day feast is preserved.

Overall, the funeral and commemoration rites of Mongolian Tuvans include 4 stages of rites and customs: 1) from the moment of death to the funeral; 2) the burial and the return from the cemetery; 3) the funeral feast; 4) the 7th and/or 49th day commemoration events.

Funeral rites of Tuvans living in Mongolia reveal their ethnogenetic and ethnocultural links with their compatriots in Tuva. At the same time it is quite clear that the former have preserved their tradition in more detail.

Keywords: Tuvans; Tuvans in Mongolia; funeral and commemoration rites; ritual practice; Tsengel; Bayan-Ölgii aymag; Mongolia; Tsagaan Nuur; Khövsgöl aimag; Tuva

Введение

Погребальный обряд у тувинцев представляет собой по существу целый цикл действий, обрядов и обычаев, запретов, последовательно совершаемых с момента смерти человека до его похорон и следующих за ним «поминок» включительно. Это религиозные действия, которые отражают нормы поведения родственников, налагают на них ряд обязанностей, ответственность в связи с предстоящими похоронами.

Тема погребального обряда тувинцев достаточно изучена этнографической наукой. Одной из первых научных работ можно назвать статью Н.В. Катанова «О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших

времен и до наших дней» (Катанов, 1894), где он описал погребальный обряд бельтиров, сагайцев, каргинцев, каларцев, карагасов, а также урянхайцев Урянхайского края и Монголии. В. В. Бартольд сосредоточил внимание на обрядовой практике (Бартольд, 1921). В работе Е. К. Яковлева «Этнографический обзор населения долины Южного Енисея», хотя автор и замечает, «относительно похорон наши сведения крайне ограничены», но все же приводятся некоторые сведения об оставлении умершего, завернутого в шубу или халат, на поверхности где-либо в укромном месте, упоминается о поминках (Яковлев, 1900: 97, 98).

Более обширные и ценные материалы, имеющие научный интерес, содержатся в работе Ф. Я. Кона. Автор установил, что способ захоронения умершего путем оставления трупа в безлюдной местности на поверхности земли считается у тувинцев новым, возникшим под влиянием ламаизма. До этого покойников зарывали в землю с различными их предметами бытового обихода (Кон, 1904: 38). В работе Л. П. Потапова приведены описания погребального обряда тувинцев Монгун-Тайгинского и Бай-Тайгинского районов. Впервые было изучено в деталях погребальное сооружение шамана в виде двухъярусной гробницы, установленной на четырех столбах (Потапов, 1960). С. И. Вайнштейн при детальном изучении таежных и степных групп восточных тувинцев также затронул эту тему (Вайнштейн, 1961).

В. П. Дьяконова в своей монографии «Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник» (Дьяконова, 1975) описала в сравнительном анализе погребальный обряд тувинцев восточных и западных районов Тувы, что для нас является несомненно ценным материалом для написания данной статьи. Еще одна важная работа для нашей темы — монография В. А. Киселя «Поездка за красной солью» (Кисель, 2009), в которой он анализирует своеобразие тувинских похоронно-поминальных ритуалов, восстанавливает истоки формирования способов погребения, проводов «души», общения с покойным, показывает развитие и изменение самобытных обычаев.

Погребальная обрядность тувинцев Монголии этнографической наукой практически не исследована. Целью данной статьи является сравнительный анализ погребально-поминального обряда тувинцев с. Цэнгел Баян-Ульгийского и с. Цаган-Нур Хубсугульского аймаков Монголии. Особенностью данной работы является то, что основным видом хозяйства тувинцев Баян-Ульгийского аймака — разведение мелкого и крупного рогатого ско-

та, а у тувинцев Хубсугульского аймака-оленеводство. Несмотря на то что скорость и динамика трансформационных процессов затрагивает обрядовую практику, происходят изменения не только во внешней стороне похорон, но и во многом изменяется и внутреннее содержание ритуалов. При этом общая этническая специфика погребально-поминального комплекса сохранилась.

Основными источниками для написания данной статьи являются полевые материалы автора. Они были собраны во время экспедиций в с. Цаган-Нур, восточной тайге Хубсугульского аймака Монголии и в с. Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии 2010-2011, 2013, 2015–2016 годах. Автор опрашивала представителей старшего поколения тувинцев, неоднократно присутствовала на похоронах и поминках, наблюдала за процедурами. Также автор опирается на полевые материалы, которые собирала в отдельных районах самой Тувы.

Тувинцы Цэнгэл сомона Баян-Ульгийского аймака

Умершего человека тувинцы Цэнгэл сомона называют «тыныш доозулду» («дыхание остановилось»), «аарыг алгаш бараган» («болезнь забрала»), «бурган болуп калган» (стал богом), «бурган оранында барды» («ушел в мир богов»), «дустай берген» («ушел за солью»), «караан шимген» («глаза закрыл»), «удуп калган» («уснул»).

У тувинцев Цэнгэл сомона Баян-Ульгийского аймака по погребально-поминальному обряду были отмечены следующие действия. На кладбище с собой берут обязательно веточку, на месте погребения чертят круг вокруг себя, таким образом, здесь присутствует охранительная магия.

Информатор Оюмаа рассказывала: «...мы особо не ходим на кладбище, но иногда бывают такие случаи, запреты можно нарушить, тогда с собой берем молоко, и делаем чажыг (чажыг — ‘окроплять’, букв.), но перед обрядом чертим вокруг себя круг, поскольку души наших умерших родственников на запах молока слетаются, стараются у друг друга отнимать» (информатор Оюмаа Донгак, 1972 г. р., уроженка с. Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии).

Страх перед умершим отразился и в обычае выносить покойника из юрты не через двери, а через одну из стенок ее, чтобы умерший не смог найти дорогу обратно в свое жилье. Выносили покойного головой вперед, а решетку юрты сразу опускали или заделывали юрту перед выносом

умершего вносили деревянную колоду, в которую укладывали покойника и привязывали его к колоде веревками. После этого отдергивали войлок юрты снаружи и через отверстие просовывали колоду (Кон, 1904: 50).

Мы зафиксировали, что у тувинцев Баян-Ульгийского аймака Монголии в зимнее время рядом с основной юртой ставили отдельную временную юрту и там клали умершего. Также наши информанты отмечали, что через двери не выносили покойного. Идя к месту погребения, мужчины надевают одежду наоборот, чтобы душа умершего не смогла найти дорогу. Когда похоронный ритуал заканчивался, все присутствующие три раза обходили место, тем самым прощались с умершим, бросали на могилу просо. Когда возвращаются обратно, стараются не оборачиваться.

У тувинцев Баян-Ульгийского аймака на поминальные обряды «чеди хонуу» — «семь дней» и «дортен тос хонуу» — «сорок девять дней» шаманов не приглашали, предпочтение отдавали ламам. Скорее всего, это связано с распространением и влиянием буддизма в данных аймаках Монголии.

Тувинцы сумона Цаган-Нур Хубсугульского аймака

Погребально-поминальный обряд тувинцев с. Цаган-Нур Хубсугульского аймака имеет свои особенности и отличия от тувинцев, живущих в других аймаках Монголии. О смерти человека сообщают близким и родственникам следующими эвфемизмами: «чок болган кижиги» — «человека, которого не стало», «бурганнай берген» — «ушел к божествам», «олген» — «умер», «ужа берген» — «улетел», «эрте берген» — «перешел», «чой барган» — «ушел», «чорта берген» — «медленно уехал на коне». Интересно, что у других тувинцев Монголии и Тувы часто применяемый термин «кызыл дустай берген» («за красной солью пошел», в Хубсугуле не используется).

В деревне были специальные люди, которые изготавливали «кавай» (колыбель), «аптара» — «сундук», или гробы для умерших людей. Делали гроб родственники, из кедра или лиственницы, по размеру больше чем рост покойного, внутреннюю сторону украшали чаще всего материалом зеленого, красного, черного цвета. Женские украшения покойной раньше клали в гроб, теперь же оставляют детям. Местность, где находится кладбище с. Цаган-Нур называется Дыт-Акта (букв. — «Белая лиственница»), «кижи чурттадыр чер» — «место для проживания умерших».

Если умер человек в тайге (Западной или Восточной), то гроб не гото-

вили, специальных мест не искали. Просто в удобном месте оставляли покойного, называли «илден салыр» — «оставить видимым», «черге салыр» — «оставить на земле» (информатор Ганбаат из рода Урат, 1957 г. р., уроженец Восточной тайги Хубсугульского аймака Монголии). Место, где будут хоронить умершего, «освящали» дымом можжевельник «артыша» «черин актаар» — (букв. «освящать место»). Тело туда доставляет мужчина, на спине. Заранее готовят восьмиметровую ткань, половину этой ткани складывают как подстилку для тела, другой половиной накрывают его. Умершего кладут головой на север. Одевают его в одежды, которые ему нравились при жизни. В изголовье кладут чай, деньги, просо, хадак, свечи и все необходимое. Также могли оставить его любимую одежду (например, рубашку). Были случаи, если человек умер в тайге, его оставляли голым, завернув в белый саван.

Перед погребением все присутствующие прощаются с покойником. По очереди дотрагиваются до его лба, а приезжие провожают, дотрагиваясь до его правого колена, что означает «Я приехал». Рядом с могилой зажигают лампаду, ставят чай, еду, пустую пиалу. На могиле разбрасывают зерна, что имело смысл пожелания пополнения рода умершего. После проводили поминальную панихиду «чемнедир», «шайладыр» («кормить», «угощать»): кормили гостей супом «быдаа». Угощали чаем, разливали присутствующим немного водки, обменивались трубками. Во время похорон могли присутствовать все родственники; в дальнейшем данное место становилось запретным для посещения.

Вернувшись с похорон, все участники проходят обряд «очищения», для чего готовят два сана — два плоских камня, поверх которых для очищения кладут зажженный можжевельник, воду, разбавленную молоком и можжевельником, белое полотенце или бумагу для вытирания рук. Каждый должен пройти между двумя камнями с можжевельником, затем два раза моют руки и вытираются белым полотенцем.

Тувинцы Цаган-Нура поминки называют «сонгу шайлалгазы» — «последний пир». Все присутствующие заходят в юрту, пьют чай и едят приготовленное близкими умершего. Сначала пьют простоквашу или разбавленный в воде жидкий творог, затем едят молочные блюда: суп с рисом и изюмом. В конце застолья суп из баранины. Один из присутствующих мужчин разливает водку. Полную чарку он подносит всем по очереди, при этом кладет под чаркой либо купюру, либо коробок спичек. Надо сказать, что в современной Туве во время поминок раздают всем чайники с конфетами в четном количестве, завернутые в носовой платок или в белый

материал. Все собравшиеся поминают покойного, говорят о нем только хорошее.

Людам, помогавшим на похоронах, в качестве благодарности подносят спички или плитки чая. Мужчинам, которые провожали умершего до места погребения, дают барана, женщинам — мыло, чай. Обязательно каждому дают свечи и спички; детям — сладости («уругларны оортуру» — «радовать детей»).

Тувинцы Хубсугульского аймака Монголии обряд «чеди хонуу» («семь дней») не проводили, только «дортен тос хонуу» («сорок девять дней»), «узун хонуу» («длинные поминальные дни»). Для определения времени, места похорон, а также проведения обряда «узун хонуу» раньше приглашали шаманов, лам. Особенно информаторы вспоминали известного шамана Сарыг-Баяара (ныне его нет в живых), который определял время, дату, сроки, дни, часы не только погребальных обрядов, но и даже свадеб, а также других событийных семейных мероприятий. Сегодня таких людей, которые могут указать время, с кем можно проконсультироваться во всех вопросах в обрядовой практике, практически не осталось (в Западной тайге, где живут цаатаны нет, а вот в Восточной тайге Ганбаат делает) (информатор Эртине Эренчин из рода Соян, 1943 г. р., уроженец с. Цаган-Нур Хубсугульского аймака Монголии).

Заключение

Таким образом, на основе полевых этнографических материалов и привлечения историко-этнографической литературы нами была сделана попытка дать реконструкцию погребально-поминального обряда тувинцев-цаатанов Восточной и Западной тайги с. Цаган-Нур Хубсугульского аймака Монголии. В целом, в погребально-поминальном обряде тувинцев Монголии можно выделить четыре этапа: 1) обряды и обычаи, связанные с момента смерти и до погребения умершего; 2) обычаи и обряды, связанные с погребением и возвращением участников с кладбища; 3) обычаи и обряды, соблюдаемые после похорон, пока не заканчивались «поминки»; 4) обычаи и обряды, связанные с 7 и 49 днями.

Сравнительный анализ обрядности тувинцев Монголии с тувинцами Тувы, а также сопоставление современных наблюдений с описаниями обрядом начала и середины XX века позволяют говорить об этногенетических и этнокультурных связях монгольских тувинцев и их соплеменников,

проживающих в самой республике. Например, сравнение монгольских наблюдений с тем, что нам удалось зафиксировать у тувинцев-оленеводов Тоджинского района Республики Тыва, показывает нам много общего. Тоджинцы (субэтническая группа тувинцев, у которых традиционная обрядность считается наиболее сохранившейся) хоронили умершего зимой через три дня, летом — через 2 дня. Находили благоприятное сухое место, дно погребальной ямы устилали листьями, клали покойного головой в сторону востока. В зимнее время заворачивали умершего в шкуру и уносили в тайгу, через 2–3 дня родственники переезжали в другое место, причем вблизи в радиусе 3 км не жили. Потом через «семь дней», «девять дней» посещали то место, проверяли, родственники молились следующими словами: «Летающие птицы, животные очистите место, где я оставил тело умершего, Оран – Тандым помогите умершему освободить свою душу от тела!» (информатор Бараан Балчий-оол Сыпаевич, из рода Бараан, 1943 г. р., уроженец местности «Одуген» Тоджинского района Республики Тыва). Тувинцы Тоджинского района обряды поминального характера как «семь дней», «сорок девять дней» не проводили.

В то же время полученный нами материал показывает, что тувинцы Монголии, некогда отделившиеся от основного этнического массива, в целом более детально передают в своей обрядовой практике традиции похоронно-поминального обряда, чем тувинцы Республики Тыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бартольд, В. В. (1921) К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Записки Восточного отделения Археологического общества. Т. 26. М.: Издательство Восточной литературы. 491 с.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М.: Издательство Восточной литературы. 216 с.

Дьяконова, В. П. (1975) Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 164 с.

Катанов, Н. Ф. (1894) О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен и до наших дней // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXV. С. 109–142.

Кисель, В. А. (2009) Поездка за красной солью. СПб.: Наука. 111 с.

Кон, Ф. Я. (1904) Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю // Известия Восточно-Сибирского отд. РГО. Т. XXXIV. № 1–2. М.: Издательство восточной литературы. С. 19–69.

Потапов, Л. П. (1960) Материалы по этнографии тувинцев района Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М.; Л. Т. 1. С. 171–237.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова. 357 с.

Дата обращения: 02.02.2017 г.

REFERENCES

Bartol'd, V. V. (1921) K voprosu o pogrebal'nykh obriadakh turkov i mongolov. In: *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Arkheologicheskogo obshchestva*, vol. 26. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury. 491 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty*. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury. 216 p. (In Russ.).

D'iakonova, V. P. (1975) *Pogrebal'nyi obriad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istochnik*. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie. 164 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (1894) O pogrebal'nykh obriadakh u tiurkskikh plemen s drevneishikh vremen i do nashikh dnei. *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, vol. XXV, pp. 109–142. (In Russ.).

Kisel', V. A. (2009) *Poezdka za krasnoi sol'iu*. St. Petersburg, Nauka. 111 p. (In Russ.).

Kon, F. Ia. (1904) Predvaritel'nyi otchet po ekspeditsii v Uriankhaiskuiu zemliu. In: *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otd. RGO*, vol. XXXIV, no. 1–2. Moscow, Izdatel'stvo Vostochnoi literatury. Pp. 19–69. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1960) Materialy po etnografii tuvintsev raiona Mongun-Taigi i Kara-Kholia. In: *Trudy Tuvinskoii kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii AN SSSR*. Moscow, Leningrad. Vol. 1. Pp. 171–237. (In Russ.).

Iakovlev, E. K. (1900) *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Iuzhnogo Eniseia i ob'iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeia*. Minusinsk, Tip. V. I. Kornakova. 357 p. (In Russ.).

Submission date: 02.02.2017.

Для цитирования:

Айыжы Е. В. Погребально-поминальный обряд тувинцев Баян-Ульгийского и Хубсугульского аймаков Монголии [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/697> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.5

For citation:

Ayzyzhy E. V. The funeral and commemoration rite among the Tuvans of Bayan-Ölgii and Khövsgöl aimags, Mongolia. *New Research of Tuva*. 2017, no.1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/697> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.5

DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

ХОШУТЫ КАЛМЫКИИ И МОНГОЛИИ: ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Эльза П. Бакаева

Калмыцкий научный центр
Российской академии наук

THE KHOSHUTS OF KALMYKIA AND MONGOLIA: A HISTORICAL AND ETHNOGRAPHICAL OVERVIEW

Elza P. Bakaeva

Kalmyk Research Center,
Russian Academy of Sciences

В статье предпринято сопоставительное изучение особенностей истории хошуты Калмыкии и Монголии. Включенные с XV в. в состав западномонгольского Ойратского союза, хошуты определяются учеными как восточномонгольская по происхождению группа. Сегодня хошуты проживают в Монголии, России, Китае. В Монголии хошуты считаются частью торгутов, но вместе с тем сохраняют память о своей этнической идентичности. В России хошуты живут в основном в Калмыкии и представляют собой одну из субэтнических групп калмыков. В Китае хошуты в провинциях Цинхай и Ганьсу, а также в Автономном районе Внутренняя Монголия, в Синьцзян-Уйгурском Автономном районе.

Хошуты были одним из самых влиятельных этнополитических объединений в составе ойратов XV–XVII вв. Происхождение хошуты связано с восточномонгольскими этническими группами: нойоны хошуты являлись прямыми потомками Хабуту Хасара — брата Чингис-хана. Этимологию этнонима «хошут» ученые однозначно связывают со значениями «острие», «клин», «порядок построения

The article offers a comparative analysis of the history of Khoshuts in Kalmykia and Mongolia. Being a part of the Oirat union in Western Mongolia since the 15th century, the Khoshuts are nevertheless East Mongolian in their ancestry. They currently live in Mongolia, Russian and China. In Mongolia, they are considered a sub-group of the Torguts, but preserve the

memory of their distinct ethnic identity. In Russia, Khoshuts live mostly in Kalmykia and are considered a sub-group of the latter. In China, the Khoshut population is concentrated in Inner Mongolia.

In the 15-17th centuries, Khoshuts were one of the most powerful ethnopolitical entities within the Oirat union. Their ancestry stems back to East Mongolian ethnic groups: the Khoshut noyons were direct descendants of Habutu Hasar, Genghis Khan's brother. Etymologically, the word 'Khoshut' means

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-02898).
The study was supported by the Russian Foundation for the Humanities (Grant No. 15-01-00442).

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-15. Эл. адрес: ebakaeva@yandex.ru

Bakaeva Elza Petrovna, Doctor of History, Associate Professor and Deputy Director, Kalmyk Research Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 I.K. Ilishkin St., 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-15. Email: ebakaeva@yandex.ru

войска клином». В середине XVI в., когда происходил процесс возрождения союза дербен-ойратов, хошуты играли в нем заметную роль. В XVII в. основная группа хошутов во главе с Гуши ханом расселилась в районе Кукунора, где было основано самостоятельное ханство. Небольшая часть хошутов откочевала в пределы Российского государства и вошла в качестве составного компонента в калмыцкий этнос.

Хошуты имеют интересную историю и сохраняют память о собственной идентичности. Группы хошутов Калмыкии и хошуты сомона Булган Кобдоского аймака Монголии связаны с разными частями этнополитического объединения хошуты, имевшего место в XVII в. Вместе с тем и в Монголии, и в Калмыкии сохраняется память об особой генеалогической линии: среди булганских хошуты - представителей овог хайртынхан (борджигин), среди калмыцких хошуты - представителей рода зыяснуд, которые имеют общих предков.

Источниками для исследования стали литературные данные, публикации монгольских ученых и краеведов, а также полевые материалы автора.

Ключевые слова: хошуты; монголоязычные народы; Калмыкия; калмыки; Монголия; торгуты; субэтническая группа

'spike', 'wedge' or 'wedge-shaped battle formation'. In the mid-16th century, Khoshuts played an important role in the revival of the Derben-Oirat union. In the 17th century, the majority of Khoshuts led by Güshi Khan settled in the vicinity of Kokonur, where they founded an independent khanate. A minority of Khoshuts moved on to Russia and joined the Kalmyk ethnicity as a sub-group.

Khoshuts have had a fascinating history and preserve the memory of their distinct identity. Khoshuts in Kalmykia and in Bulgan somon of Khovd aimag are linked to different entities within the Khoshut ethnopolitical union of the 17th century. At the same time, Khoshuts in both countries remember their specific genealogies: the Bulgan Khoshuts, dating back to the Ovog Hairtynhan (Bordzhigin), and the Kalmyk Khoshuts, to the Zyyasngud tribe and their common ancestors.

Our study is based on literary sources, publications of Mongol scholars and local historians, and on the field observations by the author.

Keywords: Khoshuts; Mongol-speaking peoples; Kalmykia; Kalmyks; Mongolia; Torguts; sub-ethnic group

Введение

История хошуты — одного из монголоязычных народов — весьма интересна. Хошуты, включенные с XV в. в состав западномонгольского Ойратского союза, учеными определяются как восточномонгольская по происхождению группа. Хошутские князья вели свою родословную от брата Чингис-хана — Хабуту Хасара. Сегодня хошуты проживают и в Монголии, и в Китае, и в России — среди калмыков.

Судьба хошуты в каждой из этих стран имеет свои особенности. В Монголии хошуты считаются частью торгутов, но вместе с тем сохраняют память о своей этнической идентичности. В сомоне Булган Кобдоского аймака проживают более 300 семей хошуты (около 1,5 тыс. чел., хотя значительная часть также идентифицирует себя как торгутов) (Нанзатов, Содномпилова, 2013: 209). В Республике Калмыкия хошуты представляют собой одну из субэтнических групп калмыков; при этом представители одной их подгруппы компактно расселены в пос. Сарпа Кетченеровского района и в пос. Хошеут Октябрьского района, представители другой — дисперсно по всей территории республики и в Астраханской области, необходимо отметить, что часть последних идентифицирует себя и с калмыками-торгутами. Поскольку в данных переписей населения указывается общая численность калмыков без указания субэтнических групп, то говорить о численности хошуты Калмыкии сложно. В КНР хошуты расселены в

Синьцзян-Уйгурском Автономном районе (потомки пришедших с Волги в 1771 году, численность неизвестна), в Автономном районе Внутренняя Монголия (алашаньские хошуты; около 10 тысяч человек), в провинциях Цинхай и Ганьсу (потомки кукунорских хошутов — основного населения ханства, основанного Гуши Номин-ханом (1582–1654), прославившимся также в истории тем, что благодаря ему в Тибете была установлена теократическая форма правления). Кукунорские хошуты называют себя *деед монгол* ('верховными монголами' или 'монголами [принадлежавшими] верховному правителю', 'высшими монголами', что возможно связано с историей возвышения Гуши хана и завоевания им Тибета - термин *деед* в монгольском языке означает не только 'верх, верхний', но и 'высший, верховный, вышестоящий, благородный'), часть их называются *цаста монгол* ('снеговыми монголами'). Точная численность кукунорских хошутов неизвестна, по словам их самих, общая численность дээд-монголов по переписи 2010 г. составляет 99815 человек (Бембеев, Лиджиев, 2014: 121).

В настоящей статье представлен опыт сопоставительного изучения хошуты Калмыкии и Монголии. Представлены общие сведения об истории хошуты, дана этнографическая характеристика хошуты Калмыкии, представлены сведения о хошутах Монголии. Источниками послужили литературные данные, публикации монгольских ученых и краеведов, а также полевые материалы автора.

Из истории хошуты

Хошуты были одним из самых влиятельных этнополитических объединений в составе ойратов XV–XVII вв., они вошли в союз дербен-ойратов в XV в. Происхождение хошуты связано с восточномонгольскими этническими группами: нойоны хошуты являлись прямыми потомками Хабуту Хасара — брата Чингис-хана (Батур Убаши Тюмень, 2003; Габан Шараб, 1969; Санчилов, 1990 и др.). Этимологию этнонима «хошут» ученые однозначно связывают со значениями «острие», «клин», «порядок построения войска клином».

В 50-х гг. XVI в., когда происходил процесс возрождения союза дербен-ойратов, хошуты играли в нем заметную роль: «поскольку хошутские князья были потомками младшего брата Чингис-хана Хабуту Хасара, то ойратские князья, считая, что он будет пользоваться влиянием у монголов, выбрали председателем дурбэн-ойратского чулгана хошутского предводителя Бубэй-мирзу... Хошуты в это время были, по всей видимости, наиболее сплоченным и многочисленным этнополитическим объединением ойратов; их предводители даже приняли ханский титул... Представители правящей династии хошуты (Бубэй-мирза, Ханай-нойон Хонггор, Байбагас-баатур и Очирту Цэцэн-хан) более ста лет стояли во главе Ойратского союза» (Санчилов, 1990: 33).

В XVII в. основная группа хошутов во главе с Гуши ханом расселилась в районе Кукунора, где было основано самостоятельное ханство. Небольшая часть хошутов откочевала в пределы Российского государства и вошла в качестве составного компонента в калмыцкий этнос.

Хошуты прикочевали на территорию Калмыцкого ханства в количестве 3 тыс. кибиток с тайши Кунделеном Убаши в 1663 г., а в 1670 г. прикочевала еще 1 тыс. кибиток хошутов — подвластные во главе с Дорджи Араптан, вдовой правителя Джунгарии Очирту-Цецен-хана и сестрой Аюки-хана. «На протяжении второй половины XVII в. и в начале XVIII в. хошутовские тайши и нойоны кочевали совместно с торгутовскими улусами (Авляев, 2002: 147, 149, 152). Однако в конце XVII — начале XVIII в. на Волгу прибывали новые ойратские группы, состоявшие преимущественно из хошутов, хойтов и других племен, покидавших пределы Джунгарии в связи с междоусобными войнами» (Шантаев, 2009: 131). Как считает Г. О. Авляев, трудности изучения этнического состава и культуры хошутов связаны с тем, что основная их масса в количестве свыше 4 тыс. семей откочевала в 1771 г. во главе с нойонами Эремпилом (в литературе встречаются также варианты написания имени Еремпиль, Ярампил), Гунге (Гунгэ) и Бокбоном из России в пределы разгромленной цинами Джунгарии (Авляев, 2002: 175), а в Калмыкии осталась лишь небольшая часть хошутов во главе с нойоном Замьяном.

Перераспределение населения, разделенного властями между оставшимися князьями, привело к изменению структуры улусов. Так, по данным К. Костенкова, в Хошеутовском улусе было 1417 семей, в том числе хошутов — 185, хойтов — 58, а остальные 1174 семей были торгутскими, они были подарены хошутским князьям для восстановления потерянных из-за откочевки 1771 г. (в состав улуса входили также теленгиты и урянхасы) (цит. по: Митиров, 1998: 319).

Хошуты Хошеутовского улуса

По данным, собранным П. И. Небольсиным (Небольсин, 1852), среди хошутов Хошеутовского улуса в середине XIX в. выделялись следующие группы:

- 1) бага-хошуты численностью около 200 семей;
- 2) ики-хошуты численностью около 200 семей;
- 3) кереты (или керяды) — около 250 семей торгутов;
- 4) эркетени — около 150 семей торгутов, к которым примыкали семьи шабинеров и мергечудов;
- 5) выходцы из Джунгарии, названные П. Небольсиным «дзюнгарцами». К ним относились группа урянхус (около 150 семей), разделявшаяся на собственно урянхусов и давлютов, и группа теленгит (150 семей);

- б) цаатн — около 350 семей, вместе с примкнувшими к ним чигачинерами;
- 7) шабинеры общей численностью около 350 семей, включавшие группы хазлай и чойджин шабинеров;
- 8) хойты - всего 150 семей, включавшие группы собственно хойтов и хахачинов;
- 9) цагала — группа хошуттов, названная по имени владельца.

Таким образом, в середине XIX в. в Хошеутовском улусе насчитывалось около 2 тыс. семей, из них более 400 были ики- и бага-хошутами, а также из группы цагала. Около 750 кибиток составляли торгуты: кереты, эркетены, цатаны, переданные оставшемуся в Поволжье во время откочевки калмыков 1771 года нойону Замьяну. Кроме того, в улусе было по 150 кибиток теленгитов, хойтов и урянхусов (всего 450 семей), а также небольшие группы хахачинов, мергечутов, чигачинеров и 350 семей шабинеров, принадлежавших разным хурулам.

В начале XX в., кроме перечисленных групп, в Хошеутовском улусе зафиксированы были также группы: убушанкин (названы по имени владельца, насчитывалось всего около 50 семей), шангуд (13 семей, часть шабинеров), кирлянкины (40 семей, названы по имени зайсанга Кирля), догнуты (62 семьи, Г. О. Авляев не смог однозначно определить их происхождение) (Авляев, 2002: 178).

В 1930 г. улус был ликвидирован и присоединен к Приволжскому улусу, территория которого не была возвращена республике после восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. Следствием депортации калмыцкого народа и невозвращения вновь образованной Калмыцкой Автономной области, позже преобразованной в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую республику, территории бывшего Хошеутовского улуса стало и дисперсное расселение указанной группы хошуттов, которые возвращались из тринадцатилетней ссылки и в Астраханскую область, в составе которой оставались их родные села, и в Калмыкию, где расселялись в разных ее районах.

Хошуты Икицохуровского улуса (Сарпинские хошуты)

В Икицохуровском улусе Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX в. расселялась другая группа хошуттов, которая отличалась по составу от хошуттов Хошеутовского улуса. Потомки этой группы ныне составляют основное население в поселке Сарпа Кетченеровского района Республики Калмыкия (РК), поселке Хошеут Октябрьского района РК, они являются представителями группы *ик-хошуд*¹ 'большие, или старшие, хошуты' и называются также шорвин хошуд 'сарпинские хошуты'.

¹ В отличие от ики-хошуттов, происхождение которых связано с линией нойона Замьяна, бага-хошуты составляли коренное население Хошеутовского улуса (в отдельные годы носившего название Александровский улус).

Среди сарпинских хошутов зафиксировано более десяти основных родовых групп (төрл), причем их количество, в зависимости от выделения новых небольших родов, информанты указывают до 17: *шарад, хасгуд, чонахн, луузңгуд, баадңгуд, каружахн, дашихн, моңһлмуд, меньшахн, саксгуд, саарлмуд, көткрмүд, аакчихн, мөрчихн, кавшахн, зээсңгүд, дерәмнәхн* (последний род появился до начала XX в., поэтому считается пришлым — оруд). Роды *саксгуд чонахн, луузнгуд, зээсңгүд, баадгуд, каружахн, саксгуд* являются близкими родственниками по мужской линии, в связи с чем существует запрет на заключение браков между их представителями.

Представители родовой группы *зээсңгүд* считаются потомками Кундулена Убаши. Если устные генеалогические предания сохранили память о реальных событиях, и *зээсңгүд* действительно являются потомками хошутского князя Кундулен-Убаши, приведшего в XVII в. в Поволжье три тысячи своих подвластных, то они должны являться, согласно письменным памятникам, представителями генеалогической линии, восходящей к младшему брату Чингис-хана Хабуту Хасару (Бакаева, 2009а). Г. О. Авляев же приводит предание, согласно которому «хошоутовские зайсанги происходили из особого нойонского рода, якобы после бегства Убаши-хана в 1771 г. остался на Волге мальчик-сирота по имени Баян-Дархан-зайсанг, потомками которого и были зайсанги Хошоутовского аймака Икицохуровского улуса конца XIX в. — Натыров Нимя и Натыров Галзн (он же Оджан Галзн)» (Авляев, 2002: 135).

Имя Баян-Дархан, возможно, связано с именем Дархан тайши, деда владельца Замьяна, имевшего родных двух сыновей, дочь, а также приемного сына Тюмень Джиргалана, усыновленного в связи с женитьбой на его матери. Замьян, находясь в оппозиции к наместнику ханства Убаши и будучи противником откочевки, остался в 1771 г. на Волге, его сын Бокбон откочевал вместе с Убаши, а старший сын Теленгет умер от оспы (Батур Убаши Тюмень, 2003: 154). В предании, приводимом Г. О. Авляевым, вероятно, речь идет именно о Тюмень Джиргалане, возглавившем Хошеутовский улус после смерти приемного отца; смена имени в фольклорном варианте — явление допустимое, вероятно, связанное с табуацией имени реального лица: нойоны Тюмени возглавляли улус до начала революции 1917 г. Но в устной традиции сохраняется и память о Баян-Дархане, который смешивается с образом Кундулен Убаши.

Наименование этнической группы сарпинских хошутов «большие, или старшие» (*ик хошут*) должно быть связано, согласно калмыцкой традиции, со статусом их владельцев, представлявших старшую линию в генеалогическом древе. В связи с этим необходимо упомянуть предположение Г. О. Авляева о происхождении группы икицохуровских хошутов от подвластных Аблая тайши, попавших во владение Аюки-тайши в 1672 г., а также группировки Кундулена Убаши. Аблай — внук Хан-нойон Хонгора от старшего сына Байбагас-

хана, младше которого были Кундулен Убаши и Гуши хан; их потомки должны были иметь статус выше, чем потомки Засактучин баттура (в том числе Замьян и потомки его приемного сына Тюменя). Вероятнее всего, происхождение названий «старшие» и «младшие» хошуты связано с родословной их владельцев. По мнению Г. О. Авляева, этнические подразделения ики- и бага-хошуты появились при разделении улуса Кундулена Убаши, т. е. в период Калмыцкого ханства (Авляев, 2002: 177).

Таким образом, генеалогическая линия зайсангов «старших» хошуты, составлявших население Икицохуровского улуса, должна восходить к Кундулен Убаши, а не к Замьяну, как представителю младшей линии.

Хошуты и торгуты Монголии

В сомоне Булган Кобдоского аймака Монголии рядом с торгутами с конца XVIII в. расселены хошуты. Ныне хошуты составляют население багов Бурэнхайрхан, Далт, Алагтолгой, Баянгол, причем в баге Баянгол они составляют более 90% жителей (Дорж, 2012: 11). Б. З. Нанзатов и М. М. Содномпилова на основании проведенных опросов пишут, что в баге Баянгол хошуты насчитывается около 300 семей, но большинство респондентов записаны торгутами (Нанзатов, Содномпилова, 2013: 209). Учитывая, что в баге Баянгол численность населения составляет около 1,5 тыс. чел., данные исследователей можно считать верными.

Известно, что в конце XVIII в. рядом со «старыми» и «новыми»¹ торгутами расселялись две группы хошуты, к тому же вторая из них называлась «новыми хошутами». В связи с этим представляет интерес обращение к источникам для уточнения происхождения группы хошуты, составляющих ныне часть населения сомона Булган в Кобдоском аймаке Монголии.

Среди калмыков, откочевавших в 1771 г. из Поволжья в сторону Алтая, были и хошуты. Так, одним из зачинщиков откочевки российские власти считали хошутского нойона Еремпея (в источниках также называется Ярампелем), кото-

¹ «Старыми» и «новыми» торгутами были названы прикочевавшие из Калмыцкого ханства в 1771 г. в пределы цинского Китая. При этом «старыми» стали называть тех, чьи предки вошли в состав Российского государства еще в XVII в., а «новыми» - бежавшие в Калмыцкое ханство в 1750-е гг., во время противостояния ойратов и маньчжурских властей. «Новые» торгуты были расселены на окраине, в Монгольском Алтае, и впоследствии составили основное население группы торгутов Монголии. «Старые» торгуты расселялись в пределах Синьцзяна, и ныне их потомки проживают в СУАР КНР, за исключением небольшой группы хобуксарских торгутов, переселившихся в Монголию в 1940-х гг. На территории Синьцзяна был сформирован торгутский чуулган Унэн-судзукту, включавший и чуулган хошуты Бату-сэтхилту. В Кобдоском округе 4 хошуна ойратов входили в чуулган Чин-сэтхилту (Дербеты Монголии входили в чуулган Сайн-заягату).

рый являлся старшим по отношению к нойону Замьяну (оставшемуся в России в 1771 г.) (Митиров, 1998: 266). Вместе с Убаши-ханом откочевали нойон Гунгэ со своим уделом и сын нойона Замьяна Бокбон с частью подвластных отца (Батур Убаши Тюмень 2003: 154). Г. О. Авляев приводит сведения, что с Гунгэ и Бокбоном ушла большая часть ики-хошуттов (Авляев, 2002: 177).

Генеалогические данные, приводимые Батур-Убаши Тюменем, позволяют уточнить, что Гунгэ (Гомбо, Генге) и Еремпель действительно являлись представителями старшей линии хошутских нойонов — от Дургечи Убаши, потомки подвластных которого в Калмыкии называются и теперь ики-хошутами. Замьян же являлся продолжателем линии Засактучинг батура, младшего брата Байбагас батура (Батур Убаши Тюмень, 2003: 130–131). Гунгэ являлся представителем шестого поколения от Хан-нойон Хонгора через его сына Дургечи Убаши (брата Байбагас батура) и внука Дорчжи тайчжи; Еремпель (вместе с братьями Галдан Норбо и Налха) — представителем пятого поколения от Хан-нойон Хонгора (но через Дургечи Убаши и его сына Ерке-дайчина). Бокбон же являлся представителем следующего, седьмого, поколения от Хан-нойон Хонгора — через его другого сына Засактугчинг батура и внука Хари Сабура¹. Батур-Убаши Тюмень в заключение своего сочинения писал, что Бокбон взял с собой при откочевке тысячу семей — часть хошуттов, хатаматов и хойтов — и «с Убаши ханом убежал в приалтайские страны» (там же: 154), при этом в примечании отмечается, что сыновья Замьяна Бокбон и его старший брат Теленгет² являлись детьми Данаар, сестры калмыцкого хана Дондок-Даши, и после женитьбы отца на Ельзе Орошиху Бокбон проживал у своего двоюродного брата, наместника Убаши, с которым и откочевал (Лунный свет, 2003: 362).

На основании архивных материалов А. Г. Митиров приводит данные, что во время откочевки 4–5 января 1771 г. «во главе десяти тысячного войска шли Бамбар, Шеаренг и Гунги...» (Митиров, 1998: 268). Видимо, особые заслуги нойона, возглавлявшего хошуттов в откочевке совместно с ханом, были учтены: в сочинении китайского князя Цишия говорится о том, что не только Убаши, Цебек Дорджи, Шеаренг, Бамбар получили высокие титулы (соответственно Зоригту хан, Буянту цзюн ван, Биликту цин ван, Бишрелту цзюн ван), но и Гунгэ «получил начальство над хошутами с достоинством 3 степени князя и титулом Тусату (полезный) Бей-ле», Момонтуй был пожалован титулом той же степени с званием «Джиргалан» бэйлэ, «а прочие пожалованы 4, 5, 6 и 7 степеней князьями без титулов. Сверх того все новопожалованные Князья названы Джасаками, то есть: имеющими право получить жалованье от императора по окладам, и

¹ Анализ генеалогических данных проведен нами в одной из работ, посвященных вопросу о родстве потомков калмыцких хошутских князей с представителями родословной линии, идущей от Хабуту Хасара (Бакаева, 2009а: 65–66).

² Батур Убаши Тюмень дает сведения, что Теленгет умер от оспы (Батур Убаши Тюмень, 2003: 154).

более не зависящими один от другого» (Ци ши и, 1820: 222 (265)).

Калмыки-хошуты, прибывшие на территорию цинского Китая вместе с калмыками-торгутами, были расселены в Юлдузе, рядом со «старыми торгутами» Убаши-хана. Они составили три хошуна с населением 8,25 тыс. человек (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 143–148; Чернышев, 1990: 91).

При этом вначале хошуты были объединены в четыре хошуна, но после смерти руководителя одного из хошунов последний был объединен с другими тремя. Согласно Мэн-гу-ю-му-цзи, три хошуна хошуты были включены в чуулган Бату-сэтхильту, а 10 хошунов «старых торгутов» составили чуулган Унэн-судзукту, который включал четыре самостоятельных отдела, при этом хошутские хошуны были включены в один из упомянутых (южный) отдел «староторгутского» чуулгана (сейма, в терминологии А. Т. Чернышева (1990) — мэна) (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 143–152). Два хошуна «новых торгутов» составили чуулган Чин-сэтхильту (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 154–156; Чернышев, 1990: 84). Отдельно в источнике Мэн-гу-ю-му-цзи упоминается «аймак хабчакских новохошотов» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 156–157).

Сведения о расселении по землям бывшей Джунгарии приводятся и в источнике «Сичуй цзунтун шилюэ», согласно которому торгуты хана Убаши и хошуты бэйлэ Гунгэ были расселены по землям Юлдуза и Карашара: «(Они) кочевали на юго-востоке до (города) Карашара, на северо-запад от Налатэдабахань в Или, на северо-восток до гор и к югу от Урумчи, на юго-запад до Аксу и Кучи» (Чернышев, 1990: 90).

Основная часть «старых» торгутов (40,5 тыс. чел.) во главе с Убаши-ханом была расселена на землях по Юлдузу. Здесь же поселили три хошуна хошуты численностью 8,25 тыс. человек. Эта группа в Юлдузе «оказалась блокированной как от собственно имперских земель, так и от внешних границ» (там же: 101). По этому поводу Е. Д. Дорджиева пишет: «Еще одна часть калмыков, хошоуты, образовавшие Батусэтхильтуский мэн, численностью 8,25 тыс. человек были поселены по Юлдузу рядом со старыми торгутами Убаши, отчего оказалась включенной в торгутский аймак южного отдела Унэнсуцзуктуского сейма» (Дорджиева, 2002: 130). Однако при составлении сводной таблицы расселения калмыков в Китае Е. Д. Дорджиева указывает принадлежность трех хошунов хошуты (включавших четыре сомона Еремпея, три сомона Нохая и четыре сомона Баярлаху¹) к чуулгану Бату-сэтхильту, без упоминания подчинения чуулгану Унэн-судзукту, и приводит сведения о том, что они имели кочевья на территории восточного Туркестана на р. Юлдус в Карашарском округе и нахо-

¹ Названия хошутских сомонов дают представление об их этническом составе: В хошун Еремпея (средний) входили сомоны *Уж, Боргог, Харын, Гөрөөчин*; в хошун Баярлаху (левый) - сомоны *Дороо Шарын, Шавь нар, Баатад, Дундынхан*; в хошун Нохая (правый) *Ї сомоны Борын, Завсар*.

дились в ведении карашарского правителя, подчиненного военному губернатору Или (там же: приложение 2). Вместе с тем автор приводит и сведения об одном хошуне хошуттов, включавшем всего один сомон и возглавлявшемся нойоном Менгуном (Мөнгөн — в русской транскрипции может писаться Мёнгён), который имел кочевья в местности Хапчак к югу от Кобдо и состоял в ведении кобдоского правителя, подчиненного улясутайскому военному губернатору.

У. Б. Очиров со ссылкой на данные Г. Лижээгийн также приводит сведения о том, что три хошуна (11 сомонов) хошутского чуулгана Бату-сэтхильту были затем включены в южный большой хошун чуулгана «старых торгутов» Унэн-судзукту, а сомон хошутского нойона Мэнгуна (Мёнгёна), не входивший в состав других хошунов и чуулганов, кочевал около «новых торгутов» (Очиров, 2010: 14).

«Старые» и «новые» торгуты. «Новые» хошуты

В связи с необходимостью уточнения происхождения второй группы хошуттов, которые в Мэн-гу-ю-му-цзи (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 156–157) называются «новыми» хошутами, необходимо рассмотреть два вопроса. Во-первых, важно определить принцип наименования китайскими властями вновь прибывшего ойратского населения «старыми» и «новыми». Во-вторых, необходимо рассмотреть возможные взаимосвязи между данными двумя группами хошуттов.

Что касается наименования групп торгутов «старыми» и «новыми», источники однозначно указывают, что в первую группу цинские власти включили тех торгутов, которые откочевали в пределы Российского государства еще в XVIIв. и составляли население Калмыцкого ханства. «Новыми» названы были те, кто под руководством нойона Шеаренга прикочевали на Волгу после разгрома Джунгарского ханства в 1758 г. Если следовать той же логике, прибывшие вместе с Убаши-ханом хошуты должны были называться также «старыми», в отличие от «новых», кочевавших вместе с «новыми» торгутами. Нам не встретилось в работах исследователей точное указание на причину наименования хошуттов Булгана «новыми»; возможно, «по умолчанию» допускалось, что их именовали таковыми, поскольку они расселялись рядом с торгутами Шеаренга и его племянника Шара-Кюкена.

В «Мэн-гу-ю-му-цзи» приводятся подробные сведения о «кочевьях хошотов Среднего Юлдуза Бату-сэтхильтуского сейма» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 147–148), которые включены в южный отдел «торгутского аймака» (или чуулгана Унэн-судзукту). По данным этого источника, «Гунгэ, праправнук Дорчжи» прикочевал вместе с Убаши-ханом в Китай, другие князья-хошуты были пожало-

¹ Эрке-дайчин (Ерке дайчин), сын Дургечи Убаши, являлся младшим братом Дорчжи тайчжи (Батур Убаши Тюмень, 2003: 130–131).

ваны титулами, и в 1772 г. им были отведены земли на Юлдузе и учреждены 4 джасакства (т. е. хошуна). В 1773 г. Гунгэ умер, его титул бэйлэ наследовали последовательно сыновья Дэлэк-Убаши и Тэнтэк, но, поскольку они оба умерли, то их подвластные были разделены по другим 3 хошунам.

Всего же три хошуна, образованные из пришедших с Гунгэ хошутов, были следующими.

1) Хошун Ярампила (Еремпела), «дальнего дяди Гунгэ и правнука Эркэ-дайчин-окчотобо»¹, пожалованного в 1771 г. титулом «гушань-амурлингуй-бэйцзы», который вскоре принял ламское звание и передал в 1775 г. правление сыну Буянцуку (в 1783 г. титулы стали наследственными). Хошун включал четыре подразделения (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 147);

2) Хошун тайджи 1 степени Нохая, «дальнего брата» Гунгэ и сына Гункэ-банцзура, который в 1783 г. утвержден потомственным дзасаком тайджи (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 148). Данные Батур Убаши Тюменя подтверждают, что Гунгэ являлся правнуком Дурисху (сына Дорчжи тайчжи и внука Хан-нойон Хонгора от Дургечи Убаши) от Чегея и его сына Тукчу, а Нохай — его же правнуком от старшего сына Дондока и его сына Гунге Байльчжура (Батур-Убаши Тюмень, 2003: 131; подробно см. схему: Бакаева, 2009а: 65). Таким образом, Гунгэ являлся троюродным братом Нохая и оба являлись дальними племянниками Еремпелю, дед которого Ерке дайчин являлся двоюродным братом их прадеду Дурисху (Батур Убаши Тюмень, 2003: 130–131; Бакаева, 2009а: 65–66).

3) Хошун тайджи 1-й степени Баярлаху, «дальнего брата и сына Сэрбэта», который вскоре после 1771 г. умер, «ему наследовал сын его Циеци, назначенный в 1775 году чжасаком» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 148), в 1783 г. права тайджи стали наследственными. Действительно, согласно генеалогическим данным, Баярлаху — правнук хошутского нойона Дурисху от сына Тарба Церена и внука Зербута (Батур Убаши Тюмень, 1895: 131). Об этих хошутских хошунах в «Мэн-гу-ю-му-цзи» говорится, что «все 3 знамени Хошутского аймака составляют отдельный сейм Бату-сэтхильту и состоят в ведении харашарского правителя в зависимости от илийского цзян-цзюня» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 148).

В монгольском Алтае, в Кобдоском округе были расселены «новые торгуты». Впоследствии часть их территории была отторгнута: был образован Алтайский округ в Кобдоском крае, а в начале XX в. он остался в составе синьцзянских территорий. В XVIII в. же к югу от Кобдо вместе с «новыми» торгутами был размещен в местности Хабчак небольшой хошун хошутов.

¹ В этом месте В. П. Санчиров ссылается на книгу З. Матусовского «Географическое обозрение Китайской империи» (1888: 156).

Из истории хошутов Монголии

Как отмечает В. П. Санчи́ров, «рядом с кочевьями торгоутов в Кобдоском округе в местности Хабчак к югу от Кобдо размещались кочевья небольшого хошуна хошоутов, прибывших из России вместе с торгоутами. В хошуне был всего один сомон, которым управлял Мэнгун, родственник хошоутского князя Баярлаху¹» (Санчи́ров, 1990: 104). Сведения об этом хошуне, входившем в сейм (чуулган) Чин-сэтхильту, отсутствуют в анализируемом ученым памятнике «Илэтхэл шастир», так как хошуты были выделены, согласно «Мэн-гу-ю-му-цзи», в хошун в 1796 г., когда «работа по составлению официальных родословных и биографий закончилась, и составители не успели поместить биографию правителя нового хошуна в „Илэтхэл шастир“» (Санчи́ров 1990: 104–105).

В. П. Санчи́ров, упоминая князя Мэнгуна, ссылается на работу З. Матусовского «Географическое обозрение Китайской империи», в которой автор пишет, что в состав «Кобдоского сейма Чин-сэтхилту» входят два хошуна «новых торгоутов» (хошун Биликту цзюн вана — потомка Шеаренга и хошун Учиралту бэйсэ — потомка Шара-Кюкена), хошун захчинов, а также «хошун цзасака, тайчжия 1-й степени, состоит в ведении потомков Баярлаху и принадлежит к поколению перекочевавших из России и так называемых новых хошутов. Хошун заключает в себе 1 эскадрон и располагается кочевьями по реке Булгуну» (Матусовский, 1888: 299). Автор также указывает, что Илийский округ составляют «старые» торгоуты сейма Унэн-судзукту и хошуты сейма Бату-сэтхильту, управляемые потомками Ярампила, Нохоя и Баярлаху (там же: 300).

Сведения о том, что глава хошуна «новых хошутов» Мэнгун являлся родственником Баярлаху, имеются и в «Мэн-гу-ю-му-цзи» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 156). Действительно, согласно генеалогическим данным, приводимым Батур Убаши Тюменем, некий Менгет (указано второе имя — Мангуди) являлся дядей по отцу хошутскому нойону Баярлаху, и у него имелись три сына: Дибирчуб (Дибачинг), Даншилаи и Нима (Батур Убаши Тюмень 2003: 131). Но в «Мэн-гу-ю-му-цзи» указывается, что наследником кобдоского Мэнгуна был его сын Буян-кэшик (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1888: 156). Если бы Мэнгун пришел вместе с Баярлаху в 1771 г., его подвластные могли составить население одного из четырех (затем трех) хошунов сейма Бату-сэтхильту. Но в «Мэн-гу-ю-му-цзи» отмечается следующее: «Мэнгун, родич хошотского тайцзи Баярлаху, в 1772 г. вместе со своими подданными, подчинившись Китаю, пожелал присоединиться к знамени торгоутского бэйцзы Шара-хухэн. Он был пожалован в тайцзи 1-й ст., награжден полуротою с дозволением присоединиться к вышеупомянутому знамени. По смерти Мэнгуна ему наследовал сын его Буян-кэшик. Когда в 1792 г. богдохан услышал о жестокостях, причиняемых Шара-хухэном своим подданным, то Мэнгуну повелено было переселиться и кочевать по соседству с Дурботами. В 1796 г., ввиду увеличения населения, мать Буян-кэшика просила об образовании из Ново-хошотов

самостоятельного знамени. Указано выдать чжасацкую печать, но без оклада жалованья и с тем, чтобы вакансия чжасака замещалась по-особому каждый раз представлению» (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 147).

Неясны причины, по которым Мэнгун обратился с просьбой поселиться среди «новых торгутов», и по которым цинское правительство отделило часть прибывших хошуты. Кроме того, в таблице, отражающей численность «волжских калмыков и подданных Шеаренга», составленной по данным «Мэн-гу-ю-му-цзи» и «Сичуй цзунтун шилюэ», А. И. Чернышев указывает четыре группы «старых» торгутов, одну группу «новых» торгутов и «хошуты в Юлдузе» (Чернышев, 1990: 91), не называя «кобдоскую» группу.

По данным, приводимым Е. Доржем, хошуты — предки современного населения сомона Булган — были подчинены нойону Шара-Кюкуну (племяннику Шеаренга) (Дорж 2012: 11). Исследователь генеалогии группы кобдоских хошуты Е. Дорж пишет, что они прикочевали в Монгольский Алтай в 1775, 1776 гг. и поселились рядом с р. Булган. Следующее переселение состоялось в 1790 г., когда некоторое число хошуты по инициативе Талаг Убаши и Бунай Убаши прикочевало к р. Булган. Среди них была супруга хошутского нойона Мэнгуна (монг. Мөнгөн) Цээнэ с сыном Буянхишиг (т. е. Буян-кэшик), которому было около 9–10 лет. Причем ко времени переселения в Кобдоский край Мэнгуна уже не было в живых. Он погиб на поле брани, многие мужчины из его подвластных продолжали служить в маньчжурской армии, оставшееся население бедствовало, и было принято решение о перекочевке. Но только через несколько лет был образован новый хошун (Дорж, 2012: 11). Таким образом, возраст наследника Мэнгуна — Буянхишига позволяет предположить, что он был рожден после переселения, и потому сведения о нем могли быть недоступными калмыцкому летописцу Батур Убаши Тюменю, в генеалогических данных которого указываются только три сына у Менгета, племянника хошутского Баярлаху.

Хошуты, называемые в ряде источников джасакствами, были «территориально-административными единицами, объединявшими единоплеменное население кочевников в строго определенных географических рамках. Разъединенные по различным джасакствам и мэнам части племен не только территориально, но и административно были изолированы друг от друга» (Чернышев, 1990: 92). В связи с вышеизложенным возникает вопрос, почему хошуты, прибывшие с Убаши-ханом, могли быть переданы в ведение «новоторгутского» князя Шара-Кюкена. При этом важно принять во внимание, что, как отмечает В. П. Санчилов, отсутствие данных в «Илэтхэл шастир» не дает возможности подробно осветить биографию князя Мэнгуна (Санчилов, 1990: 104–105).

Среди хошуты сомона Булган известный фольклорист Б. Катуну зафиксировал предание о происхождении хошуна князя Мэнгуна, в котором говорится следующее. Во времена, когда хошуты расселялись в Кукуноре, один нойон взял

себе в жены женщину из бэйлэн торгутов по имени Цээнэ. Сам же нойон решил совершить поклонение Далай-ламе и с этой целью отправился в Тибет, но по дороге скончался. В это время Цээнэ, оставшаяся в ожидании ребенка, решила вернуться к своим родственникам — бэйлэн торгутам из нутука Булган. Взяв 70 воинов, она отправилась в родной нутук. Бэйлэ-нойон не был доволен ее появлением, опасаясь того, что она будет претендовать на кочевья, как и того, что 70 воинов могут вступить в противостояние с ним. Тогда Цээнэ хатун обратилась к кобдоскому амбаню, который дал ей разрешение поселиться около восьми рек к югу от р. Булган и право ее подвластным пользоваться тамгой в виде тонкого кнута (монг. *нарийн малиа тамга*). С этого времени хошуты в сомоне Булган расселились среди рек, берущих начало с горы Бурэнхайрхан: р. Шар Булаг, Тошилт, Жаргалан, Баян гол. Река Тошилт имеет ответвления (монг. *салаа*) на запад и на восток. Река Баян имеет притоки Сонгинот салаа и Гол салаа. Так, вместе с притоками, эти реки и составляют восемь рек, о которых говорится в легенде (Катуу, 1991: 58; Пүрэвдорж, 2008: 52). Действительно, летние кочевья хошутов бага Баянгол находятся у гор Торлог и Харгайт, а зимние — в долинах рек Тошилтын салаа, Жаргалант салаа, Баян гол, а также в долинах Дээд нарийн гол и Доод нарийн гол.

В предании о переселении «новых хошутов» имеется одна важная деталь — упоминание о том, что князь Мэнгун был кукунорским хошутом, породнившись с «новыми» торгутами. Таким образом, имеются фольклорные сведения о том, что группа «новых» хошутов являлась переселенцами из района Кукунора. В то время как данные «Мэн-гу-ю-му-цзи» свидетельствуют о том, что Мэнгун с подданными «подчинился Китаю» и являлся «родичем» Баярлаху (Мэн-гу-ю-му-цзи, 1895: 156), без указания, откуда он прибыл, хотя о других хошутах имеется указание, что они «сопутствовали торгутскому хану Убаши» (там же: 147). В работе З. Матусовского отмечается, что «новые хошуты» принадлежат «к поколению перекочевавших из России» (Матусовский, 1888: 299), со ссылкой на эти данные В. П. Санчилов пишет о прибытии кобдоских хошутов из России (Санчилов, 1990: 104), в статье Э. П. Бакаевой также утверждается, что указанная группа хошутов была в составе пришедших из России торгутов (Бакаева, 2009b). А. И. Чернышев приводит общую численность прибывших волжских калмыков — 75 тыс. человек, указывая среди них только «старых», «новых» торгутов и хошутов (8,25 тыс. чел.), вошедших в чуулган Бату-сэтхильту, «новые» хошуты им не упоминаются (Чернышев, 1990: 83, 83, 90–91). Ученый отмечает, что в «Мэн-гу-ю-му-цзи» приводятся данные о других группах ойратов, «которые еще до завоевания Джунгарии, а частично в период империи сдались империи и были поселены на ее собственных землях (в районе Кукунора, к западу от Алашани и во Внешней Монголии). О них подробно рассказывается в «Мэн-гу-ю-му-цзи». Подсчет по эскадронам позволяет установить, что их население (помимо 27 750 дэрбэтов и хойтов района Кобдо) составляло 85 тыс. человек» (Чернышев, 1990:

89). Таким образом, вопрос о происхождении хошутлов сомона Булган остается недостаточно исследованным и требует дальнейшего изучения.

Среди кобдоских хошутлов выделяются следующие овог. Хайртынхан, или борджигин овог — потомки аристократической верхушки хошутлов, возводящие свое происхождение к «золотому роду» Чингис-хана, более 60 семей (более 200 чел.) проживают в Кобдоском аймаке, имеются представители этого рода и в Убсунурском аймаке. Хетяч (*хечдүүдийнхэн, хеч*) овог расселены и в сомоне Булган Монголии, и в аймаке Баянгол Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР. Хотдууд (хотнаакан, хот) овог считаются имеющими уйгурские корни, основатель рода являлся пришлым среди хошутлов. Их шар, бага шарнууд овог, по мнению Е. Доржа, ведут свое происхождение от шарнуутов, две части появились из-за разделения потомков двух братьев (Дорж 2012: 12). Батуд (баатадынкан, бат) овог по происхождению связан с ранним племенем ойратов батуд. В сомоне Булган более 30 семей (более 120 чел.) принадлежат к этому роду. Они поклоняются шүтэну (изображению божества) Мамайтан, который сохраняется ими еще с XVII в. (Дорж 2012: 12). Хатаамал (хатаамдынхан, хат) овог — род, название которого якобы связано с тем, что его представители обладают крепким и сильным голосом и могут петь целый день (Дорж 2012: 13). Сумчин (сумчкаан) овог — якобы древний монгольский род, который отпочковался от овога герячин. Ямаат (ямаатынхан) овог — происхождение названия этого рода связывают с хозяйственными занятиями скотоводов, присматривавших за скотом князей и монастырей. Хавчуул (Хавчуулынхан) овог — возникновение рода связывают с тем преданием, что некий представитель другого рода взял в жены девушку-хошутку и в качестве зятя поселился среди своих новых родственников. Хошууд (хош) овог — такое название появилось в поздний период. Хошуудын доторх тайжин торгууд овог — буквально название рода переводится как «находящиеся внутри хошутлов тайджин торгуты». Известно, что в сомоне Булган проживали представители двух торгутских и одного хошутского хошунов. Тайджин торгутов, поселившихся в одном баге с хошутами, стали называть «находящиеся внутри хошутлов» (Дорж 2012: 13–14).

Необходимо отметить, что упоминание источников о кочевании хошутлов в течение некоторого времени рядом с дербетами не могло не отразиться на этническом составе дербетов. Так, среди ясунов дербетов ученые перечисляют и ясун хошууд, которые проживают в сомонах, ранее входивших в аймак Унэн Зоригту-хана, т. е. правого крыла дербетского нутука (Аюуш, 2012: 38).

¹ Хайртынхан — букв. 'те, которые относятся к милостивым, дорогим'. Ср.: монг. «хайрт — 1) любимый, милый, дорогой; хайрт минь мой любимый; хайрт найз минь мой милый друг; <...> 2) милостивый, милосердный; хайрт бурхан боже милостивый» (Большой академический ..., 2002: 19); калм хээртэ — любимый, дорогой (Калмыцко-русский ..., 1977: 587).

Заключение

Хошуты имеют уникальную историю и сохраняют память о собственной идентичности. Группы хошутов Калмыкии и хошуты сомона Булган Кобдоского аймака Монголии связаны с разными частями этнополитического объединения хошуты, имевшего место в XVII в. Вместе с тем и в Монголии, и в Калмыкии сохраняется память об особой генеалогической линии: среди булганских хошуты — представителей овог *хайртынхан*¹ (*борджигин*), среди калмыцких хошуты — представителей рода *заяснгу* (калм. *зэаснгу*), которые имеют общих предков. А в КНР потомки кукунорских хошуты называют себя уже дээд-монголами и «путают этноним “хошут” со словом “хошун”, обозначающим административно-территориальное деление» (Бембеев, Лиджиев, 2014: 116), и только представители рода тэажнр (тяяджнер, т. е. потомки тайджи) до настоящего времени сохраняют традиционное деление на арваны и память об известном ойратском религиозном, общественном и государственном деятеле XVII в. Огторгуйн Далай Зая-пандите, который, как известно, являлся хошуты из рода гөрөчин (там же: 125).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авляев, Г. О. (2002) Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во. 325 с.

Аюуш, Ц. (2012) Дөрвөөд // Монгол улсын угсаатны зүй. II боть. Улаанбаатар: Монсудар. С. 27–106. (На монг. яз.).

Бакаева, Э. П. (2009а) Генеалогические предания калмыков и проблема «ген Чингисхана» (к вопросу о возможностях применения междисциплинарного подхода в исследованиях по этногенезу) // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. Вып. 4. М. : РГГУ. С. 59–71.

Бакаева, Э. П. (2009б) Торгуты Монголии: этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН. С. 69–86.

Батур Убаши Тюмень (2003). Сказание о дербен-ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / ред. А. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во. 475 с. С. 125–155.

Бембеев, Е. В., Лиджиев, А. Б. (2014) О научной экспедиции к кукунорским хошутам КНР (хроника и предварительные результаты) // Полевые исследования КИГИ РАН. Вып.2. Монгольские народы: традиционная культура и современные социокультурные процессы. Элиста: КИГИ РАН. С. 102–130

Большой академический монгольско-русский словарь (2002) / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia. Т.4. X–Я. 532 с.

Габан Шараб (1969). Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ. 203 с. С. 140–158.

Дорж Елрөөлтийн (2012) Ховдын хошууд нарын ургийн хэлхээс. Улаанбаатар: Хөх монгол принтинг ХХК. 192 х. (На монг. яз.).

Дорджиева, Е. В. (2002) Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. 212 с

Калмыцко-русский словарь (1977). М.: Русский язык. 768 с.

Катуу, Б. (1991) Торгууд, захчин ардын тууль үлгэр. Ховд хот. (На монг. яз.).

Лунный свет (2003): Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во. 477 с.

Матусовский, З. (1888) Географическое обозрение Китайской империи. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. XX, 358, 87 с.

Митиров, А. Г. (1998) Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во. 384 с.

Нанзатов, Б. З., Содномпилова, М. М. (2013) У торгоутов Монголии: этнографические зарисовки // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М: Восточная литература. С. 206–224.

Небольсин, П. И. (1852) Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. : Типография Карла Крайя. 192 с.

Очиров, У. Б. (2010) Ойраты западной Монголии и северо-западного Китая: вопросы этнической истории, демографии и географии расселения во второй половине XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 9–14.

Пүрэвдорж, Г. (2008) Ойрад Монголчуудын малын им тамга. Улаанбаатар: «Экимто» ХХК. 88 х. (На монг. яз.).

Санчилов, В. П. (1990) «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М.: Главная редакция восточной литературы. 137 с.

Шантаев, Б. А. (2009) Этнотерриториальная группа хошутов Республики Калмыкия: история расселения и современное состояние // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. трудов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН. С. 131–139.

Ци ши и (1820) О переходе тургутов в Россию и обратном удалении из России в Зюнгарию (Сочинение китайского князя Цишия, переведенное с китайского подлинника г. надворным советником С. В. Липовцовым) // Собрание исторических, топографических и других сведений о Сибири и странах, с ней сопредельных, изд. Г. Спасским / Сибирский вестник. Ч. XII. Кн. 10. С. 165–189. Ч. XII. Кн. 11. С. 214–235. Кн. 12. С. 254–269.

Мэн-гу-ю-му-цзи (1895). Записки о монгольских кочевьях / [Чжан-му и Хэ-цю-тао] ; перев. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т.24). 487с.

Чернышев, А. И. (1990) Общественное и государственное развитие ойратов в XVII в. М.: Наука. 138 с.

Дата поступления: 01.02.2017 г.

REFERENCES

Avliaev, G. O. (2002) *Proiskhozhdenie kalmytskogo naroda*. 2nd ed. Elista, Kalm. kn. izd-vo. 325 p. (In Russ.).

Aiuush, Ts. (2012) Dөрвөөд. In: *Mongol ulsyn ugsaatny zyi*. II bot'. Ulaanbaatar, Monsudar. Pp. 27–106. (In Mong.).

Bakaeva, E. P. (2009a) Genealogicheskie predaniia kalmykov i problema «gen Chingis-khana» (k voprosu o vozmozhnostiakh primeneniia mezhdistsiplinarnogo podkhoda v issledovaniiax po etnogenezu). *Sibirskie chteniia v RGGU. Al'manakh*. Vol. 4. Moscow, RGGU. Pp. 59–71. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2009b) Torguty Mongolii: etnicheskii sostav i etnicheskie markery. In: *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tiurko-mongol'skikh narodov*. Vol. 1. Elista, KIGI RAN. Pp. 69–86. (In Russ.).

Batur Ubashi Tiumen' (2003). Skazanie o derben-oiratakh (2003). In: *Lunnyi svet: Kalmytskie istoriko-literaturnye pamiatniki*, ed. A. Badmaev. Elista, Kalm. kn. izd-vo. 475 p. Pp. 125–155. (In Russ.).

Bembeev, E. V. and Lidzhiev, A. B. (2014) O nauchnoi ekspeditsii k akukunorskim khoshutam KNR (khronika i predvaritel'nye rezul'taty). In: *Polevye issledovaniia KIGI RAN*. Vol. 2. Mongol'skie narody: traditsionnaia kul'tura i sovremennye sotsiokul'turnye protsessy. Elista, KIGI RAN. Pp. 102–130. (In Russ.).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' (2002), ed. G. Ts. Piurbeev. Moscow, Academia. Vol. 4. 532 p. (In Russ.).

Gaban Sharab (1969). Skazanie ob oiratakh. In: *Kalmytskie istoriko-literaturnye pamiatniki v russkom perevode*, comp. A. V. Badmaev. Elista, Kalmytskii NIIaLI. 203 p. Pp. 140–158. (In Russ.).

Dorzh Elrøoltiin (2012) Khovdyn khoshuud naryn urgiin khelkhees. Ulaanbaatar, Khøkh mongol printing KhKhK. 192 p. (In Mong.).

Dordzhieva, E. V. (2002) *Iskhod kalmykov v Kitai v 1771 g.* Rostov-na-Donu, Izd-vo SKNTs VSh. 212 p. (In Russ.).

Kalmytsko-russkii slovar' (1977). Moscow, Russkii iazyk. 768 p. (In Russ.).

Katuu, B. (1991) *Torguud, zakhchin ardyn tuul' ylger*. Khovd khot. (In Mong.).

Lunnyi svet (2003): *Kalmytskie istoriko-literaturnye pamiatniki*, transl. by Kalm., A.V.Badmaev (ed.). Elista, Kalm. kn. izd-vo. 477 p. (In Russ.).

Matusovskii, Z. (1888) *Geograficheskoe obozrenie Kitaiskoi imperii*. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk. XX, 358, 87 p. (In Russ.).

Mitirov, A. G. (1998) *Oiraty — kalmyki: veka i pokoleniia*. Elista, Kalm. kn. izd-vo. 384 p. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. and Sodnompilova, M. M. (2013) U torgutov Mongolii: etnograficheskie zarisovki. In: *Strany i narody Vostoka*. Vol. XXXIV. Moscow, Vostochnaia literatura. Pp. 206–224. (In Russ.).

Nebol'sin, P. I. (1852) *Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskogo ulusa*. St. Petersburg, Tipografiia Karla Kraiia. 192 p. (In Russ.).

Ochirov, U. B. (2010) Oiraty zapadnoi Mongolii i severo-zapadnogo Kitaia: voprosy etnicheskoi istorii, demografii i geografii rasseleniia vo vtoroi polovine XVIII veka. *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN*, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.).

Pyrevdorzh, G. (2008) *Oirad Mongolchuudyn malyn im tamga*. Ulaanbaatar, «Ekimto» KhKhK. 88 p. (In Mong.).

Sanchirov, V. P. (1990) «*Ietkhel-shastir*» kak istochnik po istorii oiratov. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 137 p. (In Russ.).

Shantaev, B. A. (2009) Etnoterritorial'naiia gruppy khoshutov Respubliki Kalmykiia: istoriia rasseleniia i sovremennoe sostoianie. In: *Problemy etnicheskoi istorii i kul'tury tiurkomongol'skikh narodov: sb. nauch. trudov*. Vol. 1. Elista, KIGI RAN. Pp. 131–139. (In Russ.).

Tsi shi i (1820) O perekhode turgutov v Rossiiu i obratnom udalenii iz Rossii v Ziungariiu (Sochinenie kitaiskogo kniazia Tsishiia, perevedennoe s kitaiskogo podlinnika g. nadvornym sovetnikom S. V. Lipovtsovym). In: *Sobranie istoricheskikh, topograficheskikh i drugikh vedenii o Sibiri i stranakh, s nei sopredel'nykh, izd. G. Spasskim / Sibirskii vestnik*. Vol. XII. B. 10. Pp. 165–189, Vol. XII. B. 11. Pp. 214–235, B. 12. Pp. 254–269. (In Russ.).

Men-gu-iu-mu-tszii (1895). *Zapiski o mongol'skikh kochev'iakh* / [Chzhan-mu i Khe-tsiu-tao], transl. bi China by P. S. Popova. St. Petersburg, Parovaia skoropechatnia P. O. Iablonskogo. (Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniiu etnografii. Vol. 24). 487 p. (In Russ.).

Chernyshev, A. I. (1990) *Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitie oiratov v XVII v.* Moscow, Nauka. 138 p. (In Russ.).

Submission date: 01.02.2017.

Для цитирования:

Бакаева Э. П. Хошуты Калмыкии и Монголии: историко-этнографический очерк [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/698> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

For citation:

Bakaeva E. P. The Khoshuts of Kalmykia and Mongolia: a historical and ethnographical overview. *New Research of Tuva*. 2017, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/698> (access date: dd.mm.yy). DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

DOI: 10.25178/nit.2017.1.7

ТУВИНЦЫ КИТАЯ В XXI ВЕКЕ: ВЕХИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Жанна М. Юша

Институт филологии
Сибирского отделения
Российской академии наук

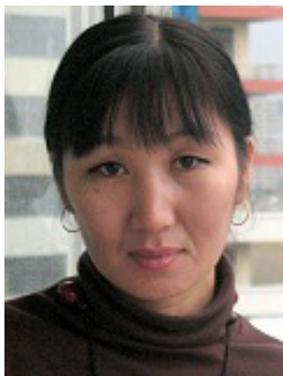
TUVANS IN 21st CENTURY CHINA: HISTORY AND CONTEMPORARY SITUATION

Zhanna M. Yusha

Institute of Philology,
Siberian branch,
Russian Academy of Sciences

В статье представлен анализ современного состояния традиционной культуры, хозяйственных занятий, образа жизни и быта всех дисперсных групп тувинцев (горно-таежной и таежно-степной зон), проживающих в Китае; рассмотрены вопросы расселения, самоидентификации, этнического состава, а также сохранности религиозных представлений. Тувинцы Китая — малочисленная этническая группа, проживающая в Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района (север КНР), на юге Алтайских гор (Китайского Алтая). Территория проживания образует три «очага»: деревни Ак-Хаба — Ханас — Хом (основная часть), деревни Ала-Хаак, Тамыкы и районный центр Кок-Догай (остальные). Также тувинцы проживают в городах Хаба, Бурчин, Алтай, Бейтун. Соседствуют с казахами, монголами, дунганцами, китайцами.

Китайский Алтай тувинцы считают своей родиной. Самоназвание варьируется: кок-мончак, мончак, алдай дывазы, дыва. Все записаны в паспортах монголами, так их называют в Китае (а также кок-мончаками, мончаками). Численность, по их

The article analyzes the contemporary situation in culture, economic practices, lifestyle and everyday lives of all disperse groups (in the mountain-taiga and taiga-steppe zones) of Tuvans living in China. We deal with the issues of residential area, self-identification, ethnic structure and the preservation of religious identities within these groups. Chinese Tuvans are a minority ethnic group living in Altay aimak, Ili Kazakh prefecture, Xinjiang Uyghur Autonomous Region, in the south of the Altai mountains (the Chinese Altai). They reside in three clusters, located in the villages of Ak Khaba – Khanas – Khom (majority) and the villages of Ala Khaak, Tamyky and the county seat Koktoqay. Tuvans also live in the towns of Kaba, Burqin, Altay and Beitun, side by side with Kazakhs, Mongols, the Dungan and the Chinese.

Tuvans see the Chinese Altai as their homeland, while the self-appellation can vary: Kok-monchak, Monchak, Aldai dyvazy, the Dyva. Their passport ethnicity is Mongol, which is also what they are called in China (as well as Kok-monchak or

Юша Жанна Монгеевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-14-52. Эл. адрес: zhanna-yusha@yandex.ru

Yusha Zhanna Mongeyevna, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, Sector of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-14-52. Email: zhanna-yusha@yandex.ru

собственным подсчетом, — ок. 2500 человек, а вместе с родоплеменной группой оорцаг (танды), идентифицирующих себя монголами, — около 6000 чел. Этнический состав китайских тувинцев состоит из традиционных родоплеменных групп. Автором зафиксированы одиннадцать групп (сөөк), которые имеют мелкие подразделения салаа и могут объединяться в одну большую группу.

По типу хозяйствования подразделяются на две группы: горно-таежная (Ак-Хаба, Ханас, Хом; скотоводство), таежно-степная группа (Ала-Хаак, Кок-Догай и Тамыкы; скотоводство и огородное земледелие). Для обеих групп актуальны сбор растений, ягодный и кедровый промысел, охота (уходит в прошлое из-за запрета на оружие). В религиозной обрядности наблюдается синкретизм традиционных верований: дошаманских, шаманистских и буддийских.

Ханас, Хом и Ак-Хаба сегодня являются одним из популярных туристических (для летнего отдыха) регионов Китая. Туризм помогает китайским тувинцам сохранить этническую идентичность и традиционную культуру (этнокультурный туризм). Но есть опасения, что коммерциализация нарушит традиционную этику.

Китайских тувинцев в целом пугает перспектива утраты национальной культуры, родного языка. Причины: сокращение этноса, влияние иноэтнической культуры, ассимиляция, устная форма родного языка и др. Активисты планируют добиться включения китайских тувинцев в список национальностей Китая 57-ым народом.

Источниками для написания статьи стали полевые материалы автора, записанные в ходе комплексных экспедиций 2010–2016 гг.

Ключевые слова: тувинцы Китая; Китай; субэтническая группа; Синьцзян-Уйгурский автономный район; этнический состав; этнокультурный туризм; самоидентификация

Monchak). According to their own estimation, there are about 2500 Chinese Tuvans, or over 6000, if we add a tribal group known as Oortsag (Tandy) who identify as Mongols. Ethnically Chinese Tuvans can be subdivided into a number of tribal groups. We have been able to identify 11 such entities (sөөk) which could be further split into a multitude of salaa or grouped together in one big entity.

According to the prevalent economic strategy, Chinese Tuvan groups fall into two categories: the mountain-taiga group (Ak Khaba, Khanas, Khom - cattle breeding) and the taiga-steppe group (Ala Khaak, Koktoqay and Tamyky - cattle breeding and kitchen gardens). Both groups do plant gathering, picking up berries and pine nuts, while hunting is becoming a thing of the past due to a ban on firearms. Their religious rites present a syncretic mix of traditional pre-Shamanic, Shamanic and Buddhist beliefs.

Khanas, Khom and Ak Khaba have recently become popular centers of summer tourism. Tourism, especially of the ethnocultural type, has helped Chinese Tuvans preserve their ethnic identity and traditional culture. Still, commercialization is often viewed as a threat to traditional ethics.

Among greatest fears of Chinese Tuvans there is a prospect of losing ethnic culture and their mother tongue due to population extinction, the influence of foreign-language culture, assimilation, mainly oral use of native language, and other factors. Local activists campaign for Chinese Tuvans to be included onto the list of ethnic groups of China as the country's 57th recognized ethnicity.

This article is based on the author's field observations during the 2010-2016 expeditions to the areas populated by Chinese Tuvans.

Keywords: Tuvans in China; China; sub-ethnic group; Xinjiang Uyghur Autonomous Region; ethnic structure; ethnocultural tourism; self-identification

Введение

Тувинцы Китая — малочисленная этническая группа, компактно проживающая в многонациональном Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района, расположенного в северной части КНР, на юге Алтайских гор, называемых Китайским Алтаем. Территория проживания тувинцев Или-Казахского аймака граничит на юге — с Россией (Республика Алтай), на западе — с Казахстаном, на востоке — с Монголией (Ховдинский аймак).

В Или-Казахской области, по сравнению с остальной территорией Китая, до сих пор наблюдается низкая плотность населения. По китайским меркам, этот

район является малонаселенным и экономически не развитым. Административный центр Алтайского аймака располагается в городе Алтай. В настоящее время на территории аймака живут представители семнадцати национальностей: китайцы, дунгане, казахи, кыргызы, монголы, узбеки, уйгуры, урянхайцы, маньчжуры, русские, хуэй и др. Они отличаются друг от друга хозяйственно-культурным типом (земледельческий, кочевой), духовно-материальной культурой, конфессиональной принадлежностью к разным мировым религиям (буддизм, ислам, христианство).

Цель статьи — проанализировать современное состояние традиционной культуры, хозяйственных занятий, образа жизни и быта всех дисперсных групп китайских тувинцев в XXI веке; рассмотреть вопросы расселения, самоидентификации, этнического состава, а также сохранность религиозных представлений.

Источниками для написания статьи выступили полевые материалы автора, записанные в ходе комплексных экспедиций 2010–2016 гг., проведенных в местах проживания тувинцев в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Или-Казахской области Алтайского аймака. Результаты отдельных направлений исследований публиковались нами в разных научных изданиях (Юша, 2013ab, 2014abc, 2016ab; Yusha, 2014, 2016ab). Статья иллюстрирована фотографиями автора, выполненными во время экспедиций.

Места расселения

Китайские тувинцы компактно расселены в населенных пунктах Ак-Хаба, Ханас, Хом, Кок-Догай, Тамыкы, Ала-Хаак. В этих местностях китайские тувинцы проживают совместно с численно преобладающим казахским населением. Тувинские семьи имеются также в городах районного назначения Хаба, Бурчин, Алтай, Бейтун Алтайского аймака. Территория проживания тувинцев образует три «очага». Основное тувинское население расселено в трех деревнях: Ак-Хаба — Ханас — Хом. В значительном отдалении от этих населенных пунктов, в южной части Алтайского аймака, на границе с Ховдинским аймаком Монголии находятся деревня Тамыкы и районный центр Кок-Догай, где проживают тувинцы.

Некоторая часть тувинского населения, ранее жившая в местностях Буурул-Догай и Чингил, в настоящее время утратила родной язык, этническую идентичность, ассимилировалась и считает себя монголами. Как отмечала М.В. Монгуш, «живя длительное время в иноэтничной среде, они постепенно подверглись процессу естественной ассимиляции, в результате которого какая-то часть тувинского населения полностью потеряла свой родной язык и вошла в состав других народов» (Монгуш, 1997: 16). С. М. Абрамзон, исследуя этногенез киргизов Китая, установил, что небольшая группа тувинцев (группа кок-мончак)

вошла в их состав (Абрамзон, 1961: 121). Кроме этого, отмечаются зафиксированные случаи вхождения иных этносов и в родоплеменной состав китайских тувинцев. По рассказам наших информантов, в начале XX в. из Горного Алтая, спасаясь от советской власти, в Китай перекочевали представители алтайских сеоков, которые ассимилировались с китайскими тувинцами, их потомки не знают алтайского языка, считают себя тувинцами, хотя помнят, что их предки пришли с Алтая.

Фото 1. Деревня Хом, где проживает тувинское население (2010 г.).

Photo 1. The village of Khom, where the Tuvan population resides (2010)

Почти до конца XX века район проживания тувинцев был изолирован от остальной территории Китая ввиду отсутствия дорог. По территориальному подразделению, принятому в Китае, уезд (кит. — *сип*) является самой мелкой единицей районного масштаба. Эта же единица деления называется тувинским словом кыстак. По административному делению деревни-уезды (*кыстак*) Ханас и Хом

подчиняются районному центру городу Бурчин. Деревня-уезд Ак-Хаба имеет подчинение районному центру Хаба. Административным центром деревни-уезда Ала-Хаак является город Алтай, деревни-уезда Тамыкы — районный центр Кок-Догай.

Китайский Алтай тувинцы считают своей родиной, здесь издавна кочевали их предки. По устному свидетельству тувинцев, раньше их территория проживания была намного больше, чем сейчас. В конце XIX в. — в 1864 г., когда Казахстан вошел в состав Российской империи, в результате войны тувинцев с русскими войсками южная приграничная часть Китайского Алтая оказалась на территории Казахстана (озера Марга-Хол, Чайсан-Хол, м. Шаңгыштай-Буурел). Эти события подтверждаются историческими материалами. В частности, о проблемах казахского населения, разделенного границей, историк Н. Н. Аблажей пишет: «Демаркизация российско-китайской границы в районе Синьцзяна, осуществленная в 80-х годах XIX в. после присоединения Средней Азии к Российской

империи, привела, как уже говорилось, к территориальному разделению казахского этноса. Поскольку при установлении границы руководствовались главным образом географическими соображениями, казахское население, проживавшее в приграничье, оказалось фактически разделенным. Наряду с традиционной маятниковой и сезонной миграцией, характерной для кочевого населения, на протяжении двух первых десятилетий XX в. происходили также массовые долговременные перемещения населения» (Аблажей, 2007: 47).

Самоназвание и численность

Самоназвание китайских тувинцев варьируется: кок-мончак, мончак, алдай дывазы, дыва. Все тувинцы записаны в паспортах монголами, что затрудняет установить их реальное количество. Именно как монголы они входят в число 56 официально признанных национальностей, проживающих на территории КНР. За исключением китайцев-ханьцев, тувинцы, как и другие 55 малочисленных народов, считаются «диаспорными этноменьшинствами» (*huaqiao minzu*).

Этноним тыва в Китае еще не распространен. Народности Китая тоже называют тувинцев монголами, а также кок-мончаками, мончаками. В научной же литературе они также обозначены под разными названиями: алтайские урянхайцы, кок-мончаки, мончаки, джунгарские тувинцы (Монгуш, 1997, 2002, 2010, 2012: Электр. ресурс; Бавуу-Сюрюн, 2011: Электр. ресурс; Geng Shimin, 2005; Mawkanuli, 2005; Song Zhengchun, 2016).

В настоящее время численность китайских тувинцев, по их собственным подсчетам, составляет около 2500 человек. В это число не входят представители родоплеменной группы оорцаг (иначе танды), идентифицирующие себя монголами, хотя они в совершенстве владеют тувинским языком, соблюдают традиционную обрядность и обычаи, присущие тувинцам. Если прибавить их количество, то китайских тувинцев будет насчитываться около 6000 человек. В материнском этносе тувинцев родоплеменная группа *ооржак* имеется, но они идентифицируют себя тувинцами. По нашим данным, статистическая таблица состава населения поселковых администраций на 2013 г., где тувинцы записаны в качестве монголов, выглядит следующим образом (см. таб. 1):

Таблица № 1. Современное расселение и численность тувинцев в Китае.

Table 1. The current numbers and residence area of Tuvans in China

Название деревни	Монголы-тувинцы	казахи	дунгане	китайцы	Всего жителей / дворов
Ак-Хаба	386	522	0	5	913 / 125
Ханас	752	127	25	1	905 / 288
Хом	641	750	18	28	1439 / 543

Как видно из представленной таблицы, в названных селах (кроме Ханас) тувинцы преимущественно проживают вместе с казахским населением, в меньшем количестве есть представители монгол, дунган, китайцев. В список не вошло тувинское население Ала-Хаака, где по подсчетам самих тувинцев, насчитывается более 50 тувинских семей. В Тамыкы также имеются более 50 тувинских семей, официально зарегистрированных по месту жительства монголами. Если среди жителей Ак-Хабы, Хом и Ханаса китайцы постоянно не проживают, а в основном, приезжают на заработки в летнее время, то у тувинцев Тамыкы наблюдается большое число местных китайцев.

В последние годы небольшая тувинская группа имеется и в небольших городах административного назначения: Алтай, Хаба, Бурчин. В городе Алтай проживает 10 семей, в Хаба до 2005 года имелось всего 4–5 семей, однако к 2016 г. число тувинских семей увеличилось до 20. Причиной тому явилось то обстоятельство, что монгольскую среднюю школу деревни Ак-Хаба с 7 по 9 класс перенесли в районный центр города Хаба, где преподают учителя тувинской национальности, в связи с чем семьи учителей переехали в город. С 2015 г. монгольскую среднюю школу деревни Хом с 7 по 9 класс перенесли в административный центр Бурчин.

Этнический состав китайских тувинцев состоит из традиционных родоплеменных групп. Пожилые люди до сих пор знают свою генеалогию до седьмого или девятого колена (поколений). Поскольку родство идет по отцовской линии, обычно при перечислении предыдущих поколений называют имена мужчин, имен сестер не называют, в редких случаях упоминают их количество.

Во время полевых исследований нами зафиксированы следующие одиннадцать тувинских родовых групп (*сөөк*): *хойук, ирkit, чаг-тыва, ак-соян, кара-сал, кара-тош, кызыл-соян, хойт, делег, калга, хаа-дарган*.

В свою очередь, некоторые тувинские родоплеменные группы у китайских тувинцев подразделяются на более мелкие патронимии (*салаа*). *Сеок хойук* подразделяется на такие патронимии: *кара-хөйүк; хаа-хөйүк; хөртүгөш-хөйүк; донгак-хөйүк, хүндүгөш-хөйүк, монгуш-хөйүк, хойт хөйүк, шанагаш-хөйүк*. Род *ирkit* включает в себя семь подгрупп: *улуг ирkit, адай ирkit (конгуту), шункуур ирkit, моол ирkit, боос ирkit, калчан ирkit, ак ирkit*. Родоплеменная группа *чаг-тыва* объединяет в себе две группы: *сарыг чаг-тыва, кара чаг-тыва*. *Сеок кара-сал* подразделяется на *ак-даяк* и *кок-даяк*. Род *кызыл-соян* имеет две патронимии: *толубай* и *сандык*.

В то же время, если в большинстве случаев родовые группы подразделяются на мелкие подразделения, то можно отметить и такой факт, когда несколько родов объединяются в одну родоплеменную группу под одним названием *дорт сумун* (или *мончак*), куда входят четыре *сеока*: *хойук, чаг-тыва, ирkit, хойт*. На-

звание *мончак* для других народов служит для обозначения национальной принадлежности всех тувинцев. «Возможно, — пишет М. В. Монгуш, — в свое время из числа всех тувиноязычных групп, проживающих в Синьцзяне, мончаки были наиболее многочисленной группой и по этой причине мончаками стали называть всех тувинцев» (Монгуш, 1997: 11).

По рассказам респондентов, когда один из родов разрастался и между ними существовали правила экзогамии, то после семи поколений проводили необычный шаманский обряд. Он основан на поверии, что после семи-девяти поколений у представителей разных подразделений (*салаа*) одного *сеока* происходит смена крови. По этому случаю две патронимии одной родоплеменной группы, имевшие общего предка в семи поколениях, могут провести специальный обряд, с помощью которого прерывали кровную родственную связь между ними. Для проведения этого ритуала шаман выстраивал представителей двух родов в две шеренги, друг против друга. Каждому в руки он давал черный волосяной аркан, который он разрезал на две части. Считали, что после совершенного обряда прерывалась кровная связь, и в будущем они могли между собой заключать браки, обмениваться девушками. Эти представления подтверждаются материалами М. В. Монгуш. «Многие пожилые информаторы утверждали, что обычно после седьмого поколения от общего предка род у них разрастается настолько, что на его основе образуется уже два самостоятельных экзогамных рода, которые в отличие от предыдущих, могут обмениваться невестами» (там же: 42).

До XX в. представители каждой тувинской родоплеменной группы имели определенные места проживания и кочевья, свои охотничьи и пастбищные угодья, которые передавались в наследство по мужской линии. В настоящее время тувинские роды также компактно расселены в местах проживания их предков. Как замечает китайский антрополог Намкамидог, каждый суму-поселение состоит из нескольких родственных групп тувинцев (Namkamidog, 2009). Поскольку при совершении браков соблюдается принцип родовой экзогамии, то в местах проживания определенного рода представителями других родов обычно являются замужние женщины, переехавшие в места проживания супругов.

Религиозные представления

Согласно мифологическим воззрениям китайских тувинцев, как и у других народов Саяно-Алтайского нагорья, Вселенная состоит из трех миров: Верхнего (*Устуу оран*), Среднего (*Ортаа оран*) и Нижнего (*Алдыы оран*). Верховным божеством Верхнего мира является *Курмушту*, владыкой Нижнего мира — *Эрлик-Ловун-хан*. Средний мир населен людьми, духами-хозяевами местностей (*ээлер*), а также различными мифологическими существами, которые могут навредить

человеку: *алмыс, бук, шулмус, чес-тырнак*. По представлениям тувинцев, люди Верхнего мира носят свой пояс на уровне подмышек, Среднего мира — на талии, Нижнего — на бедрах.

Существуют представления, что каждый природный объект Среднего мира (река, гора, местность и др.) имеет своего духа-хозяина *ээзи*, по-другому *сан-тык*. При почтительном отношении к ним людей они покровительствовали им, приносили удачу в любых делах. Однако духом-хозяином Китайского Алтая китайские тувинцы считают Ак-Огбена (вариант — Сагаан-Огбен), седобородого старца, едущего на белом воле. В плане иерархии он выше всех духов-хозяев. Ак-огбен является хозяином всей земли и всего, что находится на ней: природных объектов, скота, зверей. Эти воззрения укладываются в общее традиционное понимание мироустройства всеми другими тюрко-монгольскими народами. Например, «представления о хозяине всего Алтая Алтайдын ээзи сохранились в культуре тюркоязычных алтайцев, которые считали его земным божеством со своими функциями и антропоморфным обликом, хотя имя Алтайдын ээзи постепенно стало заменяться теонимом Алтай Кудай» (Тюхтенева, 2009: 139).

У тувинцев Китая сохраняются пережитки культа почитания окружающего мира. Бытуют представления о том, что каждое живое существо, будь это животное или растение, имеет *сагызын* (душу). Подобные взгляды отражают неразрывную взаимосвязь человека и природы, характерную для традиционного мировоззрения тувинцев.

До начала культурной революции (до 1966 г.) у китайских тувинцев повсеместно была развита шаманская традиция, которая имела общие черты с шаманизмом народов Саяно-Алтайского нагорья. Шаман считался посредником между миром людей и миром духов. «При проведении обряда он читает шаманские призывания — *алгыштар*, которые представляют собой импровизированные поэтические тексты, обращенные к различным духам-хозяевам местностей или к своим духам-помощникам, от которых ожидалась помощь или излечение от болезней» (Юша, 2009: 18). Шаманы участвовали в культовых, лечебных и похоронных обрядах. Следует отметить, что, несмотря на официальный запрет шаманства, люди к ним тайно обращались, и они подпольно проводили некоторые лечебные обряды. Шаманы в народе были уважаемыми людьми, их авторитет был беспрекословным.

Среди китайских тувинцев были знаменитые шаманы, имена и деяния которых сохранились до наших дней: Байанбай-хам, Дакай-хам, Орзугур-хам, Дожу-хам, Харсыга-хам, Домбуш-хам, Шокар-хам, Саандей-хам. Ритуальная одежда шамана полностью соответствовала материнской традиции: ритуальный халат, головной убор. Существовали определенные шаманские атрибуты: бубен (дунгур), колотушка (орба), без которых ни один шаман не имел права

вести камлание. По воспоминаниям очевидцев, некоторые шаманы могли вести камлание и с помощью варгана (хомус).

В настоящее время шаманская традиция прервана. Последний шаман Орзугур в возрасте 82 лет ушел из жизни в 2001 г. в Ак-Хабе. В памяти народа сохранились в виде нарративов рассказы о шаманах, об их чудесных способностях и силе.

В наши дни тувинцы не перестали совершать многие исконные обряды, основанные на анимистических представлениях. В религиозной обрядности тувинцев также наблюдается синкретизм всех традиционных верований: дошаманских, шаманистских и буддийских.

Хозяйственные занятия

В настоящее время тувинцы Китая по типу хозяйствования подразделяются на две группы. Первая группа — горно-таежная, которую составляют жители селений Ак-Хаба, Ханас, Хом. Они занимаются скотоводством: держат крупный и мелкий рогатый скот, разводят лошадей. Вторая, таежно-степная группа — это жители Ала-Хаака, Кок-Догая и Тамыкы, они заняты скотоводством и огородным земледелием, как и местные казахи. Эта часть тувинцев выращивает кукурузу, картофель, бобовые культуры, которые переняли от китайцев-земледельцев.

В летне-осенний период для обеих групп немаловажное значение имеет сбор дикорастущих растений, ягодный и кедровый промысел. По примеру китайцев некоторые тувинские семьи начали разводить кур, единичные семьи занимаются пчеловодством (например, в деревне Хом семьи сыновей старика Оокея).

Скотоводство. Для всех этнолокальных тувинских групп основным видом хозяйственной деятельности тувинцев являлось кочевое пастбищное скотоводство с круглогодичным выпасом животных и сезонной сменой кочевий (Октябрьская, 2009: 313). Китайские тувинцы разводят четыре вида скота: коров, лошадей, овец и коз. Как и остальные группы тувинцев, скот делят на две разновидности: с “холодным дыханием” (лошади, козы) и “горячим дыханием” (овцы, коровы). Следуя традиционному способу доения, перед началом дойки к самкам животных подпускают молодняк.

Развитая терминология мастей скота разного вида, а также их наименования по полу и возрасту, богатая скотоводческая лексика свидетельствуют о большой роли скотоводства в хозяйственной жизни китайских тувинцев. Особенно ярко это проявляется в коневодческой лексике: особенности аллюра коней, масти коней, определение возраста лошади по зубам, их половозрастные названия, принадлежности конской упряжи. В фольклорной традиции выращиваемый скот четырех видов прославляется в разных жанрах фольклора.

У ч и т ы -
вая природно-климатические условия региона, в отличие от российских и монгольских тувинцев, здесь не держат верблюдов и яков-сарлыков. Наибольшее развитие в скотоводстве получило разведение лошадей и крупного рогатого скота, поскольку зимы здесь снежные, осадков выпадает до 2–3 метров, что трудно для содержания большего количества мелко-рогатого скота.

Фото 2. Заготовленное сено используется зимой. В селениях тувинцев часто можно увидеть подобную картину (2010 г.).
Photo 2. Hay is made in the summer and used during winter. Scenes like this are typical for Tuvan villages (2010).

Начиная с середины июля по конец августа — время сенокоса, на зиму для скота готовят большие запасы сена. В зимнее время мелкий рогатый скот находится в основном на подножном корму. Раньше перекочевки устраивали в летнее стойбище, затем осеннее, зимнее и весеннее. В настоящее время в связи с проблемой нехватки земли переезжают только в летние и зимние стойбища.

До наших дней соблюдаются скотоводческие поверья и запреты. Верят, что если некоторые виды скота приносят двойню, это чревато плохими последствиями для хозяев. Например, если кобылица или корова принесет двойню, это считается плохой приметой, поэтому одного из двойни убивают.

В отличие от основного места расселения китайских тувинцев, в последние годы разведение скота у тувинского населения в местностях Кок-Догай и Тамыкы связано с большими трудностями, так как здесь почти не осталось пастбищных угодий — земля засеяна овощными культурами, основным видом деятельности китайцев. Поэтому у этой части тувинцев скотоводство, как основная отрасль хозяйства, с каждым годом теряет свою актуальность. Тувинская молодежь вырастает без скотоводческих навыков.

Охота. Охотничий промысел наряду со скотоводством у всех этнолокальных тувинских групп был одним из традиционных занятий, весьма значимой отраслью хозяйства. Китайские тувинцы промышленяли белку, зайца, лису, волка, соболя, медведя, косулей, маралов, диких коз, рысей, а также птиц. Охотились верхом на коне, зимой — на лыжах-хаак, подбитых камусом из конской шкуры. Вместо палок использовали деревянный посох (тайак). В охоте применяли луки и стрелы, а затем ружья, использовали силки (*шапкы*), петли (*тузак*), самострелы (*айа*), загороди (*кажаа*). Каждый род имел свои родовые охотничьи уголья, на промысел уходили артелями. По мифологическим представлениям звери являются собственностью духа-хозяина Алтая *Ак-огбена*.

С начала 2000-х годов на территории Китайской Народной Республики был введен запрет на охоту и хранение огнестрельного оружия у местного населения. Не стал исключением и район проживания тувинцев, где запрещено охотиться и вырубать деревья. В связи с запретом в 2001 году у всего населения местные власти отобрали охотничьи принадлежности и ружья. Видимо, в связи с установившейся ситуацией запрета на охоту на территории КНР, у китайских тувинцев охотничий промысел уйдет в прошлое, забудутся навыки этого ремесла для последующих поколений. Кроме того, эти же места расселения тувинцев, Ак-Хаба, Ханас, Хом объявлены одной из заповедных зон и туристических мест Синьцзяна. Поэтому на сегодняшний день для топлива и строительства разрешено подбирать только упавшие деревья.

Развитие этнотуризма

На сегодняшний день Ханас, Хом и Ак-Хаба являются одним из популярных туристических регионов Китая, куда проложена современная автомобильная магистраль. Эти места стали излюбленным местом летнего отдыха многочисленных китайских туристов, куда порой в день прибывает до 20000 человек. Здесь для приезжих построены благоустроенные гостиницы с хорошим сервисом, кафетерии и бары.

В летнее время сюда приезжают люди разных национальностей из многих уголков Синьцзян-Уйгурского района, чтобы заработать туризмом, нередко выдавая себя тувинцами перед туристами. Также специально приезжают в Ханас и Хом китайцы-предприниматели, арендуя под гостиницы и кафе дома тувинцев.

Сами тувинцы названных сел также занимаются туристическим бизнесом. Хотя пункты общепита открывают лишь единицы некоторые из них продают национальные продукты питания: *хойтпак*, *молочную араку*, *ааржы*. Лишь немногие из тувинцев открыли *чафан* (кит. сл.) — заведение, где туристов знакомят с историей и культурой тувинского народа, показывают национальный танец

бий, исполняют тувинские песни, играют на музыкальном инструменте *шоор*.

До 2014 г. частные компании, обслуживающие туристов, ежегодно выдавали местному населению (каждому члену семьи) денежные пособия, с тем условием, чтобы они не открывали в своих домах гостиницы для туристов. Считалось,

Фото 3. Скульптурное изображение, изображающая сцену изготовления молочной араги (2014 г.).

Photo 3. A sculptural scene of making araga, a strong milk-based spirit (2014)

что, если же местные жители будут принимать путешественников у себя дома, это лишит компаний прибыли. Однако в связи с наплывом большого количества туристов, а также политикой местного начальства, в последние годы ситуация изменилась в лучшую сторону. Коренные жители теперь могут открывать в своих домах мини-гостиницы, точки питания, развлекательные центры. Поэтому везде можно наблюдать строительный бум.

При въезде в каждый населенный пункт путешественники оплачивают обязательный туристический налог. Местные власти часть доходов с него направляют на выплату аборигенному населению. Каждый житель Ак-Хабы получает 4000 юаней, Хома — 6000 юаней, Ханаса — 10000 юаней.

При въезде в каждый населенный пункт путе-

До 2013 г. туризм носил сезонный характер, основной поток туристов наблюдался только летом. Поэтому, чтобы привлечь путешественников в зимний сезон, по решению синьцзянских властей, было принято решение развивать существующую инфраструктуру и зимние виды туризма. С осени 2014 г. на территории Ханаса построены современные зимние горнолыжные комплексы, свидетельствующие о модернизации туристической индустрии.

Администрация сельской местности, где живут тувинцы, стремится поддерживать традиционную культуру и быт тувинцев. Это важно для привлечения туристов-ханьцев, которые платят за то, чтобы полюбоваться живописной природой и экзотикой, увидеть “живую” скотоводов-кочевников как представителей малочисленного вымирающего народа, не имеющего своей национальной

письменности, до сих пор живущего в необычных деревянных домах, пасущего скот и ездящего на лошадях. Нередко в средствах массовой информации Китая тувинцы представляются как дикий народ, живущий среди гор и тайги, не привыкший к благам цивилизации. Китайский антрополог Намкамидог считает, что уподобление тувинцев дикарям делается в целях рекламы, чтобы выгодным образом привлечь туристический поток в этот край (Namkamidog, 2009).

В настоящее время, с одной стороны, туризм помогает китайским тувинцам сохранить этническую идентичность и традиционную культуру, привлечь к себе внимание китайского правительства как уникального народа, отличающегося от монголов. Для большинства населения туризм является единственной возможностью заработать деньги. С другой стороны, некоторая часть тувинского населения обеспокоена тем, что в условиях туризма, где развиваются капиталистические денежные отношения, могут нарушиться традиционные устои народа, когда человек видит во всем только выгоду для себя, начинает заниматься зарабатыванием легких денег. Кроме этого, тревогу у коренного населения вызывает и то обстоятельство, что туристы не всегда соблюдают экологичное отношение к природе, у них нет благоговейного отношения к священным местам тувинцев.

В ноябре 2015 г. местные активисты обратились к музыкантам из Тувы обучить их искусству горлового пения и пригласили преподавателя-горловика. Приехал артист Национального оркестра Тувы Начын Шалык, который обучал желающих в течение месяца. Затем его сменил Радик Тюлюш, музыкант известной этногруппы “Хун-Хурту”, поработавший здесь в течение трех недель. Обучившиеся

Фото 4. Тувинец, демонстрирующий туристам национальную одежду (2013 г.).

Photo 5. A Tuvan man shows items of ethnic clothing to tourists (2013).

горловому пению молодые тувинцы открыли для туристов заведение *чафан*, где выступают перед ними, тем самым, дают отпор приезжим лже-тувинцам, которые на туристическом бизнесе зарабатывают деньги. В их репертуаре исполняются народные песни и *кожамык* российских тувинцев, не характерные для китайских тувинцев. Певцы утверждают, что мелодика своих народных песен не подходит для игры на национальных инструментах.

Взгляды на будущее

Китайских тувинцев, как признавались мне информанты, пугает перспектива утраты национальной культуры, родного языка, традиционной хозяйственной деятельности, экологичной системы природопользования. Причинами для тревоги стали все усиливающееся сокращение этноса, постепенное влияние иноэтнической культуры, нарастающая ассимиляция китайцев-ханьцев, устная форма родного языка и боязнь его постепенной утраты, будущая модернизация жизненных условий и в целом — потеря традиционной культуры.

В последние годы среди китайских тувинцев наблюдается небывалый рост национального самосознания. Теперь силами местных активистов планируется подготовительная работа по включению китайских тувинцев в список официально признанных национальностей Китая 57-ым народом. Наблюдается попытка реанимировать этноним тыва в пределах Китая в качестве самоназвания народа, чтобы другие этносы в отношении их пользовались этим этнонимом.

Таким образом, этнические тувинцы Китая, несмотря на то, что живут в отрыве от материнского этноса, невзирая на присутствие следующих негативных факторов: отсутствие национально-территориальной государственности; проживание на одной территории разных этносов, принадлежащих к разным культурам и конфессиям; официальное отнесение к монголам; численное преобладание иноязычного населения; пополнение словарной лексики за счет других языков; обучение в школах, сузах, вузах на других языках; устная форма родного языка; устная передача фольклора; отсутствие печатной литературы и СМИ на родном языке; отсутствие телепередач и радиовещания на родном языке; непрестижность тувинского языка для представителей других национальностей, до настоящего времени продолжают сохранять свою национальную идентичность, родной язык, традиционный фольклор, обычаи и обряды. Однако в условиях многоязычия в тувинской речи часто отмечаются случаи языковой интерференции, где обнаруживаются следы взаимодействий с языками соседних народов: казахов, монголов, китайцев. На это обстоятельство отрицательное влияние оказывает и отсутствие национальной письменности. Необходимо отметить и то, что живя в иноэтническом окружении, у тувинцев происходят процессы постепенной трансформации исконной культуры, усвоения некоторых

мифологических представлений: в частности, китайских и монгольских. В фольклорной традиции суживаются рамки употребления сказок, загадок, пословиц и поговорок, мифологических рассказов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аблажей, Н. Н. (2007) С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 300 с.

Абрамзон, С. М. (1961) Киргизы Китайской Народной Республики // Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. Том III, вып. 2. С. 119–132.

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2011) Социолингвистические заметки о тувинцах Китая [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/445> (дата обращения: 09.01.2017).

Монгуш, М. В. (1997) Тувинцы в Китае (историко-этнографический очерк). Кызыл: Изд.-полигр. комплекс «Эне созу». 78 с.

Монгуш, М. В. (2002) Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы (История и современность). Новосибирск : Наука. 126 с.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный Музей Этнологии. 358 с.

Монгуш, М. В. (2012) У тувинцев Синьцзяна: двадцать лет спустя [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/292> (дата обращения: 09.01.2017).

Октябрьская, И. В. (2009) Тувинцы // Историческая Энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В. А, Ламин. Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири». Т. III (С-Я). С. 313–314.

Тюхтенева, С. П. (2009) Земля. Вода. Хан Алтай. Этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста: КалмГУ. 169 с.

Юша, Ж. М. (2009) Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: Апельсин. 166 с.

Юша, Ж. М. (2013а) Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 56–62.

Юша, Ж. М. (2013b) Социолингвистическая ситуация у тувинцев Китая // Материалы Международной конференции «Тюркская руника». Кызыл. С. 157–161.

Юша, Ж. М. (2014а) Зарубежные тувинцы в объективе фотокамеры. Тувинцы Китая. Аннотированный фольклорно-этнографический фотоальбом. Новосибирск: Офсет. 160 с.

Юша, Ж. М. (2014b) Как встречают Новый год китайские тувинцы // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 67–70.

Юша, Ж. М. (2014с) Шоор в традиционной культуре тувинцев Китая [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/179> (дата обращения: 09.01.2017).

Юша, Ж. М. (2016а) Тувинцы Китая и Монголии: современное состояние фольклорной традиции // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 5–10.

Юша, Ж. М. (2016b) Современное бытование несказочной прозы у тувинцев Китая // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 4. С. 126–131.

Geng Shimin (2005) Materials on Tuvinian language of China // Алтайские языки и восточная филология : сборник статей. М.: Восточная лит-ра РАН. С. 409-503.

Namkamidog (2009). Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu. Beijing. (На кит. яз.).

Song Zhengchun (2016) Tuwa yu he Tuwaren de dou yu shenghuo (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China). Beijing. (На кит. яз.).

Mawkanuli, T. (2005) Jungar Tuvan Texts. Indiana University Bloomington Research Institute for Inner Asian Studies, Bloomington.

Yusha, Zh. (2014) Cin ve Mogolistan'daki Tuvalarin Cocuk edebiyatinda sorunlari // I. Uluslararası Cocuk ve Genclik edebiyati sempozyumu bildirileri. 24-25 Ekim 2014, Maltepe-Istanbul. S. 65–67.

Yusha, Zh. (2016а) Let him be gray-headed! Childhood in the modern culture of Chinese Tuvinians // Science first hand. № 1. P. 118–127.

Yusha, Zh. (2016b) Cin Tuvalarinin Folkloru (Folklore of Tuvinians of China) // Belleten. Turk Dili Arastirmalari Yilligi. Cilt 61. № 2. S. 261–266.

Дата поступления: 15.01.2017 г.

REFERENCES

Ablazhei, N. N. (2007) *S vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 300 p. (In Russ.)

Abramzon, S. M. (1961) Kirgizy Kitaiskoï Narodnoi Respubliki. *Izvestiia Akademii nauk Kirgizskoi SSR. Seriiia obshchestvennykh nauk*. Vol. III, Iss. 2. Pp. 119–132. (In Russ.)

Bavuu-Siuriun, M. V. (2011) Sociolinguistic notes about the Tuvans in China. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/445> (access date: 09.01.2017). (In Russ.)

Mongush, M. V. (1997) *Tuvintsy v Kitae (istoriko-etnograficheskii ocherk)*. Kyzyl, Izd.-poligr. kompleks «Ene sozu». 78 p. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2002) *Tuvintsy Mongolii i Kitaia: Etnodispersnye gruppy (Istoriia i sovremennost')*. Novosibirsk, Nauka. 126 p. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2010) *Odin narod: tri sud'by. Tuvintsy Rossii, Mongolii i Kitaia v sravnitel'nom kontekste*. Osaka, Natsional'nyi Muzei Etnologii. 358 p. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2012) At Xinjian Tuvans: twenty years later. *The New Research of Tuva*, no. 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/292> (access date: 09.01.2017). (In Russ.)

Oktiabr'skaia, I. V. (2009) Tuvintsy. In: *Istoricheskaia Entsiklopediia Sibiri* : in 3 vols, ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Izd. dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri». Vol. III (S-Ya). Pp. 313–314. (In Russ.)

Tiukhteneva, S. P. (2009) *Zemlia. Voda. Khan Altai. Etnicheskaiia kul'tura altaitsev v XX veke*. Elista, KalmGU. 169 p. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2009) *Obriadovaia poeziia tuvintsev: struktura i semantika*. Novosibirsk, Apel'sin Publ. 166 p. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2013a) Sovremennoe bytovanie fol'klornoj traditsii u tuvintsev Kitaia. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 56–62. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2013b) Sotsiolingvisticheskaiia situatsiia u tuvintsev Kitaia. In: *Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii «Tiurkskaia runika»*. Kyzyl. Pp. 157–161. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2014a) *Zarubezhnye tuvintsy v ob'ektive fotokamery. Tuvintsy Kitaia*. Annotirovannyi fol'klorno-etnograficheskii fotoal'bom. Novosibirsk, Ofset Publ. 160 p. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2014b) Kak vstrechaiut Novyi god kitaiskie tuvintsy. *Aziia i Afrika segodnia*, no. 12, pp. 67–70. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2014c) Shoor in the traditional culture of Tuvans in China. *The New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/179> (access date: 09.01.2017). (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2016a) Tuvintsy Kitaia i Mongolii: sovremennoe sostoianie fol'klornoj traditsii. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 5–10. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2016b) Sovremennoe bytovanie neskazochnoi prozy u tuvintsev Kitaia. *Iazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*, no. 4, pp. 126–131. (In Russ.)

Geng Shimin (2005) Materials on Tuvinian language of China. In: *Altaiskie iazyki i vostochnaia filologiya* : sbornik statei. Moscow, Vostochnaia literatura RAN. Pp. 409-503. (In Russ.)

Namkamidog (2009). *Xinjiang Tuwaren shenuiwenhua tianyediaocha yu yanjiu*. Beijing. (In Chinese).

Song Zhengchun (2016) *Tuwa yu he Tuwaren de dou yu shenghuo* (Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvinian people in China). Beijing. (In Chinese).

Mawkanuli, T. (2005) *Jungar Tuvan Texts*. Indiana University Bloomington Research Institute for Inner Asian Studies, Bloomington.

Yusha, Zh. (2014) Çin ve Mogolistan'daki Tuvalarin Çocuk edebiyatında sorunları. In: I.Uluslararası Çocuk ve Gençlik edebiyatı sempozyumu bildirileri. 24-25 Ekim 2014, Maltepe-Istanbul. S. 65–67. (In Turk.)

Yusha, Zh. (2016a) *Let him be gray-headed! Childhood in the modern culture of Chinese Tuvinians*. Science first hand, no. 1, pp. 118–127.

Yusha, Zh. (2016b) Çin Tuvalarının Folkloru (Folklore of Tuvinians of China). *Bellekten. Turk Dili Arastirmalari Yilligi*. Cilt 61. № 2. S. 261–266. (In Turk.)

Submission date: 15.01.2017,

Для цитирования:

Юша Ж. М. Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/699> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

For citation:

Yusha Zh. M. Tuvans in 21st century China: history and contemporary situation [online] *New Research of Tuva*. 2007. No.1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/699> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

DOI: 10.25178/nit.2017.1.8

БУРЯТЫ В СУБЭТНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ)

THE SUB-ETHNIC ASPECTS OF THE BURYATS: THE ISSUES OF ETHNIC SELF-IDENTIFICATION

Динара Т. Трегубова

Институт научной информации по
общественным наукам
Российской академии наук

Dinara D. Tregubova

Institute of Scientific Information
for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences

В статье представлены особенности этнического самосознания современных российских бурят, в котором автор выделяет субэтнические идентификационные подуровни. Тем самым проблема субэтнической идентичности рассматривается в плоскости идентификационных процессов и связывается с родоплеменным делением этноса.

Родоплеменной состав бурят сложный и включает множество родоплеменных групп, из которых самыми крупными считаются хори, эхириты, булагаты и хонгодоры. Они ведут своё происхождение от протобурятских племен, проживавших в Прибайкалье уже в средневековье. Значительная часть современных бурят идентифицирует себя с помощью этих этнонимов.

Краткий экскурс в историю развития бурятских родов показывает, что изначально это была строго экзогамная община, большая патриархальная семья. Появление русских в Прибайкалье в XVII в. привело к изменению территории расселения многих родовых групп бурят. На рубеже XVIII–XIX вв. земля становится уже не родовой, а территориально-улушной, родовое деление утрачивает прямое соответствие с территориальной общностью. В XIX в. род ста-

The article describes the ethnic self-consciousness of Buryats in contemporary Russia, with a focus on sub-ethnic identification. Thus the issue of sub-ethnicity is seen through the prism of identification and linked to the clan and tribal structure of an ethnicity.

The complex tribal structure of the Buryats includes a multitude of entities, the largest of which are the Khori, the Ekhirid, the Bulagad and the Khondogor. All of them are descendants of proto-Buryat tribes who lived in the Baikal region in the Middle Ages. It is with these groups that many contemporary Buryats identify themselves.

A brief look at the history of Buryat tribes shows that they began as strictly exogamic communities, as large patriarchal families. The arrival of Russian settlers in the Baikal region in the 17th century led to a rearrangement of the borders of the tribes' traditional territories. At the turn of the 19th century, land was divided along the territorial

Трегубова Динара Дмитриевна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Адрес: 117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр., д. 51/21. Эл. адрес: inionran@mail.ru

Tregubova Dinara Dmitrievna, Candidate of History, Academic Secretary, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Postal address: 51/21 Nakhimovsky Prospekt, 117418, Moscow, Russian Federation. E-mail: inionran@mail.ru

новится административной единицей. Племенное деление сохраняется, но состав рода пополняется представителями других родов, которые кочуют на его территории, сам же род дробится на мелкие группы. В начале XX в. административно-родовая община бурят переживает распад. Политика конструирования бурятской социалистической нации и переселенческая политика советского руководства привели к образованию в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике специфической этнической общности. Родоплеменная идентификация в советское время утратила свои прежние функции, но в самосознании бурят сохранялась. В 1990-е годы этническая принадлежность бурят стала очень значимой в общих условиях национального возрождения, в том числе актуализировался родоплеменный уровень идентификации.

Наличие субэтнической (родоплеменной) идентификации в сознании современных бурят не препятствует ни осознанию общепурятского этнического единства, ни формированию общероссийской гражданской идентичности. Востребованность идентификации с родом в этнической Бурятии обусловлена теми функциями, которые она выполняет. Поэтому, скорее всего, в обозримом будущем наличие родового самосознания останется отличительной характеристикой бурятской этнической общности.

Ключевые слова: буряты; родоплеменная идентификация; субэтнические группы; этническая идентичность; идентификация

borders of the ulus, rather than viewed as belonging to a particular clan. Thus, clan structure no longer directly matched territorial communities. In the 19th century clans begin functioning as administrative units. Tribal divisions survived, but tribes split into smaller groups which recruited representatives of other nomadic clans passing through the territory associated with a tribe. In early 20th century the administrative role of clan communities collapsed. The policy aimed at the construction of a Socialist Buryat nation, aided by the official control of migration in the USSR, created a specific ethnic community within the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic. The clan and tribal structure in the Soviet years lost its historical functions, but survived in the memories and self-identification of the Buryats. The 1990s saw its renaissance in the general conditions of national revival – including the re-actualization of clans and tribes as identities.

The existence of Buryats' sub-ethnic identification with a clan and a tribe does not prevent them from belonging to a unified Buryat ethnicity or a federal-level Russian civil identity. The identification with a clan in Buryatia is relevant, since a number of functions are assigned to it. Therefore, in the foreseeable future it will survive as a specific feature of the Buryat ethnicity.

Keywords: Buryat; clan and tribal identification; sub-ethnic groups; ethnic identity; identification

Введение

Самосознание человека непременно содержит этническую составляющую. Так утверждал классик отечественной этнологии С. А. Арутюнов еще в 1989 г. (Арутюнов, 1989: 22–24), и мы с ним согласны. В условиях глобализации и унификации образа жизни, несмотря на очевидное сужение этнокультурной специфики, этнос, тем не менее, упорно продолжает воспроизводиться (Карлов, 2016: 9). Наиболее устойчивой характеристикой этноса служит этническое самосознание, обладающее сложной структурой, сохраняющееся даже при исчезновении прочих ключевых признаков принадлежности к этносу, таких как язык или религия (Уварова, 2016: 296).

В этническом самосознании современных российских бурят, помимо общепурятского уровня идентификации, можно выделить несколько субэтнических идентификационных подуровней (Антонов, Очирова, 2003: 117). Наличие территориально-блоковой идентификации подразумевает

деление бурят на западных и восточных. Родоплеменная идентификация подразумевает отнесение себя к определенному роду и племени — хори, хонгодорам, эхиритам, булагатам или другому — в соответствии со своей родословной. Не менее характерна относительно четкая идентификация с различными этнотерриториальными группами, формирование которых началось в XIX в. (Буряты, 2004: 50–56). Нижнеудинские, балаганские, аларские, идинские, кудинские, верхоленские, ольхонские, тункинские, закаменские, окинские, баргузинские, кударинские, селенгинские, хоринские, агинские и др. буряты есть и сегодня (Трегубова, 2011: 87–96).

Цель статьи — показать, какую роль в жизни этноса в условиях глобализации может играть субэтническая идентификация.

Племя и род у бурят: вопросы терминологии

Для обозначения рода у бурят существуют различные термины: *эсэгэ*, *яһан*, *соло*, *омог*, *аймак* и др. (Балдаев, 1961: 92). Единого термина для обозначения племени тоже нет. Эхириты и булагаты называют племя словом *яһан* (кость), хори-буряты — словом *эсэгэ* (отец); иногда среди эхиритов и булагатов под словом *яһан* понимают род. Хонгодоры под словом *яһан* понимают и племя, и род. По-видимому, первоначально слово *яһан* обозначало род, затем у большей части бурят стало означать племя (там же: 78). В русскоязычной терминологии «кость» означает ответвление рода, т.е. подразделение более мелкое, нежели род. В настоящей работе прилагательные «родоплеменной» и «родовой» употребляются как синонимы.

Наиболее крупными родоплеменными группами в составе бурят являются уже упомянутые нами эхириты, булагаты, хонгодоры и хори (Балдаев, 1970: Электр. ресурс). Они ведут своё происхождение от протобурятских племен, проживавших в Прибайкалье и упоминающихся в средневековых источниках. По мнению Л. Р. Павлинской (высказанному, впрочем, больше десяти лет назад), перечисленные этнонимы употребляются исключительно для обозначения этих средневековых этносов, и путать их с собственно бурятами не стоит (Павлинская, 1996: 64). Однако сегодня ими оперируют не только исследователи: значительная часть современных бурят идентифицирует себя с помощью этих этнонимов (Трегубова, 2009).

Повышение значимости родоплеменного уровня идентификации связано с начавшимся в период перестройки процессом национально-культурного возрождения. Большую роль в этом процессе играла и про-

должает играть бурятская интеллигенция. В 1990-е гг., после появления публикаций сотрудников Бурятского института общественных наук (современный Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН), посвященных различным родовым группам, практически утраченную идентификацию с родом стали возрождать, ориентируясь на мнение ученых. Имели место, в том числе, и случаи изменения родовой идентификации после прочтения соответствующей научной статьи. Подобные ситуации зафиксированы, например, в селе Торы Тункинского района Бурятии (Строганова, 2001: 118). В целом же обращение к научным изданиям как к источнику информации о традиционной культуре в современном мире не является редкостью.

Характерная для кочевников прошлого родоплеменная идентификация на сегодняшний день сохранена или утрачена разными народами в разной степени. У башкир, например, землевладение до сих пор определяется принадлежностью к роду. У халха-монголов сохранились определяющие идентификацию с родом термины, приведенные в словаре традиционного образа жизни монголов 1992 г. издания (издательство «Есөн Эрдэнэ») и обозначающие девять поколений предков (отца, деда, прадеда и т. д.): *эцэг, өвөг, элэнц өвөг, хуланц өвөг, элэн өвөг, хулан өвөг, холбоо өвөг, өндөр өвөг, балдаг өвөг* (Монгол уламжлалт ..., 1992: 9). Утратив подобную терминологию, современные буряты, тем не менее, часто хорошо знают свои родословные, им известны названия крупных и более мелких родовых подразделений, то есть, наличие родового самосознания для бурят по-прежнему характерно.

Государственная национальная политика России в Бурятии

Традиционно бурятский род представлял собой «строго экзогамную общину, связанную в одно целое единым наследственным старшим в роде, единой территорией, одним улусом, общими кочёвками, общими местными богами, общим отправлением тайлаганов и ещё многими элементами... Эта община жи<ла> одной большой патриархальной семьей, тесно сплочённой не только общностью происхождения и кровным родством, но и общностью материальных интересов» (Петри, 1924: 2).

Появление русских в Прибайкалье в XVII в. приводит к интенсификации перемещений и изменению территории расселения многих родовых групп бурят. На рубеже XVIII–XIX вв. земля становится уже не родовой, а территориально-улусной, родовое деление утрачивает прямое соответствие с территориальной общностью (Асалханов, 1963: 109).

После появления в 1822 г. «Устава об управлении сибирских инородцев» М. М. Сперанского («Устав об инородцах» ... , 1994: 17–37) род становится административной единицей. При создании институтов степных дум, ставших высшим органом национального самоуправления, племенное деление сохраняется, но состав рода пополняется представителями других родов, которые кочуют на его территории (Доржиев, 2005: 403), сам же род дробится на мелкие группы; так возникают, к примеру, 1-й, 2-й, 3-й ашебагатский роды (Балдаев, 1961: 96–99), что связано, в первую очередь, с удобством сбора налога-ясака. С переходом на волостную форму управления в Забайкалье и Предбайкалье в начале XX в. административно-родовая община бурят распадается. По мнению большинства исследователей, именно в это время можно констатировать факт консолидации бурят в единую народность, что документально закрепляется в советское время. Впрочем, вышесказанное относится не только к бурятам: со времени появления сведений в русскоязычных источниках о коренных малочисленных народах Севера и Сибири их «этническая идентичность... характеризовалась такими особенностями, как принадлежность к родовым и племенным объединениям, территориальным группам» (Уварова, 2015: 216–217). В советское же время произошло оформление «общезнаковой... принадлежности этой категории населения России» (там же).

Политика конструирования бурятской социалистической нации с одной стороны и переселенческая политика советского руководства с другой приводят к образованию в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике (БМАССР) специфической этнической общности. Обладая менталитетом титульного этноса, буряты, между тем, не составляют большинства населения Республики. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства оказывают разрушительное воздействие на традиционный хозяйственный уклад и существующую систему воспитания (Крадин, 2014: 205–208). Значительно усиливаются процессы ассимиляции.

Советский период вообще очень сложно оценить однозначно, его влияние на бурятский этнос и его структуру нужно признать созидательно-разрушительным либо разрушительно-созидательным. Бурятия получила тогда автономию и положение «младшего брата» в России; «в официальное название республики был введен этноним — но его носители скоро оказались в этой республике в меньшинстве; все религии обрели равенство — но то было равенство бесправия перед лицом господствующей советской идеологии...; была осуществлена национализация школ — однако

воспитание в этих школах не было национальным бурятским...; произошло социальное и культурное выравнивание бурятского народа, что объективно способствовало его единению, — но при этом его этноареал был произвольно рассечен административными границами, а сам процесс интеграции бурят в нацию в значительной мере отставал от всемерно поощряемой властями интеграции в “новую историческую общность” — советский народ» (Строганова, 2001: 51).

Произведенное в 1937 г. расчленение Бурят-Монголии на три части до сих пор воспринимается как нанесенная травма. Языковые эксперименты 1930-х гг., в ходе которых неоднократно менялись алфавитная и диалектная основы бурятского литературного языка, лидируют в списке причин его современного кризисного состояния. Исчезновение в 1958 г. «монгольской» части названия Республики считается посягательством на макроэтническую идентификацию бурят как часть монгольского культурного ареала. Однако, потенциал для будущего бурятского национально-культурного возрождения зарождается именно в советское время. (Мы имеем в виду наблюдаемый рост национального (этнического) самосознания и, главное, воспитание его будущих лидеров — национальной интеллигенции. И «золотым временем», за возврат к которому позже велась борьба, стали 20-е годы XX в., т. е. начало всё того же советского периода).

Родоплеменная идентификация в советское время утратила свои прежние функции, но в самосознании бурят сохранялась. Один из авторов «Истории Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» Л. М. Дамешек, к примеру, писал: «В 1956 г. мы с Рыгдылоном и П.П. Хороших обошли пешком почти весь Ольхонский район. К кому бы мы ни обращались — старому или малому, — каждый называл своих предков не менее чем до 10-го — 14-го колена. Во время этнографических экспедиций по Кабанскому и Ольхонскому районам в 1972–1973 гг. мы впервые применили методику сплошного этнографического обследования населения... Мы решили обойти каждый дом, а в доме спросить всех членов семьи, начиная от самых маленьких до глубоких стариков. Записывали родословные не только мужчин, но и женщин, чего до нас не делал никто. <...> В результате нам удалось выявить уникальные материалы по истории возникновения, развития, членения, исчезновения и восстановления бурятского рода» (История Усть-Ордынского ... , 1995: 65–66).

Противоречивую советскую эпоху сменили суровые 1990-е годы, когда в условиях «резкого снижения степени организованности социальных отношений, фрагментации отдельных сфер жизнедеятельности и деграда-

ции систем социального управления, этническая принадлежность людей превратилась... в наиболее субъективно значимый фактор, гарантирующий определенный уровень социальной защищенности человека» (Попков, 2016: Электр. ресурс). И процесс национально-культурного возрождения, охвативший тогда Бурятию, был для российской действительности тех лет явлением вовсе не уникальным. Принятие таких документов, как Декларация о государственном суверенитете (1990), новая Конституция Республики (1994); постановление «О реабилитации народов Бурятии», признающее незаконным акт 1937 г. о передаче части территории БМАССР Иркутской и Читинской областям, создание Всебурятской ассоциации развития культуры (1991) — вот только некоторые действия, характеризующие его бурное начало.

Среди бурят наблюдается рост интереса к своему происхождению (Дагбаев, 2010: 139–140), и родоплеменной уровень идентификации выступает на передний план.

Современные функции родоплеменной идентификации

Конечно, принадлежность к определенному роду сегодня уже не определяет, где жить, на ком жениться и каким образом платить налоги, и повседневная жизнь представителя одного рода, в сущности, ничем не отличается от повседневной жизни представителя другого. И всё же идентификация с родом остается психологически важной, вероятно, являясь для бурятского общества запускающей в сложный период социальных трансформаций программой самосохранения с помощью тех способов, которые подсказывает социокультурная память (Ламажаа, 2013: 54). Ведь родоплеменной пласт этнического самосознания как раз является его архаической частью. Само его существование и устойчивое сохранение наиболее характерно для кочевых народов, поскольку кочевник привязан более не к территории, а к определенной группе людей — к своему роду (Головнев, 2015: 87).

Для бурят восстановление идентификации с родом связано с возрождением древнейших родоплеменных культов, с существовавшей традицией сакрализации родовых территорий (Жуковская, 2002: 29–37), с проведением в честь покровителей рода тайлаганов, само участие в которых обусловлено родством (Строганова, 2001: 114); с обращением к самым древним из распространенным на территории этнической Бурятии религиозным системам — тэнгрианству и шаманизму. Возвращение к ним

обретает смысл противостояния переменам, «сотрясающим весь мир и постсоветское пространство» (Тендрякова, 2008: 157), является попыткой обретения уверенности в себе через обращение к корням. Стоит также отметить, что эффективность антирелигиозной политики советских властей, имеющей общую направленность против православия, шаманизма, буддизма, в итоге имела разную степень: наиболее «живучим» оказался шаманизм. Е. А. Строганова усматривает причину такого развития событий в сохранившейся традиции устной передачи информации (Строганова, 2001: 46) — родословной, преданий, обычаев и обрядов. Возможно, впрочем, что жизнеспособность шаманизма и его лучшая сохранность в условиях кризиса объясняется его архаичностью, большей, в сравнении с буддизмом или христианством, древностью, более длительным бытованием в бурятском обществе, способностью приспосабливаться к любым окружающим условиям.

Возрождение родоплеменной идентификации тесно связано со стремлением сохранить родной язык — язык, на котором говорили предки-сородичи. «На родном языке нужно читать наследие своих предков, петь песни. А главное для каждого состоит в том, что после смерти нас ожидает встреча с предками, и без знания языка они не признают. Если будешь говорить с ними не на родном языке, то с тобой будет другой разговор», — рассуждает Б. Э. Мункожаргалов (Мункожаргалов, 2015: Электр. ресурс). И в том числе поэтому в системе ценностей этнофора «языку рода» или определенному диалекту, зачастую принадлежит более высокое место в сравнении с современным бурятским литературным языком, и в том числе поэтому бурятский до сих пор не стал обязательным языком изучения в республике. Появление газеты «Нютаг хэлэн / Диалекты» (гл. ред. — доктор социологических наук Ц. Ц. Чойропов) в октябре 2015 г. и «Буряад арадай радио» (вещающего на диалектах) в августе 2016 г. — «вершина айсберга» сложной проблемы, по которой изложить весь спектр взглядов не представляется возможным в рамках настоящей статьи. Разрешить вопрос отсутствия полного взаимопонимания между носителями различных диалектов возможно путем обращения к старомонгольской письменности, преподавание которой ведется в Улан-Удэ для широкого круга слушателей с 1 декабря 2016 г. Но письменно зафиксировать фонетическое своеобразие бурятского литературного языка и его диалектов способна только кириллица.

Обострение традиционного самосознания (и актуализация идентификации с родом как его частный случай) служит естественным ответом на

тенденцию восприятия мира как «единого целого» (Хантингтон, 2003: 94), на вызовы глобализации. Как отмечает проф. В. В. Карлов, «вместе с прощупыванием путей ослабления и деструкции традиции и сообщества со стороны идеологов глобализма в его нынешних формах, можно наблюдать и противоположные феномены: поиск и прощупывание путей сохранения и воспроизводства этнокультурной специфики в формах, присущих уже не традиционным культурам, но современному миру» (Карлов, 2016: 29). Возрождение родоплеменной идентификации и является, на наш взгляд, одним из таких путей.

С переходом от традиционного общества (с его привязанностью индивида к роду, общине) к современному обществу, при резком возрастании степени свободы личности, человек теряет былую защищенность (Умбеталиева, 2003: Электр. ресурс). С возвращением ощущения принадлежности к роду возвращается и чувство безопасности. Однако дело не столько в переходе от одного типа общества к другому, сколько в вызванном распадом СССР и связанной с ним девальвацией ценностей состоянии социального кризиса: ведь потребность в поведенческих ориентирах сохранилась и после распада Советского союза. Обостренное восприятие собственной этнической (и субэтнической) принадлежности явилось одним из выходов из сложившейся ситуации (Амоголонова, Елаева, Скрынникова, 2005; Строганова, 2001: 57–58). В своем докладе на XI Конгрессе антропологов и этнологов России в августе 2015 г., посвященном современному трайбализму народов Центральной Азии, А. Р. Вежбицки высказал также мысль о том, что существующие нынче родоплеменные связи помогают заменить проводимую ранее социальную политику на постсоветском пространстве.

Заключение

В свете вышеизложенного, объяснение наличия родового уровня идентификации незавершенностью процесса консолидации бурятской нации представляется нам не совсем верным. Существование подобных логических построений свидетельствует о терминологической неопределенности, существующей в российской науке: о том, что такое нация, ученые между собой еще до конца не договорились, однако (в большинстве своем) сходятся в том, что это — термин скорее политический, нежели этнический. К тому же, актуальная некогда задача консолидации бурятской нации на повестке дня не стоит. Напротив, начало третьего тысячелетия

характеризует проводимая на государственном уровне деполитизация этничности. С ней связан процесс укрупнения регионов России, болезненно воспринятый в Бурятии. Именно в рамках этого процесса после проведения референдумов были упразднены Усть-Ордынский (1 января 2008 г.) и Агинский (1 марта 2008 г.) бурятские автономные округа.

Полагаем, что родоплеменной и национальный уровни идентификации существуют в разных плоскостях, играют разные роли в жизни общества и не конфликтуют друг с другом. Однако этническая и гражданская идентификация тесно взаимосвязаны. С точки зрения проф. А. Р. Вежбицки, высказанной им в уже упомянутом нами докладе, для достижения общегражданской консолидации сначала необходимо достичь консолидации общезтнической, то есть, того состояния, при котором, к примеру, жузовое самосознание казахов не мешает осознанию общеказахского единства. При этом жузовое самосознание не должно вытесняться осознанием принадлежности к казахам. Речь идет лишь о деполитизации жузового самосознания. Для успешной (то есть, более частой) актуализации гражданской идентичности ни размывания этнической идентичности гражданской, ни конфликта между гражданской и этнической идентичностью возникать не должно. Напротив, «в качестве необходимой базы гражданской идентичности и солидарности следует рассматривать сохранение и развитие этнической идентичности, этнокультурной преемственности, межпоколенной трансляции духовно-нравственных ценностей» (Уварова, 2016: 298), то есть, этническая идентичность рассматривается как основа гражданской.

Взаимоотношения между различными субэтническими подразделениями не выходят на уровень межнациональных отношений (это вопрос внутринациональный); их развитие не ведет к возрастанию межэтнической напряженности в регионе. Они менее зависимы от управленческих рычагов и менее подвержены «политическому конструированию»; контролировать их развитие достаточно сложно. Наличие субэтнической (родоплеменной) идентификации в сознании современных бурят не препятствует ни осознанию общепурятского этнического единства, ни формированию общероссийской гражданской идентичности, которое сегодня можно считать одной из главных задач национальной политики федерального уровня (в ноябре 2016 г. комитет Государственной Думы по делам национальностей приступил к разработке концепции законопроекта о российской нации). Востребованность идентификации с родом в этнической Бурятии обусловлена теми функциями, которые она выпол-

няет. Поэтому, скорее всего, в обозримом будущем наличие родового самосознания останется отличительной характеристикой бурятской этнической общности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амоголонова, Д. Д., Елаева, И. Э., Скрынникова, Т. Д. (2005) Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (постсоветский период). Иркутск: РПЦ «Радян». 246 с.

Антонов, В. И., Очирова, О. А. (2003) Современные буряты как этносоциальная общность: некоторые особенности идентификационного процесса // Культура и менталитет населения Сибири: Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Арутюнов, С. А. (1989) Фантом безэтничности // Расы и народы : Современные этнические и расовые проблемы: Ежегодник / отв. ред. С. И. Брук. Вып. 19. М.: Наука. С.22–24.

Асалханов, И. А. (1963) Социально-экономическое развитие Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 493 с.

Балдаев, С. П. (1961) Материалы к изучению родовых и племенных отношений у бурят // Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. 255 с. 77–109.

Балдаев, С. П. (1970) Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты и эхири-ты. Улан-Удэ, 1970. 362 с. [Электронный ресурс] // Иркипедия. Энциклопедия и новости Приангарья. URL: <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/baldaev-predanija-buryat.pdf> (дата обращения: 12.01.2017).

Буряты (2004) / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука. 633 с.

Головнев, А. В. (2015) Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН. 592 с.

Дагбаев, Э. Д. (2010) Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник Бурятского государственного университета. № 6. С. 134–141.

Доржиев, Б. Ш. (2005) Из истории бурятских родоплеменных образований Прибайкалья // Актуальные проблемы истории и культуры народов азиатско-тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 26 апреля 2005 г. / науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд.полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ. С. 396–404.

Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература. 274 с.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (1995) / отв. ред. Л.М. Дамешек. М.: Прогресс. 544 с.

Карлов, В.В. (2016) Этнос и глобализация: унификация или рост многообразия культур? // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и

трансграничье: коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России, 2–5 июля 2015 года / под ред. В. В. Карлова, Е.А.Окладниковой. М.–Берлин: Директ-Медиа. 316 с. С. 5–30.

Крадин, Н. Н. (2014) Трансформация скотоводческого хозяйства у агинских бурят в начале XXI века: сравнительный анализ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3 (76). С. 205–214.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: Тувинский феномен / Предисл. В. Г. Федотовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.

Мункожаргалов, Б. Э. (2015) Пока мы спорим о диалектах, язык умирает [Электронный ресурс] // Новая Бурятия. 25 июня. URL: <http://www.newbur.ru/articles/21574> (дата обращения: 12.01.2017).

Павлинская, Л. Р. (1996) Ещё раз об этнической истории байкальского региона // Сибирь: древние этносы и их культуры / отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН. 198с. С. 62–96.

Петри, Б. Э. (1924) Элементы родовой связи у северных бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. Отд. Рус. Геогр. О-ва.

Попков, Ю. В. (2016) Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: 12.01.2017).

Строганова, Е. А. (2001) Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х — середина 90-х годов XX века, Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис. 150 с.

Тендрякова, М. В. (2008) Тэнгрианство: от государственной религии к забытым культам // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: Восточная литература. 319 с. С. 133–158.

Трегубова, Д. Д. (2009) Место и роль родоплеменной идентификации в сознании современных бурят // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 1. С. 77–82.

Трегубова, Д. Д. (2011) Субэтнические группы бурят в прошлом и настоящем : дисс. ... канд. ист. н. М. 180 с.

Уварова, Т. Б. (2015) Современные формы презентации этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.) / отв. ред. В. А. Тишков, А.В.Головнев. М. ; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиАУрО РАН. 504 с. С. 216–217.

Уварова, Т. Б. (2016) Этническая идентичность в системе жизненных ценностей коренных малочисленных народов Севера и Сибири // Этнокультурное воспроизводство в условиях глобализации: этноперекрестки и трансграничье: коллективная монография по материалам XI Конгресса антропологов и этнологов России, 2–5 июля 2015 года / под ред. В. В. Карлова, Е. А. Окладниковой. М.–Берлин: Директ-Медиа. 316 с. С. 296–315.

Умбеталиева, Т. Б. (2003) Трайбализм в Казахстане. Родоплеменная дифференциация — основа политической системы [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. 3 января. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (дата обращения: 12.01.2017).

«Устав об инородцах» М. М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири XVII—XX вв. (1994) // Законодательные акты Российской империи: сб. документов / сост. и автор предисловия Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Ак-Чечек. 74 с.

Хантингтон, С. (2003) Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю.Новикова. М. : ООО «Издательство АСТ». 603, [5] с.

Монгол уламжлалт ахуй амьдралын товч толь (хөхзул) (1992). Улаанбаатар хот: «ЕсөнЭрдэнэ» хэвлэлийн хоршоо. (На монг. яз.).

Дата поступления: 02.02.2017 г.

REFERENCES

Amogolonova, D. D., Elaeva, I. E. and Skrynnikova, T. D. (2005) *Buriatskaia etnichnost' v kontekste sotsiokul'turnoi modernizatsii (postsovetskii period)*. Irkutsk, RPTs «Radian». 246 p. (In Russ.).

Antonov, V. I. and Ochirova, O. A. (2003) *Sovremennye buriaty kak etnosotsial'naiia obshchnost': nekotorye osobennosti identifikatsionnogo protsessa*. In: *Kul'tura i mentalitet naseleniia Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, ed. A.O.Boronoev. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU. (In Russ.).

Arutiunov, S. A. (1989) *Fantom bezetnichnosti*. In: *Rasy i narody: Sovremennye etnicheskie i rasovye problemy*: Ezhegodnik, ed. S. I. Bruk. Vol. 19. Moscow, Nauka. Pp. 22–24. (In Russ.).

Asalkhanov, I. A. (1963) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* Ulan-Ude, Buriat. kn. izd-vo. 493 p. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1961) *Materialy k izucheniiu rodovykh i plemennykh otnoshenii u buriat*. In: Baldaev S. P. *Izbrannoe*. Ulan-Ude, Buriat. kn. izd-vo. 255 p. Pp. 77–109. (In Russ.).

Baldaev, S. P. (1970) *Rodoslovnye predaniia i legendy buriat*. Ch.1. Bulagaty i ekhirty. Ulan-Ude, 1970. 362 s. *Irkipediia. Entsiklopediia i novosti Priangar'ia* [online] Available at: <http://irkipedia.ru/sites/default/files/pdf/automat/baldaev-predaniia-buryat.pdf> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

Buriaty (2004), ed. L. L. Abaeva and N. L. Zhukovskaia. Moscow, Nauka. 633 p. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2015) *Fenomen kolonizatsii*. Ekaterinburg, UrO RAN. 592 p. (In Russ.).

Dagbaev, E. D. (2010) *Buriatskaia etnicheskaia identichnost': mezhdru traditsiei i modernizatsiei*. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 134–141. (In Russ.).

Dorzhiiev, B. Sh. (2005) *Iz istorii buriatskikh rodoplemennykh obrazovaniia Pribaikal'ia*. In: *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury narodov aziatsko-tikhookeanskogo regiona: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Ulan-Ude, 26 apreilia 2005 g.*, ed. B. V. Bazarov. UlanUde, Izd.poligraf. kompleks FGOU VPO VSGAKI. Pp. 396–404. (In Russ.).

Zhukovskaia, N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika*. Moscow, Vostochnaia literatura. 274 p. (In Russ.).

Istoriia Ust'-Ordynskogo Buriatskogo avtonomnogo okruga (1995), ed. L. M. Dameshek. Moscow, Progress. 544 p. (In Russ.).

Karlov, V. V. (2016) Etnosy i globalizatsiia: unifikatsiia ili rost mnogoobraziia kul'tur? In: *Etnokul'turnoe vosproizvodstvo v usloviakh globalizatsii: etnoperekrestki i transgranich'e: kollektivnaia monografiia po materialam XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii, 2–5 iiulia 2015 goda*, ed. V. V. Karlov and E. A. Okladnikova. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 316 p. Pp. 5–30. (In Russ.).

Kradin N. N. (2014) Transformatsiia skotovodcheskogo khoziaistva u aginskikh buriat v nachale XXI veka: sravnitel'nyi analiz. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*, no. 3 (76), pp. 205–214. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva: Tuvinskii fenomen*. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 272 p. (In Russ.).

Munkozhargalov, B. E. (2015) Poka my sporim o dialktakh, iazyk umiraet. *Novaia Buriatiia*, 25 June [online] Available at: <http://www.newbur.ru/articles/21574> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

Pavlinskaia, L. R. (1996) Eshche raz ob etnicheskoi istorii baikal'skogo regiona. In: *Sibir': drevnie etnosy i ikh kul'tury*, ed. L. R. Pavlinskaia. St. Petersburg, MAE RAN. 198 p. Pp. 62–96. (In Russ.).

Petri, B. E. (1924) *Elementy rodovoi sviazi u severnykh buriat*. Irkutsk, Vost.-Sib. Otd. Rus. Geogr. O-va. (In Russ.).

Popkov, Iu. V. (2016) Ethnosocial processes in Siberia: Topical issues of theory and practice. *The New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

Stroganova, E. A. (2001) *Buriatskoe natsional'no-kul'turnoe vozrozhdenie (konets 80-kh — seredina 90-kh godov XX veka, Respublika Buriatiia)*. Moscow, Irkutsk, Natalis. 150 p. (In Russ.).

Tendriakova, M. V. (2008) Tengrianstvo: ot gosudarstvennoi religii k zabytym kul'tam. In: *Religiia v istorii i kul'ture mongoloiazychnykh narodov Rossii*, comp., ed. N. L. Zhukovskaia. Moscow, Vostochnaia literatura. 319 p. Pp. 133–158. (In Russ.).

Tregubova, D. D. (2009) Mesto i rol' rodoplemennoi identifikatsii v soznanii sovremennykh buriat. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, issue 8, *Istoriia*, no. 1, pp. 77–82. (In Russ.).

Tregubova D. D. (2011) *Subetnicheskie grupy buriat v proshlom i nastoiashchem* : Diss. ... Candidate of History. Moscow. 180 p. (In Russ.).

Uvarova, T. B. (2015) Sovremennye formy prezentatsii etnicheskoi identichnosti korennykh malochislennykh narodov Severa. In: *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov (Ekaterinburg, 2–5 iiulia 2015 g.)*, ed. V. A. Tishkov and A. V. Golovnev. Moscow, Ekaterinburg, IEA RAN, IIAUrO RAN. 504 p. Pp. 216–217. (In Russ.).

Uvarova T. B. (2016) Etnicheskaiia identichnost' v sisteme zhiznennykh tsennostei korennykh malochislennykh narodov Severa i Sibiri. In: *Etnokul'turnoe vosproizvodstvo v usloviakh globalizatsii: etnoperekrestki i transgranich'e: kollektivnaia monografiia po*

materialam XI Kongressa antropologov i etnologov Rossii, 2–5 iulia 2015 goda, ed. V. V. Karlov and E. A. Okladnikova. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 316 p. Pp. 296–315. (In Russ.).

Umbetalieva, T. B. (2003) Traibalizm v Kazakhstane. Rodoplemennaia differentsiatsiia — osnova politicheskoi sistemy. *TsentrAziia*, 3 January [online] Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (access date: 12.01.2017). (In Russ.).

«Ustav ob inorodtsakh» M. M. Speranskogo i zemel'naia politika Rossiiskoi imperii v Sibiri XVII—XX vv. (1994). In: *Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii: Sb. Dokumentov*, comp. F. A. Satlaev. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek. 74 p. (In Russ.).

Huntington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii*, transl. by Engl. by T. Velimeeva. Iu. Novikova. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST». 603, [5] p. (In Russ.).

Mongol ulamzhalt akhui am'dralyn tovch tol' (khøkhzul) (1992). Ulaanbaatar khot: «EsenErdene» khevleliin khorshoo. (In Mong.).

Submission date: 02.02.2017.

Для цитирования:

Трегубова Д. Д. Буряты в субэтническом измерении (особенности этнической идентификации) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/700> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.8

For citation:

Tregubova, D. D. The sub-ethnic aspects of the Buryats: the issues of ethnic self-identification. *New Research of Tuva*. 2017, no.1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/700> (access date: dd.mm.yy). DOI: 10.25178/nit.2017.1.8

DOI: 10.25178/nit.2017.1.9

СУБЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ АЛТАЙЦЕВ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И СИМВОЛЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

SUB-ETHNIC GROUPS OF THE ALTAI PEOPLE: CONTRADICTIONS AND SYMBOLS OF A COLLECTIVE IDENTITY

Аржана П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения
Российской академии наук

Arzhana P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography,
Siberian branch,
Russian Academy of Sciences

В представленной статье рассматриваются современные этнические процессы, протекающие в среде алтайского этноса и его субэтнических групп. Дается краткий обзор содержания наиболее фундаментальных концепций классификации внутриэтнической структуры алтайцев в отечественной науке. Отмечается, что проблема этнической классификации коренного населения Алтая стала разрабатываться в этнографической науке с XIX в., но до настоящего времени остается дискуссионной.

Актуализация проблемы внутриэтнической структуры алтайцев в постсоветский период связана с наделением его субэтнических групп статусом коренных малочисленных народов. Факт обретения правового статуса позволяет думать, что произошло конституирование новых этносов. Однако концепция распада алтайского этноса непродуктивна для целостного осмысления его современного развития, поскольку внутри этноса наблюдаются и объединительные этнические процессы.

Путем анализа материалов двух всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.) и этносоциологических исследований, проведенных в Республике Алтай с 2004 по 2016 гг. автор раскрывает современную этническую идентичность алтайских

The article examines contemporary ethnic processes in the Altai ethnicity and its sub-ethnic groups. We provide an overview of the most fundamental concepts of intraethnic structure of the Altai people as advanced by Russian researchers. Although the issue of ethnic classification of the indigenous people of the Altai has been discussed in ethnography since the

19th century, it still remains a moot point among researchers.

In the post-Soviet period, this issue became still more urgent as the sub-ethnic groups of the Altai people were officially recognized as Protected indigenous minorities. This new legal status seems to suggest that the unified ethnicity of the Altai has collapsed, but such a concept does not allow to take a wide look at how the Altai people is developing, since the centrifugal tendencies are also accompanied by constitutive ethnic tendencies.

Having analyzed the data of two federal censuses

Чемчиева Аржана Петровна — кандидат философских наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17. Тел.: +7 (913) 903-71-45. Эл. адрес: chemchieva@gmail.com

Chemchieva Arzhana Petrovna, Candidate of Philosophy, Research Fellow, Department of Ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 17 Prospekt Akademika Lavrientieva, 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: Тел.: +7 (913) 903-71-45. E-mail: chemchieva@gmail.com

субэтносов и важнейшие символы коллективной идентичности алтайцев: историческая территория, язык, культура, общие корни, общая историческая судьба.

Обосновывается мнение, что современные этнические процессы (как разделительные, так и объединительные) в среде алтайского этноса являются частью процесса самоопределения алтайских субэтносов. Указывается, что самоопределение алтайских субэтнических групп происходило в двух параллельных плоскостях: политической и этнической. В то же время политическое и этническое самоопределение алтайских субэтносов не были тождественны друг другу. Именно поэтому в настоящее время многие представители алтайских субэтнических групп, обладая политической идентичностью коренного малочисленного народа, продолжают считать себя частью как своей этнической группы, так и алтайского этноса в целом.

Ключевые слова: алтайцы; кумандинцы; тубалары; челканцы; теленгиты; телеуты; субэтнические группы; субэтносы; символ; идентичность; Республика Алтай

(2002, 2010) and those of ethnosociological studies held in the Republic of Altai in 2004-2016, we describe the contemporary ethnic identities of subethnicities of the Altai people, with a focus on the key symbols of their collective identity: historical territory, language, culture, common roots and historical destinies.

We argue that the contemporary ethnic trends among the Altai people – both constitutive and divisive – form a part of a larger process of self-determination among the sub-ethnicities of the Altai. This self-determination happens simultaneously on the planes of the political and the ethnic. At the same time, these two types of self-determination are not identical, and this is why many people in the Altai sub-ethnicities, while possessing a political identity of a protected indigenous minority, continue to self-identify as both belonging to an ethnic sub-group and the Altai ethnicity in general.

Keywords: Altai people; Kumandin; Tubalar; Chelkans; Telengit; Teleut; sub-ethnic groups; sub-ethnicities; symbol; identity; Republic of Altai

Введение

Большинство современных этносов не представляют собой монолитных образований. В составе почти каждого более или менее крупного этноса можно выделить субэтнические группы, между которыми имеются определенные культурные, языковые и антропологические различия. В этом аспекте не является исключением и алтайский этнос.

Целью данной статьи является исследование современных этнических процессов, протекающих в среде алтайского этноса и его субэтнических групп. В соответствии с поставленной целью в статье сформулированы следующие задачи: рассмотреть альтернативные концепции внутриэтнической структуры алтайского этноса в отечественной науке, представить ориентиры этнополитической мобилизации алтайских субэтносов в постсоветский период, охарактеризовать этническую идентичность алтайских субэтносов по итогам всероссийских переписей населения, представить мнение населения о наличии общеалтайской идентичности, раскрыть символы коллективной идентичности алтайцев, обосновать процесс самоопределения алтайских субэтносов.

Аналитический обзор основывается на материалах двух всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.) и этносоциологических исследований, проведенных автором в Республике Алтай с 2004 по 2016 гг.

Альтернативные концепции структуры алтайского этноса

Проблема этнической классификации коренного населения Алтая стала разрабатываться в этнографической науке еще с XIX в. Этническая характеристика населения региона нашла отражение в трудах таких исследователей, как Г.И.Спасский (Спасский, 1819, 1821), А. М. Горохов (Горохов, 1840), Г. П. Гельмерсен (Гельмерсен, 1840), П. А. Чихачев (Чихачев, 1974), Г. Н. Потанин (Потанин, 1883), В.В. Радлов (Радлов, 1989), В. И. Вербицкий (Вербицкий, 1993), Н.А. Аристов (Аристов, 1896), А. Калачев (Калачев, 1896), С. П. Швецов (Швецов, 1900). В советское и постсоветское время эта тема получила развитие в трудах С.А.Токарева (Токарев, 1936), Н. П. Дыренковой (Дыренкова, 1940), Л. П. Потапова (Потапов, 1969), П. Е. Тадыева (Тадыев, 1964), Г. П. Самаева (Самаев, 1991; 1996), Л.И.Шерстовой (Шерстова, 2005), В. Я. Кыдыевой (Кыдыева, 2008), С. П. Тюхтеневой (Тюхтенева, 2011), Н. В. Екеева (Екеев, 2013).

К настоящему времени исследователями выработано несколько концепций классификации внутриэтнической структуры алтайцев. Основные различия между этими концепциями в основном состоят в особенностях интерпретации авторами состава алтайских субэтнических групп, критериев их выделения и времени их консолидации. При этом следует отметить, что эти концепции при всем их различии дополняют друг друга в некоторых аспектах. Рассмотрим лишь некоторые наиболее фундаментальные концепции.

Концепция В. И. Вербицкого

Одной из первых концепций, сложившихся еще в дореволюционный период нашей истории, является концепция разделения алтайцев на две группы — «северных алтайцев» и «южных алтайцев». Впервые разделение алтайцев по географическому признаку было предложено миссионером В. И. Вербицким, который долго жил среди алтайцев и владел алтайским языком. В своей этнографической работе «Алтайцы» (1870 г.), посмертно переизданной под названием «Алтайские инородцы» (1893 г.) В.И.Вербицкий отнес к южным алтайцам следующие «племена» (термин В.И.Вербицкого): алтайские калмыки (современные алтай-кижи. — А. Ч.), калмыки-двоеданцы (урянхай) (современные теленгиты. — А.Ч.), телеуты. К северным алтайцам В. И. Вербицкий отнес всех жителей северной части Алтая под общим наименованием «черневые татары» (Вербицкий, 1993:

19–21). В своем труде В. И. Вербицкий акцентировал внимание на различиях в формах хозяйствования северных и южных групп алтайцев: южные алтайцы являлись скотоводами, а северные преимущественно занимались рыболовством, охотой, пчеловодством. Язык алтайцев В. И. Вербицкий отнес к тюркскому языку, но выделил в нем северное и южное наречия.

В русле данной концепции следует также рассмотреть работу выдающегося ученого-востоковеда В. В. Радлова «Aus Sibirien» («Из Сибири») (1884г.). В данной работе В. В. Радлов подразделяет коренное население Алтая на «татар Северного Алтая» и «собственно алтайских татар». Эта работа примечательна тем, что В. В. Радлов среди жителей Северного (Северо-Восточного) Алтая выделил четыре группы — кумандинцы, лебединские татары (современные челканцы. — А. Ч.), черневые татары (современные тубалары. — А. Ч.), шорцы. Под собственно алтайскими татарами В. В. Радлов объединил алтайцев и телеутов. К алтайцам В. В. Радлов причислил две группы: 1) с самоназванием «алтай кижы» (люди с Алтая), именовавшейся русскими «алтайскими горными калмыками»; 2) с самоназванием «чу кижы» (люди с Чуи), именовавшейся русскими «двоеданцами»¹. При этом В. В. Радлов отмечал, что двоеданцы, живущие на р. Чуе, называют себя «теленгит», на р. Башкаусе — «улан», на р. Чолышмане — «тёлёс». По языку алтайских калмыков и двоеданцев В. В. Радлов заключил, что они уже давно составляют компактное целое. В. В. Радлов отмечал, что в языковом отношении к алтайцам очень близки телеуты, обладавшие самоназванием «теленгет» или «кара калмак» и проживавшие в Кузнецком округе (ныне Кемеровская область. — А. Ч.) (Радлов, 1989: 92–96).

Концепция Л. П. Потапова

В советское время классификация внутриэтнической структуры алтайцев получила более четкое оформление. Известный ученый-этнограф Л.П.Потапов в 1950–1960-х гг. обосновал концепцию этнической многокомпонентности структуры алтайского народа. Фундаментальным трудом по данному концепту стала его работа «Этнический состав и происхождение алтайцев» (Потапов, 1969). Л. П. Потапов в своей работе придерживался сформулированной В. И. Вербицким концепции разделения алтайцев

¹ Речь идет о жителях Алтая, находившихся в конце XVIII — начале XIX веков под двойным протекторатом России и Китая. Неопределенность их статусного положения закончилась в 1864 г. с принятием российского подданства.

на северную и южную группы. Описывая этнический состав алтайцев к началу XX в. Л. П. Потапов относил к северным алтайцам следующие четыре «родо-племенные группы» (термин Л. П. Потапова): тубалары, челканцы, кумандинцы, шорцы. К южным алтайцам ученый отнес еще четыре группы: теленгиты (включая «чу-кижи»), алтай-кижи (включая «майма-кижи»), телёсы (включая «улаан-кижи»), телеуты (там же: 21–22).

Л. П. Потапов утверждал, что до периода социализма между северными и южными алтайцами существовали резкие различия в культуре и быте, по языку и в антропологическом типе, свидетельствующие о различном этническом происхождении и различной истории культуры южных и северных алтайцев (там же: 17). Л. П. Потапов был убежден, что до Октябрьской революции алтайцы не составляли единой народности и не имели общего самоназвания. Однако за советский период истории, по мнению Л.П. Потапова, под влиянием новых общественно-экономических процессов, алтайцы консолидировались в единый народ и у них появилось общее и единое национальное самосознание (там же: 14).

Следует отметить, что в советскую эпоху стирание этнических и культурных различий народов было важным пунктом господствующей идеологии, постулировавшей сближение наций под воздействием ликвидации социально-классовых противоречий. В этой связи в советской этнографической науке формирование алтайского народа стало рассматриваться в качестве одного из наиболее ярких примеров межэтнической консолидации. Это все, в конечном итоге, способствовало принятию теории консолидации алтайского народа за основу при изучении этнических и этногенетических процессов в среде коренного населения Алтая и ее развитию в трудах советских исследователей.

Концепция Л. П. Потапова об этнической многокомпонентности структуры алтайского народа была ведущей вплоть до начала перестройки. Впрочем, некоторые положения концепции в советские годы были пересмотрены. Так, историк П. Е. Тадыев выступил против выделения телёсов в отдельную группу и включения шорцев в состав алтайцев (Тадыев, 1964: 3–4). Знаменитый тюрколог Н.А.Баскаков обосновал наличие в алтайском языке диалектов, объединяющихся в две группы — северную и южную. Н.А. Баскаков указывал, что в диалектах северных алтайцев преобладают уйгуро-огузские, а в диалектах южных алтайцев — киргизско-кыпчакские компоненты тюркских языков. Исходя из лингвистической классификации, Н. А. Баскаков выделял две этнические группы алтайцев: северные

алтайцы в составе кумандинцев, тубаларов, челканцев и южные алтайцы — алтай-кижи, теленгитов и телеутов (Баскаков, 1958: 29).

Концепция Г. П. Самаева

В начале 1990-х гг. в российской науке в связи с уменьшением идеологического давления и контроля, расширением возможностей для изложения и отстаивания оппозиционных точек зрения развернулся процесс коррекции и пересмотра устоявшихся теорий. В эти годы концепция Л.П.Потапова была подвергнута критике историком Г. П. Самаевым. Г.П.Самаев обратил внимание на то, что представления об этногенезе алтайцев сложились в исторической литературе на основе выводов, базирующихся, главным образом, на этнографических материалах конца XIX — начала XX в. (Самаев, 1991: 23).

Сам Г. П. Самаев обратился к архивным источникам XVII–XVIII вв. и сопоставил их с этнографическими данными. В результате Г. П. Самаев пришел к выводу о несостоятельности представлений о разделении алтайцев в XVII–XIX вв. на множество разрозненных этнических групп. Г. П. Самаев утверждает, что южные алтайцы в прошлом составляли единую народность с самоназванием «теленгит». При этом теленгиты подразделялись на три основные части. Центральная группа называлась алтай-теленгитами или просто алтайцами. От них ведет свое происхождение основная масса современного алтайского народа. Восточные теленгиты были предками современных алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов (бывшие двоеданцы. — А.Ч.). За северо-западной группой теленгитов в научной литературе закрепилось название «телеуты». Сами они называли себя теленгитами или ак-теленгитами. Малочисленные потомки ак-теленгитов сохранились ныне на западе Кемеровской области. Что касается северных алтайцев, то Г. П. Самаев убежден, что они были близки к теленгитам по языку и происхождению, но не составляли единой общности и состояли из трех близкородственных малочисленных этнических групп: тубаларов, кумандинцев и челканцев (Самаев, 1996: 5).

Концепция Л. И. Шерстовой

Концепция Г. П. Самаева о едином теленгитском этносе частично перекликается с исследованиями этнографа Л. И. Шерстовой (Шерстова, 2005).

По данным Л. И. Шерстовой до джунгаро-китайской войны (1755–1759 гг.) обитатели юго-восточного Алтая составляли этнически целостное образование с жителями западной и центральной его частей, следствием чего являлось употребление теми и другими самоназвания «теленгит». Со временем в среде алтайцев стал развиваться процесс этнического обособления. Этнической дифференциации алтайцев поспособствовал политический фактор, а именно то, что первая группа алтайских аборигенов (кан-каракольцы), перейдя в 1756 г. в российское подданство, так и осталась в сфере фактической юрисдикции России. Вторая же группа обрела и надолго сохранила статус двоеданцев и, обитая в непосредственной близости от китайских пограничных постов, платила подати и Петербургу, и Пекину.

В итоге, по мнению Л. И. Шерстовой, к середине XIX в. в Южном Алтае обозначились два местных очага и направления этногенеза: Катунский левобережный и юго-восточный (Чуйский). Чуйцы в конце концов удержали за собой былой общий этноним «теленгит», а западные алтайцы закрепили за своей общностью новый этноним «алтай-кижи» и в начале XX в. для этнической самоидентификации они уже повсеместно пользовались только им (там же: 203).

Л. И. Шерстова выразила несогласие с утверждением Г. П. Самаева о близости к теленгитскому этносу кумандинцев, тубаларов и челканцев. По ее мнению, основная масса североалтайских тюрков к началу XX в. продолжала пребывать в этнически аморфном состоянии, и лишь административные границы обеспечивали некоторое обособление отдельных групп. Выделение кумандинцев, тубаларов, челканцев в качестве особых этносов произошло, по мнению Л.И.Шерстовой, чисто произвольным путем, когда в практику была механически перенесена научная этнолингвистическая классификация В. В. Радлова — так же, как в случае с шорцами. Североалтайские тюрки слабо сознавали свою этнографическую специфику, а их родовое сознание размывалось русификацией и сохранением исторической памяти о близком родстве всех общностей Обь-Енисейского верхнего междуречья. Л. И. Шерстова утверждает, что северные алтайцы: челканцы, кумандинцы, тубалары, по всем этнопоказательным характеристикам вплоть до языка, этногенеза, исторических взаимоотношений с Россией более тяготели к Шории, Хакасии, Нижней Томи (там же: 208).

Л. И. Шерстова полагает, что к началу XX в. в горах Алтая, в силу благоприятного стечения внутренних и внешних обстоятельств, эндогенные процессы привели к формированию довольно многочисленного этноса

алтай-кижи в виде этноконфессиональной общности с четкой этнической самоидентификацией. По мнению ученого, у алтай-кижи, этническое (этноконфессиональное) самосознание оформилось под влиянием эндогенной национальной религии (бурханизм), которая окончательно выделила его из родственного по прочим параметрам теленгитского окружения и жестко противопоставила всем иноэтничным соседям (там же: 214). Впоследствии, по мнению Л. И. Шерстовой, алтай-кижи, будучи этнически более монолитными, «притянули» к себе аморфные общности Северного Алтая и теленгитов. (там же: 269).

Этнополитическая мобилизация алтайских субэтносов в постсоветский период

Рассмотренные концепции этнической классификации коренного населения Алтая показывают, что в основе их лежат традиции отечественной науки и совокупные усилия многих ученых. Теоретические обобщения исследователей опираются на серьезные методологические идеи и обширные архивные источники. Тем не менее, несмотря на значительное количество исследовательских работ, по данной теме есть еще много дискуссионного, неустоявшегося, нуждающегося в дальнейшем изучении и обсуждении.

К дальнейшему исследованию проблемных вопросов этнической классификации алтайцев располагают и происходящие в наши дни в Республике Алтай этнополитические процессы. С начала 1990-х гг. в развитии алтайцев под влиянием демократических преобразований в стране стали наблюдаться новые тенденции, которые подвергли сомнению теорию консолидации алтайского этноса.

В эти годы происходит рост этнического самосознания алтайцев, их этнополитическая мобилизация вокруг идеи национально-культурного возрождения. Одновременно актуализировалось субэтническое самосознание северных алтайцев. Представители кумандинцев, тубаларов и челканцев акцентировали внимание на тяжелом положении своих этнических групп и указывали, что в северных районах исчезло много алтайских сел, что стремительно угасает их традиционная культура и развивается процесс ассимиляции, что вследствие бездумного уничтожения леспромхозами кедровой тайги возникли острейшие экологические проблемы. В этой связи северные алтайцы выдвинули программы по сохранению культурного своеобразия и выступили за признание их исчезающими народами.

В 1993 г. кумандинцы, проживающие в Алтайском крае, и телеуты, проживающие в Кемеровской области, добились отнесения своих этнических групп к малочисленным народам Севера. Позднее в 2000 г. кумандинцы и телеуты были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Наряду с ними в этот список были включены и тубалары, челканцы, теленгиты. При этом если тубалары и челканцы оказались в рассматриваемом перечне вполне закономерно, путем демократических процедур, то теленгиты оказались в перечне совершенно неожиданно.

Решение о включении теленгитов в реестр малочисленных народов было принято кулуарно в правительственных кругах республики. Этнограф С. П. Тюхтенева полагает, что поводом для принятия властями республики такого решения, послужило, вероятно то, что в 1992 г. территории проживания теленгитов — Кош-Агачский и Улаганский районы (с экстремальными условиями для жизнедеятельности) были приравнены к районам Крайнего Севера. По мнению С.П. Тюхтеновой, в тот период, это решение властей республики было понятно и объяснимо: они стремились обеспечить приемлемый уровень жизни для населения в сложных социально-экономических условиях «переходного» периода (Тюхтенева, 2011: 43–44).

Включение теленгитов в Единый перечень коренных малочисленных народов стало для них неожиданностью. Оправившись от вызванного известием ошеломления, теленгиты созвали свои курултаи. Общее мнение участников данных курултаев было таково, что теленгиты не отделяют себя от алтайского народа, что алтайцы — это единый этнос. Также прозвучало предложение именовать себя по примеру соседей тувинцев-тоджинцев алтайцами-теленгитами. В то же время представители теленгитов высказались за то, что необходимо воспользоваться появившимися возможностями и участвовать в федеральных программах для развития культуры и языка теленгитов (Чемчиева, 2012: 48).

Этническая идентичность алтайских субэтносов по итогам переписей населения

Факт обретения алтайскими субэтническими группами правового статуса коренных малочисленных народов позволяет думать, что произошло разделение алтайцев и конституирование новых этносов. Однако на наш взгляд, концепция распада мало плодотворна для целостного осмысления

современного развития алтайского этноса, поскольку сосредоточена на обсуждении, прежде всего, разделительных этнических процессов и их последствий. Из поля зрения данной концепции практически выпадает тот факт, что внутри алтайского этноса, наряду с разделительными, наблюдаются и объединительные этнические процессы. Анализ этнополитической ситуации свидетельствует о наличии в Республике Алтай сил, заинтересованных в сохранении единства алтайского этноса и предпринимающих реальные действия против обособления алтайских субэтносов. В качестве примера обратим внимание на итоги двух Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

В период подготовки к первой Всероссийской переписи населения 2002г. кумандинцы, тубалары, челканцы и теленгиты были уже выделены в отдельные этнические категории и введены в алфавитный перечень национальностей и этнических наименований, разработанный Институтом этнологии и антропологии РАН. Данное обстоятельство поставило часть представителей алтайских субэтнических групп, обладавших двойственной этнической идентичностью, в жесткие рамки выбора — определять себя во время переписи только алтайцами или только представителями того или иного алтайского субэтноса.

В этой связи накануне переписи в Республике Алтай широко распространились опасения о возможности уменьшения численности титульного алтайского этноса вследствие предпочтения в ходе переписи представителями кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов субэтнической идентичности, что в итоге могло привести к утрате статуса республики. Для предотвращения подобного сценария развития событий заинтересованные силы в республике провели через СМИ пропагандистскую кампанию в пользу единства алтайского этноса и важности сохранения статуса республики.

В итоге в ходе переписи в Республике Алтай к представителям коренных малочисленных народов отнесли себя 5662 человека (8,3% от всего числа алтайского населения). Из них 931 человек назвал себя кумандинцем, 1533 — тубаларами, 830 — челканцами и 2368 — теленгитами. К алтайцам же в республике отнесли себя 62192 человека. Результаты переписи показали, что в районах компактного проживания алтайских субэтносов основная масса коренного населения предпочла записаться алтайцами. Так, идентифицировали себя с алтайцами в Кош-Агачском районе 95,2% коренных жителей, в Майминском — 93,7%, Улаганском — 77,6%, Чойском — 50,8% и только в Турочакском р-не 27,6% коренных жителей (Чемчиева, 2012: 177).

В 2010 г. накануне проведения второй Всероссийской переписи населения в Республике Алтай также вновь зазвучали призывы «записываться» алтайцами. В это же время в республиканской прессе стал широко обсуждаться вопрос о необходимости предоставления представителям алтайских субэтносов возможности выражения своей двойственной этнической идентичности.

Всероссийская перепись населения 2010 г. продемонстрировала увеличение численности кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов по сравнению с 2002 г. В Республике Алтай к представителям коренных малочисленных народов отнесли себя 7714 человек (11,0% от всего числа алтайского населения). По итогам переписи численность кумандинцев составила 1062 человека, тубаларов — 1891 чел., челканцев — 1113 чел., теленгитов — 3648 чел. Соответственно, в районах компактного проживания алтайских субэтносов снизилась доля лиц, «записавшихся» алтайцами. Так, идентифицировали себя с алтайцами в Кош-Агачском районе 88,7% коренных жителей, в Майминском — 85,3%, в Улаганском — 72,1%, в Чойском — 50,6%, в Турочакском — 20,4% (Чемчиева, 2012: 178).

Обратим внимание, что в ходе последней переписи руководство Республики Алтай добилось как подсчета численности отдельных алтайских субэтнических групп, так и одновременного их учета в составе алтайцев (кроме кумандинцев). Поэтому численность алтайцев (включая тубаларов, челканцев и теленгитов) составила в Республике Алтай 68814 человек.

Общеалтайская идентичность: мнение населения

Рассмотрение итогов всероссийских переписей населения вызывает вопрос: почему в ходе переписей многие представители алтайских субэтносов идентифицировали себя с алтайским этносом в целом? В особенности этот вопрос касается теленгитов, численность которых в районах их компактного проживания достигает 16 тыс. человек. Действительно ли их выбор обуславливался лишь желанием отстоять статус родной республики?

Ответы на эти вопросы могут дать материалы проведенного нами в 2004 г. этносоциологического исследования (Чемчиева, 2012: 185–188). Анализ полученных данных позволил увидеть впечатляющую картину мнений представителей алтайских субэтнических групп о своей этнической идентичности.

Так, в ходе этносоциологического исследования в Республике Алтай мы обратились к представителям северных (кумандинцы, тубалары, челканцы) и южных (алтай-кижи, теленгиты) алтайцев со следующим вопросом: «Как Вы считаете, алтайцы — это один народ или разные народы?». По итогам опроса, около двух третей респондентов (65,9%) высказалось, что считают все алтайские субэтнические группы одним народом. С ними не согласились 27,6% опрошенных.

Далее, для более глубокого понимания представлений респондентов, мы задали им вопрос: «На чем основывается Ваше мнение?» Суждения, высказанные респондентами на этот открытый вопрос, были подвергнуты контент-анализу и сгруппированы в отдельные категории. Ответы респондентов, считавших алтайские этнические группы одним народом, позволили нам представить основные символы этнической идентичности алтайцев, как единого народа.

Прежде всего, 37,5% опрошенных заявили, что считают алтайцев одним народом, поскольку они едины. Для этой части опрошенных единство самосознания, языка и культуры алтайцев являлось неоспоримым фактом. 20,8% респондентов обосновала этническое единство алтайцев проживанием на своей родной земле — на Алтае. 18% опрошенных указали на общие корни, подчеркивая происхождение алтайских этнических групп от одного генетического (тюркского) корня. 13,1% респондентов указали на общность культуры и обращали внимание на единообразие элементов культуры алтайских этнических групп — обычаев и традиций, религии, образа жизни. 11,8% опрошенных указали на единство языка алтайских этнических групп. С их точки зрения, несмотря на наличие отдельных диалектов, алтайский язык является единым. 10,2% респондентов заявили, что выступают против разделения алтайцев. Данный аргумент содержался в ответах людей, квалифицировавших наделение алтайских субэтносов статусом малочисленных народов как искусственное разделение алтайского народа. 6,5% опрошенных указали на общее историческое прошлое, на общность исторической судьбы. 2% респондентов указали на сходство внешности¹.

Наше эмпирическое исследование позволяет сделать вывод, что в ходе последних переписей населения многие представители алтайских субэтносов идентифицировали себя с алтайским этносом в целом вследствие того, что рассматривают субэтнические группы алтайцев как части еди-

¹ Сумма превышает 100%, т. к. респонденты могли указать несколько аргументов.

ного этноса. Важнейшими символами единства алтайского народа признаются историческая территория, язык, культура, общие корни, общая историческая судьба. На этом основании можно заключить, что общеалтайская идентичность не является мифом, многие представители алтайских субэтносов осознают и ощущают взаимосвязь друг с другом и сохраняют коллективную память о принадлежности к одному народу.

Заключение

С момента включения алтайских субэтнических групп в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации прошло семнадцать лет. И все эти годы в Республике Алтай не утихает полемика по проблеме единства алтайского этноса. В рамках этой дискуссии представителей алтайских субэтносов нередко упрекают в разделении алтайского народа, непатриотизме, отступлении от общеалтайских интересов, которое может повлечь за собой ликвидацию конституционно-правового статуса республики. В свою очередь, общественные деятели алтайских субэтносов на протяжении многих лет подчеркивают, что не преследуют цели дробления алтайского этноса, но лишь ведут работу по спасению исчезающих алтайских этнических групп и также готовы защищать статус республики.

С нашей точки зрения, эта полемика — результат недоразумения. Все дело в том, что население республики трактует статус коренного малочисленного народа только в этническом смысле. Между тем в этом статусе переплетаются и этнические, и политические свойства.

На наш взгляд современные этнические процессы (как разделительные, так и объединительные), наблюдаемые в среде алтайского народа являются частью более масштабного исторического явления — самоопределения алтайских субэтносов. Говоря о самоопределении алтайских субэтнических групп, мы имеем в виду процесс определения данными группами собственной идентичности, перспектив своего бытия, вектора развития. Мы полагаем, что механизм самоопределения активизировался в среде алтайских субэтносов в конце 1980 — начале 1990-х гг. В это время алтайские субэтнические группы столкнулись с потребностью поиска наиболее успешной стратегии своего развития в целях преодоления кризисных тенденций и решения вставших перед ними проблем.

Самоопределение алтайских субэтнических групп происходило в двух параллельных плоскостях: политической и этнической. На этническом уровне алтайские субэтноты осуществляли выбор своей этнической идентичности, уточняли ее на уровне группы. На политическом уровне алтайские этнические группы осуществляли выбор новой парадигмы своего политического, социального и экономического развития, нового политико-правового статуса. И этот политический выбор был сделан алтайскими субэтнотами в пользу обретения статуса коренных малочисленных народов. Политический выбор статуса коренных малочисленных народов был обусловлен возможностью сохранения этнических групп, экономической выгодой для представителей этих групп.

В то же время политическое и этническое самоопределение алтайских субэтнот не тождественны друг другу. Именно поэтому многие представители алтайских субэтнических групп, обладая политической идентичностью коренного малочисленного народа, продолжают считать себя частью как своей этнической группы, так и алтайского этноса в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристов, Н. А. (1896) Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3–4. С. 277–456.
- Баскаков, Н. А. (1958) Алтайский язык (введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М. : Изд-во Академии наук СССР. 115 с.
- Вербицкий, В. И. (1993) Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография. 270 с.
- Гельмерсен, Г. П. (1840) Телецкое озеро и телеуты Восточного Алтая // Горный журнал. Ч. 1, Кн. 1. С. 41–61; Кн. 11. С. 239–261; Ч. 11. Кн. 4. С. 17–57.
- Горохов, А. М. (1840) Краткое этнографическое описание бийских или алтайских калмыков, составленное из записок бывшего земского исправника Бийского уезда Томской губернии гр. Горохова // Журнал Министерства внутренних дел. № 11. С. 201–228.
- Дыренкова, Н. П. (1940) Грамматика ойротского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 303 с.
- Екеев, Н. В. (2013) К проблеме образования алтайского этноса // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Т. 10. № 5. С. 146–151.
- Калачев, А. (1896) Поездка к теленгетам на Алтай // Живая старина. Вып. 3–4. С. 477–488.
- Кыдыева, В. Я. (2008) Этноним «алтайцы» в работах исследователей середины XIX – начала XXI веков // Исторический вестник: сборник научных трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. С. 71–92.

- Потанин, Г. Н. (1883) Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. Вып. IV. 1042 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л. : Наука. 196 с.
- Радлов, В. В. (1989) Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука. 749 с.
- Самаев, Г. П. (1991) Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва. 256 с.
- Самаев, Г. П. (1996) Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография. 120 с.
- Спасский, Г. И. (1819) Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. // Сибирский вестник. 1819. Ч. 3. С. 26–64, Ч. 4. С. 66–100.
- Спасский, Г. И. (1821) Телеуты или белые калмыки // Сибирский вестник. 1821. Ч. 13. С. 2–14. Ч. 16. С. 280–287.
- Тадыев, П. Е. (1964) Этнический состав дореволюционных алтайцев и особенности их административного устройства // Ученые записки ГАНИИИЯЛ. № 6. С. 3–16.
- Токарев, С. А. (1936) Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л.: Соцэкгиз. 154 с.
- Тюхтенева, С. П. (2011) Теленгиты Республики Алтай между двумя переписями населения // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 43–45.
- Чемчиева, А. П. (2012) Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 254 с.
- Чихачев, П. А. (1974) Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука. 360 с.
- Швецов, С. П. (1900) Горный Алтай и его население. Барнаул. Т. 1. Вып. 1. 557 с.
- Шерстова, Л. И. (2005) Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 312 с.

Дата поступления: 11.01.2017 г.

REFERENCES

- Aristov, N. A. (1896) Zametki ob etnicheskom sostave tiurkskikh plemen i narodnostei i svedeniia ob ikh chislennosti. *Zhivaia starina*, vol. 3–4, pp. 277–456. (In Russ.).
- Baskakov, N. A. (1958) *Altaiskii iazyk (vvedenie v izuchenie altaiskogo iazyka i ego dialektov)*. Moscow, Akademia nauk SSSR Publ. 115 p. (In Russ.).
- Verbitskii, V. I. (1993) *Altaiskie inorodtsy*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaia tipografiia. 270p. (In Russ.).

- Gel'mersen, G. P. (1840) Teletskoe ozero i teleuty Vostochnogo Altaia. *Gornyi zhurnal*, vol. 1, b. 1, pp. 41–61; b. 11, pp. 239–261; vol. 11, b. 4, pp. 17–57. (In Russ.).
- Gorokhov, A. M. (1840) Kratkoe etnograficheskoe opisanie biiskikh ili altaiskikh kalmykov, sostavlennoe iz zapisok byvshego zemskogo ispravnika Biiskogo uezda Tomskoi gubernii gr. Gorokhova. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*, no. 11, pp. 201–228. (In Russ.).
- Dyrenkova, N. P. (1940) *Grammatika oirotского iazyka*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ. 303 p. (In Russ.).
- Ekeev, N. V. (2013) K probleme obrazovaniia altaiskogo etnosa. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, vol. 10, no. 5, pp. 146–151.
- Kalachev, A. (1896) Poezdka k telengetam na Altai. *Zhivaia starina*, vol. 3–4, pp. 477–488. (In Russ.).
- Kydyeva, V. Ia. (2008) Etnonim «altaitsy» v rabotakh issledovatelei serediny XIX – nachala XXI vekov. In: *Istoricheskii vestnik: sbornik nauchnykh trudov*. Gorno-Altai, RIO GAGU. Pp. 71–92. (In Russ.).
- Potanin, G. N. (1883) *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii*. St. Petersburg. Vol. IV. 1042 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk*. Leningrad, Nauka. 196 p. (In Russ.).
- Radlov, V. V. (1899) *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika*. Moscow, Nauka. 749 p. (In Russ.).
- Samaev, G. P. (1991) *Gornyi Altai v XVII – seredine XIX v.: problemy politicheskoi istorii i prisoedineniia k Rossii*. Gorno-Altai, Gorno-Alt. otd-nie Alt. kn. izd-va. 256 p. (In Russ.).
- Samaev, G. P. (1996) *Prisoedinenie Altaia k Rossii (istoricheskii obzor i dokumenty)*. Gorno-Altai, Gorno-Altaiaskaia tipografiia. 120 p. (In Russ.).
- Spasskii, G. I. (1819) Puteshestvie k altaiskim kalmykam v 1806 g. In: *Sibirskii vestnik*, vol. 3, pp. 26–64, vol. 4, pp. 66–100. (In Russ.).
- Spasskii, G. I. (1821) Teleuty ili belye kalmyki. *Sibirskii vestnik*, vol. 13, pp. 2–14, vol. 16, pp. 280–287. (In Russ.).
- Tadyev, P. E. (1964) Etnicheskii sostav dorevoliutsionnykh altaitsev i osobennosti ikh administrativnogo ustroistva. In: *Uchenye zapiski GANIIIIaL*, no. 6, pp. 3–16. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (1936) *Dokapitalisticheskie perezhitki v Oirotii*. Leningrad, Sotsekgiz. 154 p. (In Russ.).
- Tiukhteneva, S. P. (2011) Telengity Respubliki Altai mezhdum dvumia perepisiama naseleniia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 43–45. (In Russ.).
- Chemchieva, A. P. (2012) *Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. 254 p. (In Russ.).
- Chikhachev, P. A. (1974) *Puteshestvie v Vostochnyi Altai*. Moscow, Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Shvetsov, S. P. (1900) *Gornyi Altai i ego naselenie*. Barnaul. Vol. 1. 557 p. (In Russ.).

Sherstova, L. I. (2005) *Tiurki i russkie v Iuzhnoi Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaia dinamika XVII — nachala XX veka*. Novosibirsk, IAET SO RAN Publ. 312 p. (In Russ.).

Submission date: 11.01.2017.

Для цитирования:

Чемчиева А. П. Субэтнические группы алтайцев: противоречия и символы коллективной идентичности [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/701> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

For citation:

Chemchieva A. P. Sub-ethnic groups of the Altai people: contradictions and symbols of a collective identity. *New Research of Tuva*. 2017, no. 1. [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/701> (access date: dd.mm.yy.) DOI: 10.25178/nit.2017.1.6

Тува вчера, сегодня, завтра

Tuva yesterday, today, tomorrow

DOI: 10.25178/nit.2017.1.10

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ТУВУ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

AGRICULTURAL PRACTICES OF RUSSIAN SETTLERS IN EARLY 20th CENTURY TUVA

Маргарита П. Татаринцева

Тувинский институт гуманитарных
и прикладных социально-
экономических исследований

Margarita P. Tatarintseva

Tuva Institute for Humanities
and Applied Socioeconomic Studies

Статья посвящена проблемам и особенностям становления земледелия в Туве русскими крестьянами, которые не просто приняли массово переселяться в регион с конца XIX века и стали осваивать территорию, но и привнесли сюда новую хозяйственную культуру.

В исторической литературе встречаются утверждения, что в Туву переселялись преимущественно зажиточные крестьяне — кулаки. Однако работы исследователей-историков, а также архивные документы, полевые материалы историков и этнографов и воспоминания старожилов не подтверждают этого. В основном это были бедные крестьяне, которые могли стать зажиточными. Обосновавшись на постоянное жительство в Туве, русские земледельцы оказались в стране, где коренное население вело совершенно иной образ жизни — кочевой — и земледелием почти не занималось. Поэтому происходила встреча двух совершенно разных типов хозяйствования и землепользования. Выявилась культурно-хозяйственная разнонаправленность: природосберегающая этика коренного кочевого населения и природопользовательская, природопреобразующая деятельность крестьян-земле-

The article deals with the issues and aspects of agricultural practices of Russian peasant settlers in Tuva. Since the start of their mass resettlement in the region at the end of the 19th century, they did more than just cultivating new lands — the settlers introduced a new culture of husbandry in the region.

Some historians have claimed that the settlers were mostly well-to-do peasants — the kulaks, as they were known. However, recent research based on archival studies and field observations of historians and ethnographers, as well as personal memories, do not confirm this theory. Settlers, on the contrary, were mostly poor but aimed to prosper. Now permanently residing in Tuva, Russian farmers found themselves in a region populated by people with a very different — nomadic — lifestyle and almost no skills in crop farming. This led to an encounter between two

Работа выполнена по гранту РФФИ, проект «Этнокультурные ландшафты Южной Сибири. Историческая динамика и сравнительный анализ (конец XIX — начало XXI в.)», грант № 15-01-00453 / The article was written as part of the project “Ethnocultural landscapes of South Siberia: Historical dynamics and comparative analysis, late 19th – early 21st century”, supported by the Russian Foundation for the Humanities, Grant No. 15-01-00453.

Татаринцева Маргарита Петровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сектора культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

Tatarintseva Margarita Petrovna, Candidate of History, Leading Research Fellow, Tuva Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Studies. Postal address: 4 Kochetova St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: margotatar@mail.ru

Два образа жизни были настолько разными, что говорить о тесных экономических контактах и культурном взаимодействии в начале совместного проживания русских крестьян и тувинцев едва ли возможно. Какое-то время, это больше напоминало существование двух параллельных миров.

Русским переселенцам в Туве удалось оптимизировать свои трудовые навыки, успешно адаптироваться. В хозяйственный оборот их усилиями были введены тысячи десятин земли. В Туве появились новые, ранее неизвестные здесь сельскохозяйственные орудия труда: плуг, борона, жатки, веялки и т. д., которые постепенно начали использоваться и тувинским населением. Была создана новая, несколько отличающаяся от прежних мест проживания система хозяйствования, которая оказалась адекватной местным природно-климатическим условиям.

В целом русская аграрная колонизация не обостряла земельный вопрос в Туве, так как для переселенцев и коренного населения были характерны разные хозяйственные стратегии, и пришлое население постепенно приспособило свою хозяйственную деятельность к этим различиям.

В качестве источников автор использовал воспоминания русских старожилов Тувы, в разное время собранные и опубликованные материалы о жизни русских в Туве, а также материалы архивных документов (Государственного архива Республики Тыва, Государственного архива Красноярского края, Научного архива Тувинского института гуманитарных исследований), работы путешественников конца XIX — начала XX в.

Ключевые слова: русские в Туве; история Тувы; земледелие; начало XX века; хозяйственная деятельность; природные ресурсы; экономическая культура

revealed their cultural and economic contrast: the environment-friendly indigenous nomadic ethics vs. that of Russian farmers aimed at using natural resources to the full. These two lifestyles were so different that it rendered impossible any close economic contact or cultural interaction between the Russian and Tuvans. For a while, they lived as if in two parallel worlds.

Russian settlers in Tuva managed to adapt to the new environment and optimize their practices and skills. They were the first to till thousands of desiatinas of virgin soil, introduced such previously unknown agricultural tools as the plough, harrow, cutter and winnower – the use of all of which was in due time picked up by the Tuvans as well. A new system of agriculture arose, which was relevant to the local natural and climatic conditions.

On the whole, agrarian colonization of Tuva by the Russians did not aggravate the 'land issue' in Tuva, as the indigenous population and the settlers utilized differing strategies of agriculture, and the newcomers slowly adapted their practices to match the difference.

Our sources include the memories of the older generations of Russians in Tuva, as these memoirs were collected and published by their authors, – as well as archival materials from the State Archives of the Republic of Tuva and Krasnoyarskii Krai, the Research Archive of the Tuva Institute for the Humanities, – and finally, reports and other texts written by the Russian travelers in the region in late 19th and early 20th century.

Keywords: Russians in Tuva; history of Tuva; crop farming; early 20th century; economic activity; natural resources; economic culture

Введение

Представления о неисчерпаемости свободных земель и природных ресурсов Сибири долгое время служили стимулом для переселения в этот край крестьян из Европейской части России. Примерно также представляли себе Туву жители соседних с ней земель, намереваясь переселиться в новые места. Подавляющее большинство переселенцев в Туву с начала XX века составляли крестьяне, которые и расселились в крае, используя, по возможности, свободные, пригодные для хлебопашества земли. Однако, хозяйственное освоение Тувы проходило не так просто, как рисовалось будущим земледельцам.

Статья посвящена проблемам и особенностям становления земледелия в Туве русскими крестьянами, которые не просто переселились в новые земли и стали их осваивать, но и привнесли новую хозяйственную культуру в регион.

Источниками автору послужили воспоминания русских жителей Тувы старшего поколения, публикации прежних лет о жизни и обустройстве русских переселенцев на тувинской земле, а также материалы архивных документов (Государственного архива Республики Тыва, Государственного архива Красноярского края, Научного архива Тувинского института гуманитарных исследований), работы путешественников конца XIX — начала XX в.

Параллельные миры

В докладе Иркутскому генерал-губернатору в 1916 г. один из царских переселенческих чиновников писал о русском населении в Туве: «Население Урянхайского края в значительной мере состоит из выходцев соседней Енисейской губернии, на втором месте — Томской губернии, и только 30% русских жителей — выходцы из других губерний» (Центральный государственный архив Республики Тыва — ЦГА РТ. Ф. 123, оп. 2, ед. хран. 155, л. 18).

В исторической литературе встречаются утверждения, что в Туву переселялись преимущественно зажиточные крестьяне — кулаки (Сафьянов, 2012). Однако работы исследователей-историков, В. И. Дулова (Дулов, 1956), например, а также архивные документы, полевые материалы историков и этнографов и воспоминания старожилов не подтверждают этого. Да и описания русских поселков и деревень первых десятилетий XX века, оставленные нам учеными и путешественниками, как-то не соответствуют представлениям о зажиточности (довольно убогие бескрышные дома и полуземлянки, изгороди из жердей, натянутые в некоторых домах вместо стекол в окнах бычьих пузыри и т. д.).

Другое дело, если хозяйственное устройство на новых местах прошло успешно, свежая, целинная земля давала крестьянину хороший урожай, то наиболее прагматичные, предприимчивые переселенцы сравнительно быстро могли поправить свои дела и действительно стать вполне самостоятельными, крепкими, а то и зажиточными хозяевами.

Вспоминает П. Т. Афанасьева (1910 г. р.), семилетним ребенком переехавшая в Туву, в село Атамановку, в 1917 г.: «Отец вперед ходоком ходил,

посеял одну десятину. Урожай сняли, и нас столько он прокормил одной десятиной (семья была 10 человек. — М. Т.). Хлеб такой здесь родился, и на посев еще было».

Однако урожайными были далеко не все годы, обычно 1–2 за пять лет.

Как правило, каждой крестьянской семье в новых условиях пришлось вести борьбу за выживание, и даже при благоприятных условиях требовалось несколько лет, чтобы укорениться на новых местах и завести крепкое хозяйство.

Обосновавшись на постоянное жительство в Туве, русские земледельцы оказались в стране, где коренное население вело совершенно иной образ жизни — кочевой — и земледелием почти не занималось (исключение составляли небольшие посева проса, ячменя, которые тувинцы выращивали с использованием поливных канав). У русских же переселенцев в Туву, как и у всех русских крестьян, осваивавших просторы Сибири, в основе жизнеобеспечения лежала преимущественно земледельческая культура Европейской России. Первопоселенцы на новом месте, как это было по всей Сибири, стремились создать модель прежней родины, хотя и откорректированную конкретной обстановкой на новых местах поселения.

На тувинской же земле с появлением русских крестьян-земледельцев, по сути дела, столкнулись два совершенно разных типа хозяйствования и землепользования, выявилась культурно-хозяйственная разнонаправленность: природосберегающая этика коренного кочевого населения и природопользовательская, природопреобразующая деятельность крестьян-земледельцев. Вторжение в природу, распашка целинных земель, рубка леса, раскорчевка, сенокосение, постройка стационарного жилья и целых деревень — с дорогами, парами, мостами, мельницами, заборами, огородами, огороженными посевами и покосами и т. д. — все это было необходимой частью жизнеустройства русских на новых местах.

Агроном А. А. Турчанинов в 1916 г. отметил потребительский взгляд на природу у переселенцев и разные типы хозяйственных культур, столкнувшихся в Туве: «Воззрения у кочевника и оседлого земледельца существенно разнятся между собой. Первый стремится к сохранению имеющегося на поверхности травяного покрова, второй желает этот покров перевести в зерновые продукты» (Государственный архив Красноярского края. — ГАКК. Ф. 1380, оп. 3, д. 5, л. 1, об. 2.).

Некоторые особенности жизни кочевника русским приходилось постигать уже на месте. Например, огромные просторы пустопорожных земель

казались русскому крестьянину ничейными, свободными. Но, как оказывалось на деле, каждое кочевое хозяйство тувинцев имело пространственную привязку к определенным землям, используемым время от времени или в определенное время года, а иногда и не каждый год. Поэтому возникновение на таких землях пашен и стационарных построек переселенцев не соответствовало интересам кочевника. Соответственно возникали конфликты.

Это были настолько отличные и малоизвестные друг другу образы жизни, жизненные уклады двух народов, что говорить о тесных экономических контактах и культурном взаимодействии в начале совместного проживания русских крестьян и тувинцев едва ли возможно. Какое-то время, по-видимому, это больше напоминало существование двух параллельных миров. Сказывалась разница исторического и духовного опыта каждого народа.

Многие русские старожилы постоянно вспоминают о том, что с появлением русских поселков тувинцы никогда не ставили свои юрты близко к домам русских, а всегда несколько поодаль. Причем на зиму тувинцы уходили жить в горах, а летом спускались к речке.

И тем не менее, по утверждениям историков, изучавших процессы взаимодействия русских переселенцев и коренных народов Сибири, в том числе и в Туве, «контакты с аборигенным населением способствовали очень раннему установлению этнической и конфессиональной толерантности в сибирском социуме, тем более, что и сами пришельцы были этноконфессионально разнородны изначально... С достаточной уверенностью можно считать именно этническую толерантность специфической чертой складывающегося сибирского социума» (Шерстова, 2005: 25).

Думается, это наблюдение историка, сделанное в целом по Сибири, можно экстраполировать и на взаимоотношения русских переселенцев с коренными жителями Тувы. Постепенно складывались правила общежития, своего рода народная дипломатия, о чем писал неоднократно по служебной надобности бывавший в Туве инженер В. Родевич: «...Земельные за-владения русских ... совершались ... на пустых местах, со всяким уважением к ту-винцам: им дают часть посева, угощают и для пастьбы скота остается довольно много места по степи, тайге и горам. Места же ценные, например, сенокосные луга, берутся у тувинцев в аренду ... Таким образом... мирное сожительство русских с урянхами возможно» (Родевич, 1912: 39–40).

Проблемы хозяйственного освоения земель

Аграрное и хозяйственное освоение новых природно-климатических зон, экологическая адаптация к местным условиям проходили также не просто.

В целом переселенцы в Туве оказывались в более суровых климатических условиях по сравнению с прежними местами проживания. В большинстве своем для земледелия требовалась ирригация. С. Р. Минцлов о землях на Малом Енисее, где было множество малодворных русских поселений, пишет так: «...И везде, где была трава и зелень, пролегали мочаги, притом древние, только расчищенные крестьянами; где не хватало орошения, там, словно лысина, бурела обнаженная мертвая земля» (Минцлов, 1915: 155).

Обживание новых мест, их хозяйственное освоение переселенцами происходили постепенно и имели разносторонний характер. И конечно, в процессе налаживания жизни на новом месте складывались свои особенности хозяйства и быта.

Крестьянское хозяйство в условиях Тувы долгое время было многопрофильным, в основном полеводческо-животноводческим. Главным в хозяйственной деятельности и жизнеобеспечении большинства крестьян-новоселов всегда оставалось земледелие. Как правило, земли обрабатывалось столько, сколько необходимо было для нужд семьи. Пашня могла быть от дома на расстоянии 10–12 км.

Пахота и сев считались мужским занятием. Надо было удачно выбрать время посева. Народная примета такова: если весенняя земля, сжатая в кулаке, рассыпается — пора сеять, если остается комком, еще сыро, надо подождать.

Землю вспахивали плугом на глубину 18–20 см. Пахали только на лошадях, быков переселенцы не использовали. (Лошадь, в глазах крестьянина, «работница», а корова — «кормилица».) Пахали недели две, тут же сеяли и боронили. Сеяли, руками разбрасывая семена, обычно это делали отец или взрослый сын. «Сеяли руками через плечо, на ремне мешок, в нем половина зерна и бросали горстями. Сеял чаще всего отец. Как только посеяли, тут же нужно было заборонить», — вспоминали старожилы (Научный архив Тувинского института гуманитарных исследований — НА ТИГИ. Т.982, тетр. 13). Перед тем, как начать сеять, сеятель должен был обязательно помолиться на восток. Сев заканчивали во вторую половину мая, в дни религиозных праздников не сеяли. Не трогали землю и в Духов день, первый

понедельник после Троицы: «Копать нельзя, земля именинница!»

И на новых местах сеяли привычные культуры — горох, рожь, пшеницу, овес, ячмень, лен, коноплю (на масло и для изготовления веревок, мешковин и т. д.) и просо (именно в такой временной последовательности). В некоторых районах, например, в Шагонаре, Эрбеке, выращивали табак.

По окончании полевого сезона, жатвы устраивали праздник — варили пиво, медовуху, пекли отжиночные пироги и т. д.

Зерно на муку мололи на водяных мельницах. Если крестьянину нечем было платить мельнику за помол, он расплачивался намолотой мукой.

В отдельных зажиточных и крепких хозяйствах имелись плуги, бороны, жатки, веялки, сенокосилки и другой сельхозинвентарь, но в целом преобладал ручной труд.

Энергичные и предприимчивые русские переселенцы строили заимки, деревни, не раз меняли место жительства в новой для себя стране и в основном все-таки находили наиболее благоприятные для земледелия места. Они засевали пашню, разводили огороды, понемногу начинали налаживать торговый обмен как с соседними русскими поселениями, так и с коренными жителями. Предметом торгового обмена были изделия ремесленников, продукты земледелия и лесных промыслов (пушнина, рыба, ягоды, орех и т. д.).

Во взаимодействии и противоборстве традиции, преемственности всего, что было накоплено за века трудового опыта, и адаптации к изменившимся условиям формировалась хозяйственно-бытовая культура русского земледельческого населения в Туве с некоторыми локальными особенностями. В целом преобладало полунатуральное комплексное хозяйство (земледелие, скотоводство, рыболовство, промыслы, собирательство). Домашние виды ремесел (кожевенное, пимокатное, столярное, ткачество, вышивание, вязание и др.) также были широко распространены. Но обеспечивать семью только за счет ремесла удавалось немногим, в условиях Тувы жизнь только за счет ремесла была скорее исключением, чем правилом.

Как и по всей Сибири, поселенцам в Туве пришлось обновлять традиции землепользования применительно к местным условиям. Прежде чем начинать пашню, нередко приходилось очищать ее от камней, а то и раскорчевывать от пней. Обычно пахали плугом, урожай убирали серпом.

На тувинской земле русским переселенцам пришлось осваивать поливное земледелие, поскольку из-за жаркого, засушливого тувинского лета

на неполивных землях урожай подвергался большому риску. Старожилы вспоминают, что для полива угодий состоятельные хозяева часто нанимали более опытных в этом деле тувинцев или сами, по примеру тувинцев, учились «мочить» землю, чего никогда не делали, живя в прежних местах. Вспоминает Т. И. Иконникова: «Никогда люди не видели, чтобы хлеб мочили, воду запускали, а тут уж это было» (НА ТИГИ. Фонд фольклорный, т. 250, д. 1019).

Приведем воспоминания, связанные с местным орошением, еще одной жительницы села Баянкол (Улуг-Хемский кожуун) Л. Зверевой. В те годы в этом селе проживали только русские. «Мой муж вместе с другими односельчанами решили прорыть канаву от реки, чтобы можно было орошать пашню... И вот начали мы делать плотину, чтобы построить оросительную канаву. Все жители села вышли на эту работу. Из просмоленной листовницы сделали опоры, поставили шлюз там, где речка Баянкол впадает в Енисей. Многим приходилось стоять по грудь в воде, да и работа была непривычная, но мы справились и канаву прорыли. Теперь можно было и колхозное поле распахивать. Было это в 1934 году, а в 1935 на новом месте собрали невиданный урожай» (Тува XX век ..., 2001: 170).

Тувинцы для орошения своих небольших посевных участков чаще всего использовали древние оросительные сети, поддерживая их в надлежащем состоянии. То же наблюдалось и в других регионах Сибири, когда коренное население использовало в засушливом климате древние ирригационные системы, например, буряты в Забайкалье. О поливном земледелии в тех краях писал еще декабрист Н. А. Бестужев, считая, что русские переняли искусство орошения у бурят (Бестужев, 1975: 59).

Агроном А. А. Турчанинов писал: «Орошение стоит у сойот на высокой степени культуры и может быть признано совершенным. Замечательно, что русские заимочники крупного типа для орошения своих посевов нанимают сойот. Оросительные каналы проведены за много верст и по всем правилам гидротехники. При орошении устраиваются главные, вторичные, напускные оросительные борозды и отводные каналы. Влага используется без потерь полностью» (Турчанинов, 2009: 139–140). Тем не менее, примечательно наблюдение О. Менхена-Хелфина в книге «Путешествие в азиатскую Туву»: «Тувинец любит свои стада, а не маленькую пашню» (Менхен-Хелфен, 2007: 267).

Обычно поливали пашни 2–3 раза за лето. Расчищали старые мочаги или делали новые каналы от речки, и вода самотеком шла на поля. Иногда

на ручье или речке (например, в Шагонаре) делали плотину и потом по канавам распределяли воду. Между жителями деревни соблюдался порядок полива. На деревенских сходках выбирали старшего, ответственного за орошение, очередность полива, расчистку и ремонт оросительных канав и плотин. Также из канав ведрами, ковшами поливали огороды. Если ирригация — проведение канав — была невозможной, рыли колодцы, из них носили воду ведрами для полива огорода. Когда погода стояла сухая, огород поливали каждый день, на это уходило часа два. Поливали (мочили) и сенокосные луга.

После того, как отсеивались, приступали к чистке канав, ремонту плотины и т. д. За эту работу также отвечал выбранный старший, и порядок соблюдался.

Оставляли пары, залежные земли — 1–2 десятины, год–два земля отдыхала. Удобрений на поля в большей части хозяйств не вывозили. Правда, в некоторых кожуунах, вспоминают старожилы, для удобрения земли переселенцы употребляли древесную золу, которую собирали всю зиму, реже использовали навоз, навозную жижу.

Сенокос начинали в Петровки (вторая декада июля), затем, примерно с 20 августа, начиналась жатва.

Отличия, появившиеся с течением времени в хозяйствовании переселенцев в зависимости от местных природно-климатических, а также от социальных, политических и экологических условий, и некоторое влияние опыта приспособления к окружающей среде аборигенных народов — в Сибири вообще и в Туве в частности, свидетельствовали об адаптационных процессах в новых условиях, взаимодействии русского и тувинского хозяйственного опыта, без чего нормальная хозяйственная деятельность была бы невозможной (Любимова, 2012: 27).

Заключение

Итак, русским переселенцам в Туве удалось оптимизировать свои трудовые навыки и в целом успешно адаптироваться к новым условиям. Благодаря их неустанному труду в хозяйственный оборот были введены тысячи десятин земли. На тувинской земле появились новые, ранее неизвестные здесь сельскохозяйственные орудия труда: плуг, борона, жатки, веялки и т. д., которые постепенно начали использоваться и тувинским населением. Была создана новая, несколько отличающаяся от прежних

мест проживания система хозяйствования, которая оказалась адекватной местным природно-климатическим условиям. Особенно эти отличия заметны в овладении опытом поливного земледелия, мараловодства, расширения значения в системе жизнеобеспечения лесных промыслов и других присваивающих форм хозяйствования (охота, рыболовство, разного рода собирательская деятельность). Печеный хлеб стал повседневной едой не только у русских, но и у живущих рядом с ними тувинцев.

В целом русская аграрная колонизация не обостряла земельный вопрос в Туве, так как для переселенцев и коренного населения были характерны разные хозяйственные стратегии, и пришлое население постепенно приспособило свою хозяйственную деятельность к этим различиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бестужев, Н. А. (1975) Бурятское хозяйство // Декабристы в Бурятии / сост. В. Б. Бахаев. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во. 232 с. С. 228–230.

Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в. М.: Изд-во АН СССР. 608 с.

Любимова Г. В. (2012) Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. 206 с.

Менхен-Хелфен, О. (2007) Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер. Антология / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 6. С. 220–351.

Минцлов, С. Р. (1915) Секретное поручение. Рига.

Родевич, В. М. (1912) Урянхайский край и его обитатели. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича. 60 с.

Сафьянов, И. Г. (2012) Тува в прошлом: в 2 т. М.: б/и. Т. 2. Повесть о жизни. Гражданская война в Туве. 315 с.

Тува XX век. Народная летопись (2001) / сост. Н. Богдановская. Кызыл : Респ. Типография. 309 с.

Турчанинов, А. А. (2009) Урянхайский край в 1915 году. Кызыл : ТИГИ при Правительстве РТ. 424 с.

Шерстова, Л. И. (2005) Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-культурного и экономического развития Сибири XVII–XX вв. / отв. ред. В. М. Шиловский. Новосибирск: РИПЭЛ. 304 с. С. 16–28.

Дата поступления: 15.01.2017 г.

REFERENCES

Bestuzhev, N. A. (1975) Buriatskoe khoziaistvo. In: *Dekabristy v Buriatii*, comp. V. B. Bakhaev. Ulan-Ude, Buriat. knizh. izd-vo. 232 p. Pp. 228–230. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia Tuvy. XIX — nachalo XX v.* Moscow, AN SSSR Publ. 608 p. (In Russ.).

Liubimova G. V. (2012) *Ocherki istorii vzaimodeistviia sel'skogo naseleniia Sibiri s prirodnoi sredoi (na materialakh russkoi zemledel'cheskoi traditsii)*. Novosibirsk, Institut arkhologii i etnografii SO RAN Publ. 206 p. (In Russ.).

Menkhen-Khelfen, O. (2007) Puteshestvie v aziatskuiu Tuvu. In: *Uriankhai. Tyva depter. Antologiia*, comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 6. Pp. 220–351. (In Russ.).

Mintslov, S. R. (1915) *Sekretnoe poruchenie*. Riga. (In Russ.).

Rodevich, V. M. (1912) *Uriankhaiskii kraii ego obitateli*. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasiulevicha. 60 p. (In Russ.).

Saf'ianov, I. G. (2012) *Tuva v proshlom: in 2 vol.* Moscow, s. n. Vol. 2. Povest' o zhizni. Grazhdanskaia voina v Tuve. 315 p. (In Russ.).

Tuva XX vek. Narodnaia letopis' (2001), comp. N. Bogdanovskaia. Kyzyl, Resp. Tipografia. 309 p. (In Russ.).

Turchaninov, A. A. (2009) *Uriankhaiskii kraii v 1915 godu*. Kyzyl, TIGI pri Pravitel'stve RT. 424 p. (In Russ.).

Sherstova, L. I. (2005) Russkie v Sibiri XVII veka: mental'nye i sotsiokul'turnye transformatsii. In: *Problemy sotsial'no-kul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiia Sibiri XVII–XX vv.*, ed. V. M. Shilovskii. Novosibirsk, RIPEL. 304 p. Pp. 16–28. (In Russ.).

Submission date: 15.01.2017.

Для цитирования:

Татаринцева М. П. Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/702> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.10

For citation:

Tatarintseva M. P. Agricultural practices of Russian settlers in early 20th century Tuva [online] *New Research of Tuva*. 2017, no. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/702> (access date: dd.mm.yy.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.10

DOI: 10.25178/nit.2017.1.11

СЕЙСМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АЛТАЕ- САЯНСКОГО РЕГИОНА И МЕСТО В НЕЙ ТУВИНСКИХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ 2011–2012 гг.

SEISMIC HISTORY OF THE ALTAI-SAYAN REGION AND THE 2011-2012 EARTHQUAKES IN TUVA

Александр Н. Овсюченко

Институт физики Земли Российской академии наук

Юрий В. Бутанаев

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук

Aleksandr N. Ovsyuchenko

Schmidt Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences

Yuri V. Butanaev

Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Тувинские землетрясения 2011–2012 гг. стали сильнейшими за всю историю сейсмологических наблюдений в Туве, привлекли пристальное внимание специалистов и стали первыми, хорошо изученными сейсмическими событиями Тувы.

В работе представлен обзор сейсмической истории Алтае-Саянского региона и конкретной сейсмогенерирующей структуры (Каа-Хемской системы активных разломов) в которой возникли землетрясения 2011–2012 гг.

Восстановление сейсмической истории Тувы возможно разными путями. Помимо палеосейсмологи-

The Tuva earthquakes of 2011-2012, being the strongest in the history of seismic study in Tuva, attracted the attention of professionals and became the first well-studied seismic events in Tuva.

The paper provides a general overview of seismic history of the Altai-Sayan region and a look at a particular seismogenic structure – the Kaakhem system of active faults), where the 2011-2012 earthquakes occurred.

A reconstruction of the seismic history of Tuva can follow a number of paths – aside from paleoseismological methods, those of

*Исследования выполнены при поддержке грантов РФФИ 14-05-00091 и 15-45-04351_p_сибирь_a
The present work was supported by RFBR grants No. 14-05-00091 and 15-45-04351_r_sibir_a*

Овсюченко Александр Николаевич — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией сеймотектоники и сейсмического микрорайонирования Института физики Земли РАН. Адрес: 123242, Россия, г. Москва, Большая Грузинская ул., д. 10, стр. 1. Тел.: +7 (499) 766-26-56. Эл. адрес: ovs@ifz.ru

Бутанаев Юрий Владимирович — младший научный сотрудник лаборатории геодинамики, магматизма и рудообразования Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Тел.: +7 (39422) 6-62-18. Эл. адрес: jyra3@mail.ru

Ovsyuchenko Aleksandr Nikolaevich, Candidate of Geology and Mineralogy, Chief Research Fellow, Head of Laboratory of Seismotectonics and Seismic Microzoning, Institute of Physics of the Earth, Russian Academy of Sciences. Postal address: 10 Bldg.1 Bolshaya Gruzinskaya St., 123242 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 766-26-56. Email: ovs@ifz.ru

Butanaev Yuri Vladimirovich, Junior research fellow, Laboratory of Geodynamics, Magmatism and Ore formation, Tuva Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., 667000 Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 6-62-18. Email: jyra3@mail.ru

ческого метода, в этом направлении могут помочь методы исторической сейсмологии и археосейсмологии. Использование легенд и более конкретных сведений о разрушениях построек и иных сооружений древности может дать информацию о дате землетрясения и распределении сотрясений на площади. Для определения местоположения сейсмических очагов и их параметров возможно привлечение датировок геологических следов землетрясений, письменных свидетельств и результатов археосейсмологических исследований с использованием кинематических индикаторов разрушений в древних сооружениях.

Сопоставительный анализ показывает, что события в Туве 2011–2012 гг. являются «рядовыми» явлениями на фоне мощнейших сейсмических катастроф XX века в Алтае-Саянском регионе и доисторических палеоземлетрясений, случавшихся в Каа-Хемской зоне разломов.

Ключевые слова: Алтае-Саянский регион; Тува; тувинские землетрясения; Каа-Хемский разлом; палеоземлетрясения; сейсмическая история; сейсморазрыв; историческая сейсмология; археосейсмология

archeoseismology and historical seismology can be quite helpful. Legends and more specific information on ancient constructions' collapse can provide some useful information on earthquake dates, as well as earth tremor mapping. To locate seismic foci of the earthquakes of the past and assess their parameters, we may recourse to dating their geological vestiges, written evidence and archaeoseismological study outcomes obtained by means of velocity destruction indicators set in ancient buildings.

Our comparative analysis has shown that the events of 2011-2012 are «ordinary» events against the background of the most powerful seismic catastrophes of the 20th century in the Altai-Sayan region, as well as prehistoric palaeoearthquakes located in the Kaakhem fault zone.

Keywords: Altai-Sayan region; Tuva earthquake; Kaakhem fault; paleoearthquakes; seismic history; seismofault; historical seismology; archaeoseismology

Введение

Тувинские землетрясения 2011–2012 гг. стали сильнейшими за всю историю сейсмологических наблюдений в Туве. Они не привели к человеческим жертвам, но имели серьезные последствия и вызвали большой переполох среди жителей республики. Ущерб от землетрясения составил более 2 миллиардов рублей; в ходе обследования зданий и сооружений выявлено 2158 повреждённых объектов, среди которых: предприятия жизнеобеспечения, мосты и дороги, жилье, школы, детсады, больницы, сельские клубы и библиотеки.

Землетрясения 2011–2012 гг. привлекли пристальное внимание специалистов и стали первыми, хорошо изученными сейсмическими событиями Тувы. Фрагментарные сейсмогеологические исследования сильных землетрясений современности проводились еще в XIX в., а со второй половины XX в., в передовых странах, они стали систематическими. В результате таких исследований выяснилось, что сейсмические очаги, как правило, приурочены к зонам активных разломов, а землетрясения представляют собой самые яркие проявления современных тектонических движений. С нарастанием энергии землетрясения, оценкой которой служит относительная, безразмерная величина — магнитуда (M), очаги землетрясений

становятся не только больше, но и сложнее в структурном отношении (Рогожин, 2012). На поверхности сейсмические очаги проявляются в виде первичных нарушений — сейсморазрывов (выход очага на поверхность), складок и других импульсных изгибов земной поверхности, связанных с тектоническими деформациями (рис. 1). Основное количество нарушений рельефа (оползни, обвалы, вибрационные трещины и др.) при землетрясениях образуется в результате собственно сейсмических сотрясений. В связи с этим они получили название вторичных деформаций.

Рис. 1. Сейсморазрыв Алтайского землетрясения 2003 г. на водоразделе рек Талдура и Кускуннур.

Fig.2. Seismal foci of significant earthquakes in the Altai-Sayan Region and adjacent territories

В целом же, по материалам изучения сильных землетрясений современные сейсмогеологические методы позволяют ответить на следующие вопросы: каковы масштабы события, какие именно тектонические движения привели к этому землетрясению и какова их история. Ответы на озвученные вопросы имеют очевидное прогностическое значение.

Сейсмическая история Алтае-Саянского региона

Алтае-Саянское нагорье — область активного горообразования, продолжающегося и в наши дни, свидетельством чему служат многочисленные сильные землетрясения современности (рис. 2).

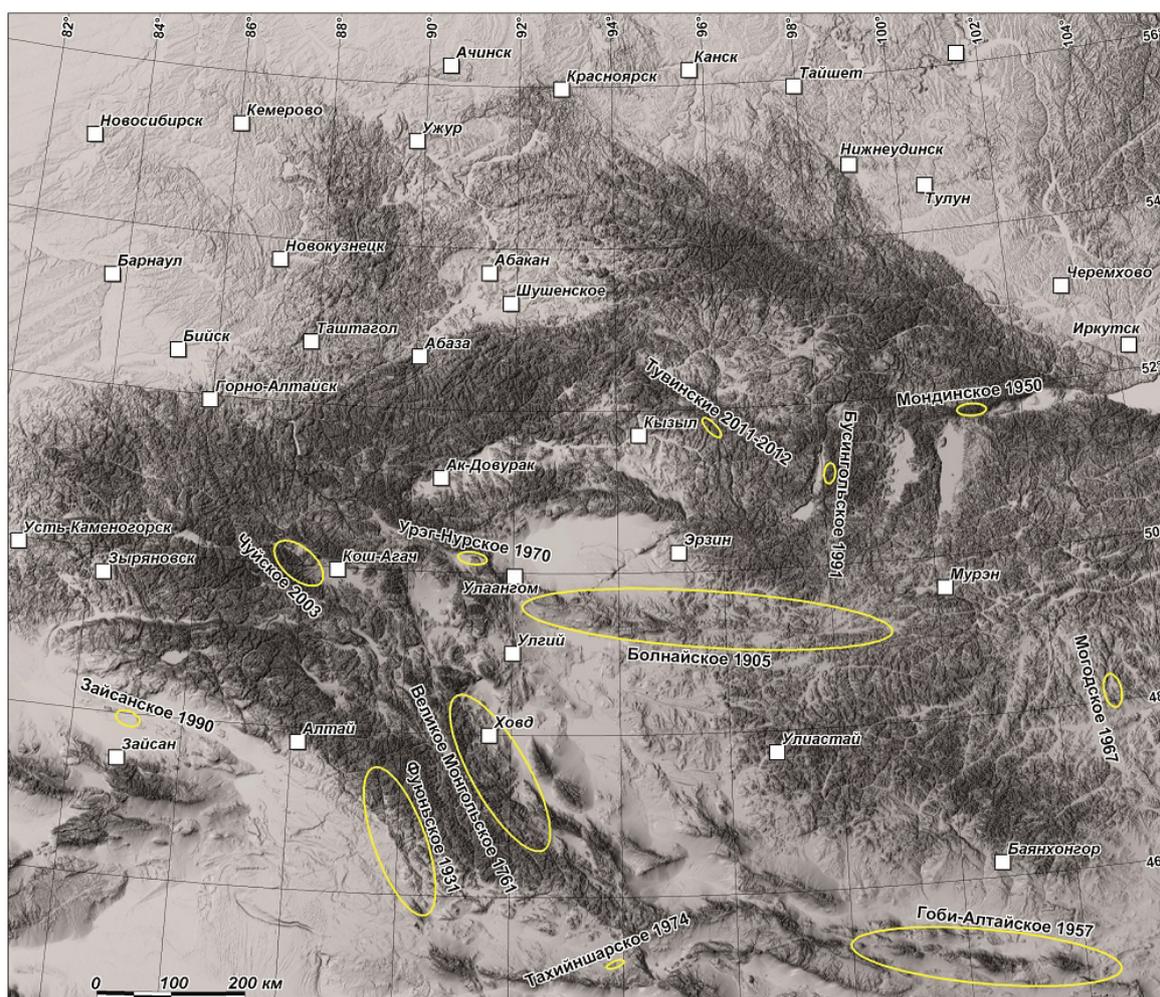

Рис. 2. Очаги изученных сильных землетрясений Алтае-Саянского региона и прилегающих территорий.

Fig.2. Seismal foci of significant earthquakes in the Altai-Sayan Region and adjacent territories

Прим.: Очаги показаны желтыми овалами с указанием названия землетрясения и года возникновения. Размеры овалов соответствуют размерам очага по геологическим и сейсмологическим данным и напрямую отражают силу землетрясений.

Известная сейсмическая история Алтае-Саянского региона, в сравнении с соседним Китаем, где она охватывает последние 3000 лет, очень коротка. Скудные сообщения о сейсмическом эффекте нескольких исторических землетрясений второй половины XVIII — начала XX в. известны только для удаленных районов (Минусинска, Кузнецка, Барнаула, Рудного Алтая), тогда как сами очаги этих событий в большинстве своем были расположены в горных хребтах Алтае-Саянского нагорья (Мушкетов, Орлов, 1893). Сбор первичной информации об исторических землетрясениях Горного Алтая в периодической печати и других опубликованных источниках показал, что в части исторических землетрясений надежно оценить параметры сейсмического события (положение эпицентра и магнитуду) на основании сведений о макросейсмическом эффекте преимущественно только в дальней зоне весьма проблематично (Татевосян, Мокрушина, 2014).

Однако, в 1980-х гг. на основе опросов местного населения и специально проведенных палеосейсмогеологических исследований в Монгольском Алтае был локализован очаг Великого Монгольского землетрясения 1761 г., которое ощущалось на огромной территории, достигнув Рудного Алтая, Бийска и Барнаула (Хилько и др., 1985). Выяснилось, что в районе эпицентра, где интенсивность сотрясений достигла 11 баллов по шкале MSK-64, память об ужасном землетрясении передавалась из поколения в поколение. Очаг землетрясения иркутскими сейсмогеологами привязан к молодому сейсморазрыву Ар-Хутэл длиной около 215 км, по которому произошел одноактный правосторонний сдвиг в горизонтальной плоскости на 4,5–7 м.

По всей видимости, обнаружение подобных свидетельств исторических землетрясений возможно и в Туве. Так, имеются неопределенные сведения о землетрясении 1771 г., эпицентр которого очень условно помещен в северной части Шапшальского хребта (Кондорская, Шебалин, 1977). О землетрясении практически ничего не известно, кроме того, что оно ощущалось на Рудном Алтае и в Кузнецке, но не распространилось столь широко как в 1761 г. (Мушкетов, Орлов, 1893). Такие же, крайне неопределенные сведения имеются о землетрясении в 1902 г., эпицентр которого также условно помещен в район хребта Западный Тану-Ола (Кондорская, Шебалин, 1977). По тем же данным, эпицентры нескольких ощутимых землетрясений (1885 и 1905 гг.) условно помещены в район Западного Саяна. Не только эти, но и другие исторические землетрясения Тувы ждут своих исследователей.

Исследования землетрясений Алтае-Саянского региона были начаты в 1905 г. А. В. Вознесенским (Вознесенский, 1906). Они были проведены в эпицентральной области сильнейших Болнайских (Таннуольских) землетрясений 1905 г. Им впервые была закартирована система сейсморазрывов длиной около 400 км, возникших в очаге землетрясений 1905 г., и сделано детальное описание этого грандиозного природного феномена. Землетрясения 1905 г. охватили огромную территорию Сибири, включая и Туву, где вызвали сотрясения интенсивностью 6–7 баллов, оставшиеся в памяти местных жителей. Сейсмическая активизация началась сильным землетрясением 9 июля 1905 г. ($M=7.6-7.7$), которое ощущалось почти по всей Монголии, вплоть до Пекина, а в Сибири — от Томска на западе, до Сретенска на востоке и Киренска на севере (Хилько и др., 1985). Это событие породило систему сейсморазрывов длиной около 130 км. 23 июля 1905 г. произошло гораздо более мощное, главное землетрясение с $M=8,2-8,3$ (11 баллов шкале MSK-64), которое наряду с Гоби-Алтайским 1957 г. вошло в число сейсмических катастроф мирового масштаба. Очаг этого землетрясения вышел на поверхность в виде системы сейсморазрывов общей протяженностью около 500 км, вдоль которой произошел левосторонний сдвиг в горизонтальной плоскости на 5-10 м (Молнар и др., 1995).

Инструментальные данные о землетрясениях Алтае-Саянской горной страны с $M>5.0$ появляются с 1913 г. В связи с большой удаленностью сейсмических станций в то время, эта информация мало пригодна для локализации очагов землетрясений в пределах конкретных сеймотектонических структур. Из этого периода известно несколько десятков землетрясений. Сильнейшее из них, Фуюньское землетрясение ($M=7,9-8,0$) произошло 11 августа 1931 г. в китайском Алтае. Истинный масштаб событий в эпицентральной области выяснился только к концу 1970-х годов. Китайскими сейсмогеологами был обнаружен очаг землетрясения 1931 г. где прослежена система сейсморазрывов длиной около 170 км (Yang, Ge, 1980). Сейсморазрывы образовались в результате импульсного правостороннего сдвига в горизонтальной плоскости на 8–11 м. Судя по сообщениям из некоторых пунктов Рудного Алтая, в верховьях Иртыша, на границах Алтайского края, Казахстана и Китая, интенсивность сотрясений 11 августа 1931 г. составила не менее 6 баллов (Кондорская, Шебалин, 1977).

Первые комплексные сейсмогеологические исследования в Алтае-Саянском регионе были выполнены в связи с катастрофическим Гоби-Алтайским землетрясением 1957 г. ($M=8,3$). Работы специальной Советско-Монгольской экспедиции, проведенные в 1957–1958 гг. под руководством

В. П. Солоненко и Н. А. Флоренсова, вышли далеко за рамки изучения последствий этого землетрясения и превратились в крупное научное исследование сейсмичности как природного феномена (Флоренсов, Солоненко, 1963). Гоби-Алтайское землетрясение началось в полдень 4 декабря 1957 г. пятибалльным предварительным толчком (форшоком), спасшим много человеческих жизней: жители выбежали из помещений и когда через минуту последующий могучий удар разрушил, а местами буквально смел с лица Земли некоторые строения, в них уже почти никого не было и только кое-где в горах несколько человек погибли под обвалами. Этот сейсмический удар ощущался жителями Монголии, Сибири и Китая на площади около 5 млн км².

Очаг землетрясения 1957 г. вышел на поверхность в виде сложной системы сейсморазрывов, охватившей участок Гобийского Алтая длиной примерно 275 км и шириной более 30 км. Максимальные горизонтальные и вертикальные компоненты смещений по разрывам достигают 8 и 9 м соответственно, хотя они существенно варьируют по простиранию системы. В результате землетрясения целая цепочка отдельных горных массивов и хребтов была приподнята и перемещена в горизонтальном направлении на 8–9 м. Такие грандиозные одноактные перемещения со всей очевидностью показали, как растут горы Алтае-Саянского региона.

По итогам исследования Гоби-Алтайского землетрясения был разработан палеосейсмогеологический метод, направленный на выявление следов землетрясений древности (палеосейсмодислокаций) и оценку их основных параметров (Флоренсов, 1960; Солоненко, 1962). Метод основан на обнаружении в очаге Гоби-Алтайского землетрясения следов сейсмических активизаций далекого прошлого, отсутствующих в каких-либо иных источниках кроме геологической летописи. Эти идеи были плодотворно восприняты многими исследователями, и с тех пор начаты палеосейсмогеологические исследования по всему Алтае-Саянскому региону, включая и Туву. Свое развитие они получили по всему миру, что привело к появлению отдельного научного направления — палеосейсмологии, с глубоко проработанными методическими приемами (Палеосейсмология, 2011).

С 1963 г. была начата регистрация всех землетрясений Алтае-Саянского региона с $M \geq 3,5$ (Жалковский и др., 1995). Одно из сильнейших сейсмических событий инструментального этапа наблюдений — Могодское землетрясение с магнитудой $M=7,8$ и интенсивностью в эпицентре (I_0) — 10 баллов, произошло 5 января 1967 г. в центре Монголии (Хилько и др., 1985). Это сейсмическое событие оказалось неожиданно сильным для

считавшейся ранее умеренно сейсмоактивной территории Центральной Монголии и продемонстрировало необычайно сложное строение очага. Сейсмический очаг вышел на поверхность в виде сложной и протяженной (примерно 45 км) системы сейсморазрывов, охватившей не одну протяженную плоскость сейсмогенерирующей подвижки, как это часто бывает при сильных землетрясениях, а плоскости двух крупных разломов меридионального и северо-западного простирания вблизи узла их пересечения (Рогожин, 2012).

В 1970 г., в приграничном районе Монголии и Юго-Западной Тувы произошло Урэг-Нурское землетрясение с $M=7,0$. Очаг землетрясения приурочен к тектоническому узлу в районе пересечения двух крупных активных разломов (Шапшальский и Цаган-Шибэтинский), но не был связан ни с одной из этих магистральных структур. По характеру обнаруженной в эпицентральной области системы сейсморазрывов длиной 6–8 км, в сейсмическую активизацию оказался вовлечен небольшой горный массив Цагдул-Ула (Хилько и др., 1985). Величина вертикального смещения достигла 2 м, сдвига — 0,5 м. Интенсивность сотрясений в эпицентральной зоне, судя по характеру и масштабу остаточных деформаций, могла достигать 9–10 баллов.

4 июля 1974 г. в Юго-Западной Монголии произошло Тахийншарское землетрясение ($M=6,9-7,0$, $I_0 = 9$ баллов). Очаг землетрясения вышел на поверхность в виде извилистой системы сейсморазрывов длиной около 17 км (Хилько и др., 1985). Максимальное вертикальное смещение по разрывам достигло 0,4 м, а горизонтальное (левый сдвиг) — 0,3–0,4 м. Относительно магнитуды события, величина смещений оказалась довольно небольшой.

В Восточном Казахстане 14 июня 1990 г. произошло Зайсанское землетрясение с $M=6,9-7,0$ (Рогожин, 2012). На то время оно стало сильнейшим для территории Русского Алтая и всего Восточного Казахстана за инструментальный этап наблюдений, чем внесло существенные коррективы в существовавшие представления о сейсмичности региона. Большая глубина гипоцентра главного толчка (35–40 км) была причиной сравнительно скромного сейсмического эффекта на поверхности — до 8-ми баллов. Все деформации поверхности носили, по-видимому, вторичный — вибрационный или сейсмогравитационный характер. Возможно, лишь линейная субширотно вытянутая система трещин общей протяженностью более 20 км, может косвенно отражать на поверхности проекцию верхней кромки сейсмического очага.

Гораздо более сильное землетрясение произошло 27 сентября 2003 г. на территории Горного Алтая ($M=7,3$, $I_0=9-10$ баллов). Оно получило название Чуйского или Алтайского. Очаг землетрясения вышел на поверхность в виде протяженной (более 70 км) системы правых сдвигов со смещением в горизонтальной плоскости до 1,5–2,0 м (Рогожин и др., 2007). Это землетрясение не привело к человеческим жертвам, но вызвало образование многочисленных сейсмовибрационных трещин в п. Бельтир, расположенном на надпойменной террасе р. Чаган-Узун, в результате чего поселок был перенесен в другое место. В целом, землетрясение 2003 г. было изучено очень детально с самых разных сторон, включая и сейсмическую историю очага за последние 10 тыс. лет.

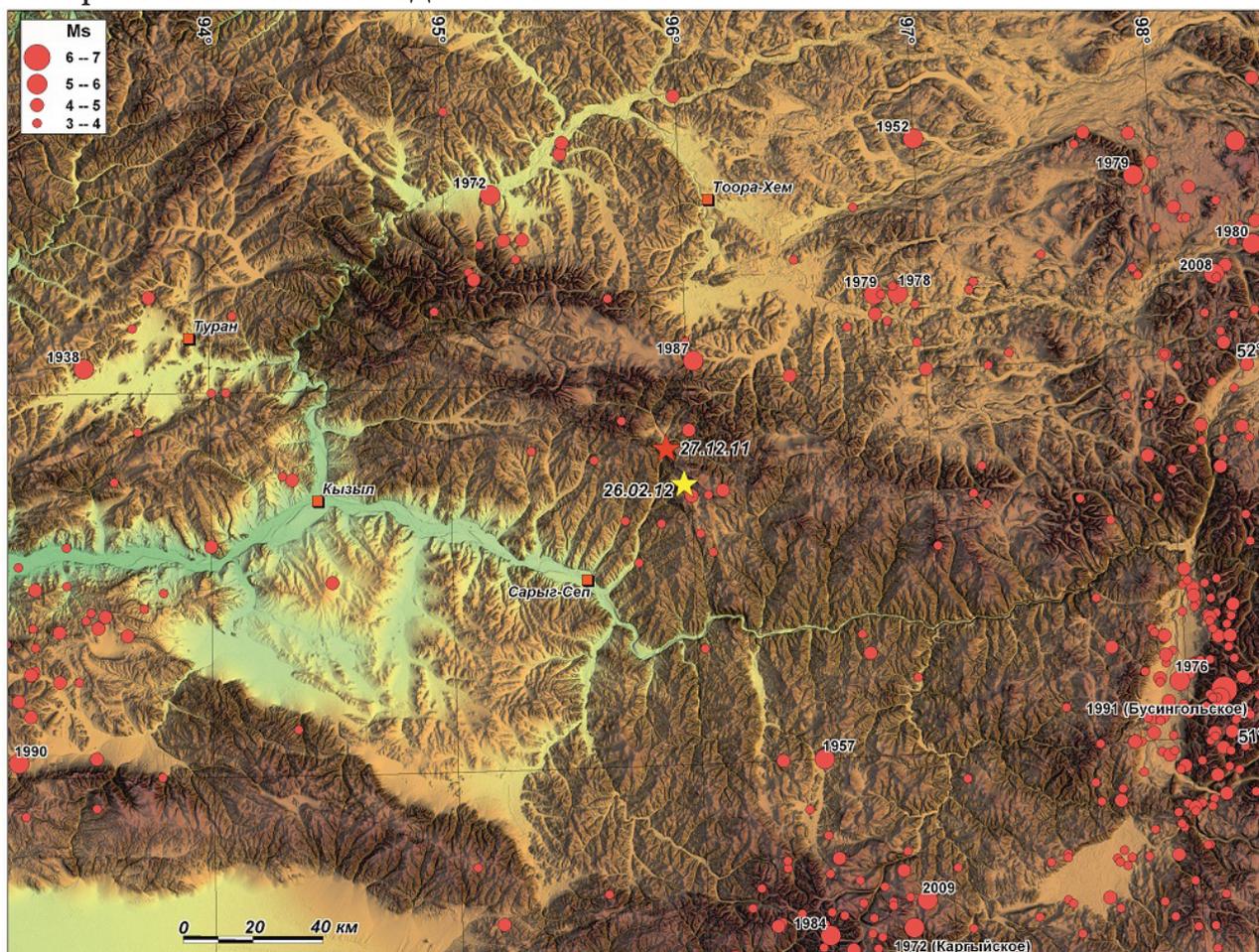

Рис. 3. Сейсмичность Восточной Тувы до тувинских землетрясений по данным (Каталог, Электр. ресурс).

Fig.3. Seismic activity in Eastern Tuva prior to earthquakes in Tuva (Source: Katalog...)

Прим.: Эпицентры Тувинских землетрясений 2011–2012 гг. показаны звездочками по данным (Еманов и др., 2014).

В Туве до событий 2011–2012 гг. сильнейшим землетрясением было Бусингольское 1991 г. с $M=6,5$ (рис. 3). Оно случилось на востоке Тувы, в пределах Билино-Бусингольской впадины, представляющей собой крайний юго-западный сегмент хорошо изученной Байкальской рифтовой зоны. Землетрясение произошло в приграничном районе с Монголией. Насколько известно, это событие было изучено только с сейсмологической точки зрения (Еманов и др., 2005). Среди землетрясений Тувы до 2011 г., полноценно изученных с геологической точки зрения, можно отметить лишь одно — Каргыйское 1972 г. с $M=5,7$ (Чернов и др., 1974). При землетрясении возникли только вторичные нарушения — обвалы, осыпи, выбросы и выколы глыб, вибрационные трещины и т. п. По ним были составлены представления об интенсивности сотрясений в эпицентральной области — 7–8 баллов.

О тувинских землетрясениях 2011–2012 гг.

Первое тувинское землетрясение произошло 27 декабря 2011 г., примерно в 100 километрах восточнее г. Кызыл. По данным Геофизической службы РАН это событие имело $M_s=6,7$ и расчетную интенсивность в эпицентре 8 баллов. После непродолжительного афтершокового процесса, два месяца спустя — 26 февраля 2012 г. практически в той же эпицентральной зоне произошло второе землетрясение с $M_s=6,8$ и расчетной интенсивностью в эпицентре 9 баллов.

Институт Физики Земли РАН совместно с Тувинским институтом комплексного освоения природных ресурсов СО РАН с 2012 по 2014 гг. проводили сейсмогеологические исследования в эпицентральной области тувинских землетрясений. Первоначальный разброс в определении эпицентров тувинских землетрясений по данным разных сейсмологических агентств был чрезвычайно велик. В результате полевых работ были закартированы остаточные нарушения землетрясений. По этим данным было установлено точное местоположение очагов землетрясений, их пространственные характеристики, место в геологической структуре региона и сейсмическая история за последние несколько тысяч лет (Рогожин и др., 2012; Овсяченко и др., 2014, 2016). Землетрясения породили сеймотектонические разрывы, обвалы, осыпи, камнепады, трещины отседания на крутых склонах, редкие оползни склонового чехла и трещины с выбросами обводненного песка в поймах крупных рек. Собранные данные о распределении вторичных эффектов землетрясений позволили в общих чертах наметить участки 8-ми и 9-ти балльных сотрясений.

Очаги обоих землетрясений вышли на поверхность в виде закономерных систем сейсморазрывов (рис. 4). Очаг февральского события был обнаружен и предварительно обследован уже в начале апреля 2012 г. (Рогожин и др., 2012). Важно, что обследование было выполнено в зимних условиях, еще до стаивания снега. Это позволило составить представление о разрывах в близком к первоначальному виде. Тем же летом разрывы оплыли, и в густом растительном покрове распознавались уже значительно сложнее. Сейсморазрывы от вторичных трещин отличаются тем, что секут на своем пути все формы рельефа и демонстрируют четкие структурные рисунки, свойственные тектоническим деформациям в целом.

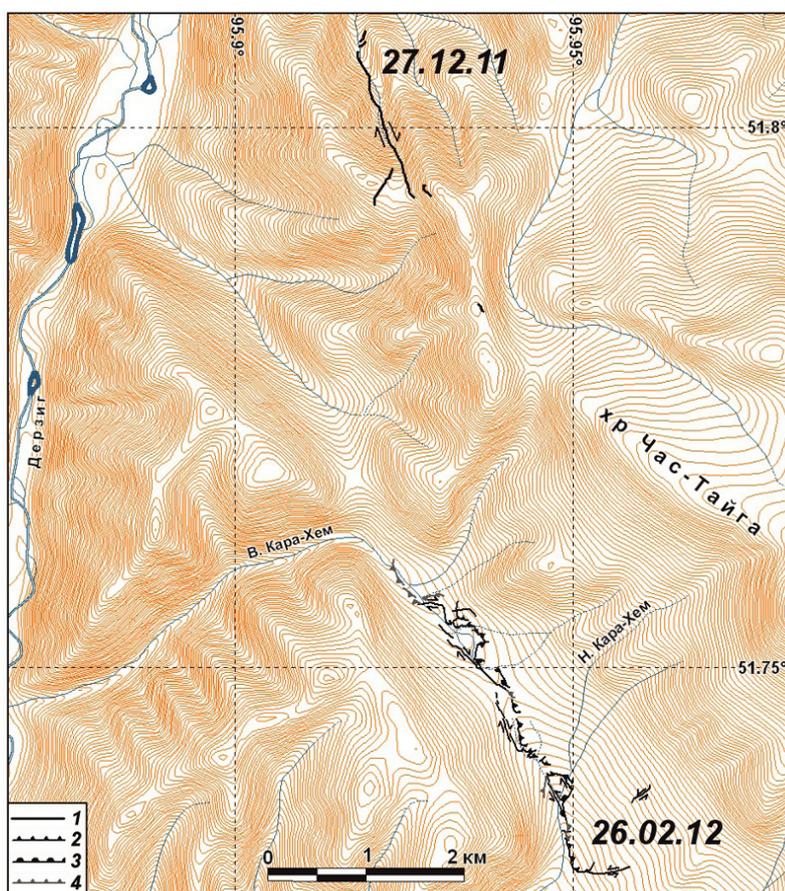

Рис. 4. Карта сейсморазрывов Тувинских землетрясений 2011–2012 гг.

Fig.4 Seismic faults during 2011–2012 earthquakes in Tuva

Прим.: 1 — сдвиги; 2 — взбросы и надвиги (бергштрихи направлены в сторону поднятого крыла); 3 — флексуры (бергштрихи направлены в сторону опущенного крыла); 4 — приразломные антиклинальные валы (бергштрихи направлены в сторону поднятого крыла сопутствующих взбросо-надвигов). Горизонтالي рельефа проведены через 10 м.

Сейсморазрывы возникли на ограничениях более древних тектонических форм рельефа (морфо-структур) — валов-поднятий, крутых бортов седловин-грабенов, а также в спрямленной долине ручья, и разделяют участки с резко различными геоморфологическими условиями. Смещения по разрывам отразили тенденции развития морфо-структур, прослеживаемые на протяжении очень длительного интервала времени — среднего плейстоцена — голоцена. К

ним, в первую очередь, относятся: сокращение поверхности Карахемской впадины (верховья ручьев Верх. и Ниж. Кара-Хем) в результате тектонического сжатия и локальное опускание грабена-седловины на северо-западном склоне хр. Час-Тайга.

Результаты палеосейсмологических исследований показали, что в прошлом здесь происходили такие же, и более сильные землетрясения, которые приводили к образованию сейсморазрывов в тех же местах. Радиоуглеродное датирование следов древних землетрясений дало возможность оценить их повторяемость. Сеймотектонические смещения неоднократно повторялись по одним и тем же индивидуальным разрывам, иногда практически синхронно в разных частях исследованного района. Для очага 1-го тувинского землетрясения 2011 г. получен возраст трех палеоземлетрясений — 3000–3500, 1500–1900 и 300–500 лет назад. По силе предпоследнее событие было сходно с землетрясением 2011 г. ($M=6,7$). Два предыдущих события (3000–3500 и 1500–1900 лет назад) были сильнее. Для очага 2-го тувинского землетрясения (2012 г.), получены датировки двух предыдущих подвижек, произошедших за последние 900 лет — примерно 800–700 и 600–500 лет назад. По своим параметрам предыдущие подвижки были практически аналогичны современной. Можно полагать, что были схожи и параметры землетрясений — магнитуда ($M=6,8$) и интенсивность сотрясений в эпицентре (9 баллов).

Тувинские землетрясения произошли в осевой части горной цепи получившей название Академика Обручева. За полвека инструментальных сейсмологических наблюдений (с 1963 г.) хребет Академика Обручева в сейсмическом отношении проявил себя умеренно активным. В 1960–1980-х годах здесь неоднократно происходили землетрясения с умеренными магнитудами ($M=4-5,5$). Полвека наблюдений — очень небольшой интервал времени для выявления всех сейсмоактивных структур региона, в связи с чем при оценке сейсмической опасности в Алтае-Саянском регионе начиная с 1970-х годов широко используются геологические данные о молодых тектонических деформациях и следах древних землетрясений.

Возможность возникновения на хребте Академика Обручева сильных землетрясений была установлена с использованием сейсмогеологических методов. Яркие проявления молодых (четвертичных) тектонических смещений в западной части хребта были выявлены в середине XX-го столетия (Чудинов, 1959). Позже Г. А. Черновым (Чернов, 1978) в Восточной Туве была намечена сейсмогенерирующая структура, названная Каа-Хемским

сейсмогеном, частично совпадающая с одноименным разломом. По результатам палеосейсмогеологических исследований сейсмический потенциал Каа-Хемской разломной зоны был оценен как $M=6,6-7,0$ (Вдовин, Зеленков, 1982; Аржанников, Зеленков, 1995; Аржанников, 1998). Эти оценки нашли отражение на карте Общего сейсмического районирования России ОСР-97. Таким образом, землетрясения 2011–2012 гг. не стали неожиданными с точки зрения долгосрочного сеймотектонического прогноза, возникнув в уже известной сейсмогенерирующей структуре.

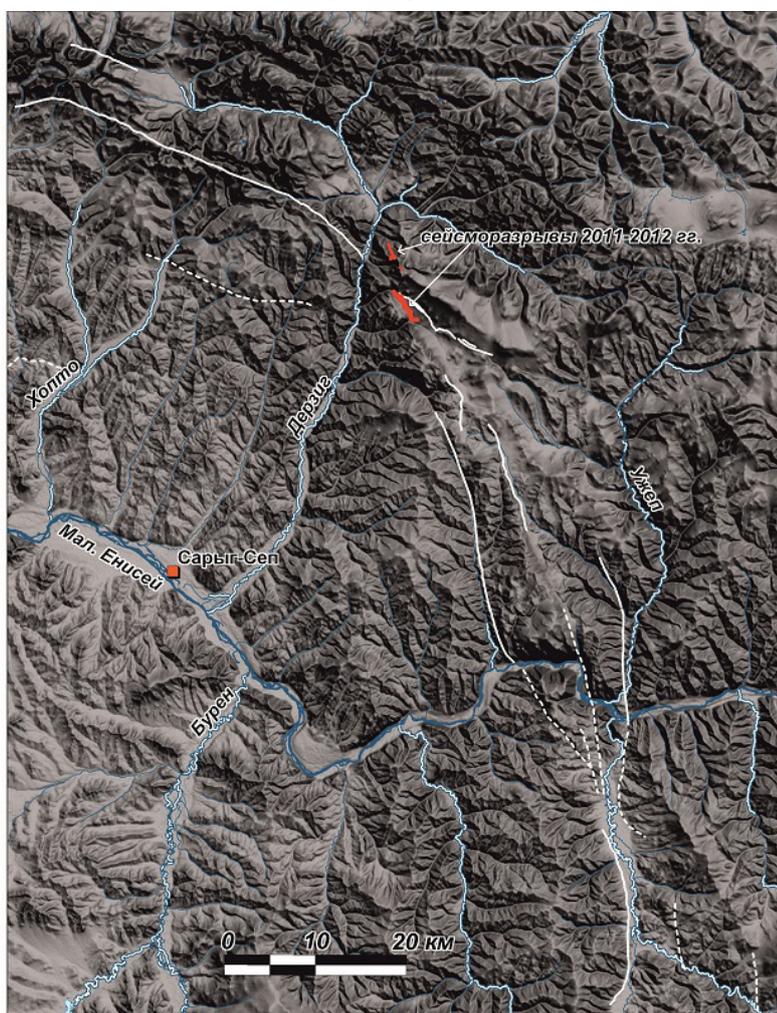

Рис. 5. Сегменты Каа-Хемской системы активных разломов (белые линии) с положением сейсморазрывов 2011–2012 гг.

Fig.5 Segments of the Kaakhem active fault system (faultlines in white), with indication of seismic faults in 2011-2012.

Каа-Хемский разлом, в зоне которого произошли тувинские землетрясения, представляет собой крупнейшую зону смятия шириной 15–20 км. Зона разлома имеет сложнейшую геологическую историю и играла структурообразующую роль

на протяжении всех тектоно-магматических активизаций с конца докембрия. Вдоль зоны Каа-Хемского разлома выявлены сегменты, демонстрирующие следы древних (возрастом в сотни-тысячи лет) сеймотектонических смещений, неоднократно повторявшихся по одним и тем же индивидуальным разрывам (рис. 5). Величины одноактных смещений достигают 2,5 м, а длины сегментов превышают 10 км, достигая 40 км. Это говорит о том, что

здесь происходили и произойдут в будущем более мощные землетрясения, магнитуда которых превышала $M=7,0$.

Заключение

Землетрясения 2011–2012 гг. стали сильнейшими за всю историю сейсмологических наблюдений в Республике Тыва и, таким образом, стали первыми хорошо изученными сильными сейсмическими событиями этого региона. Обзор сейсмической истории как всего Алтае-Саянского региона в целом, так и конкретной сейсмогенерирующей структуры в которой возникли эти землетрясения, показывает, что события 2011–2012 гг. являются «рядовыми» явлениями на фоне мощнейших сейсмических катастроф XX-го века и доисторических палеоземлетрясений случавшихся в Каахемской зоне разломов.

Ввиду очень слабой изученности, важнейшее значение имеет восстановление сейсмической истории Тувы на протяжении последних нескольких тысяч лет. Помимо палеосейсмологического метода, в этом направлении могут помочь методы исторической сейсмологии и археосейсмологии. Удачный пример использования опросов местного населения в локализации очага Великого Монгольского землетрясения 1761 г., показывает применимость методов исторической сейсмологии в Алтае-Саянском регионе. В Тыве подобный случай подтверждения легенды о вулканическом извержении, сохранившемся в памяти людей, результатами геологических исследований приведен А. М. Сугораковой и А. А. Монгушем (2015) на примере лавового потока в долине р. Кыштаг. Информацию о землетрясениях содержат периодическая печать и другие опубликованные источники второй половины XVIII — начала XX в. (Татевосян, Мокрушина, 2014) а также китайские и монгольские летописи (Хилько и др., 1985). Археосейсмологический подход был использован А. В. Паниным (2011) при исследованиях крепости Пор-Бажин, где были обнаружены следы трех землетрясений, произошедших за последние 1500 лет. Использование легенд и более конкретных сведений о разрушениях построек и иных сооружений древности может дать информацию о дате землетрясения и распределении сотрясений на площади, но недостаточно для определения местоположения сейсмических очагов и их параметров. Это возможно с привлечением датировок геологических следов землетрясений, письменных свидетельств и результатов археосейсмологических исследований с использованием кинематических индикаторов разрушений в древних сооружениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аржанников, С. Г. (1998) Сейсмоструктура Восточно-Тувинского нагорья : автореф. дисс. ... канд. геол.-мин.наук. Иркутск. 16 с.
- Аржанников, С. Г., Зеленков, П. Я. (1995) Сильные палеоземлетрясения хребта Академика Обручева (Восточная Тува) // Сейсмичность и сейсмическое районирование Северной Евразии. Вып. 2–3. М. : ОИФЗ РАН. С. 323–330.
- Вдовин, В. В., Зеленков, П. Я. (1982) Сейсмогенные формы рельефа Тувы и Западного Саяна // Закономерности развития рельефа Северной Азии / отв. ред. В. А. Николаев, Н. А. Флоренсов. Новосибирск : Наука. 161 с. С. 99–106.
- Вознесенский, А. В. (1906) Доклад о поездке в Монголию для исследования очагов землетрясений 9-го и 23-го июля 1906 года // Изв. Пост. Центр. сейсмич. ком. Т. II. Вып. 3. С. 83–92.
- Флоренсов, Н. А., Солоненко, В. П. (1963) Гоби-Алтайское землетрясение. М. : Изд-во АН СССР. 391 с.
- Еманов, А. Ф., Еманов, А. А., Филина, А. Г., Лескова, Е. В. (2005) Пространственно-временные особенности сейсмичности Алтае-Саянской складчатой зоны // Физическая мезомеханика. Т. 8. № 1. С. 49–64.
- Еманов, А. Ф., Еманов, А. А., Лескова, Е. В., Селезнев, В. С., Фатеев, А. В. (2014) Тувинские землетрясения 27.12.2011 г., ML = 6.7 и 26.02.2012 г., ML = 6.8 и их афтершоки // Доклады Академии наук. Т. 456. № 2. С. 223–226.
- Жалковский, Н. Д., Кучай, О. А., Мучная, В. И. (1995) Сейсмичность и некоторые характеристики напряженного состояния земной коры Алтае-Саянской области // Геология и геофизика. Т. 36. № 10. С. 20–30.
- Каталог [Электронный ресурс] // Сейсмобезопасность России. URL: http://www.seismorus.ru/eq_cat (дата обращения: 12.12.2016).
- Молнар, П., Курушин, Р. А., Кочетков, В. М., Демьянович, М. Г., Борисов, Б. А., Вашилов, Ю. Я. (1995) Деформация и разрывообразование при сильных землетрясениях в Монголо-Сибирском регионе // Глубинное строение и геодинамика Монголо-Сибирского региона. Новосибирск : Наука. С. 5–55.
- Мушкетов, И. В., Орлов, А. П. (1893) Каталог землетрясений Российской империи. СПб. : Тип. Имп. Академии наук. 582 с.
- Кондорская, Н. В., Шебалин, Н. В. (1977) Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времён до 1975 г. М. : Наука. 535 с.
- Овсяченко, А. Н., Рогожин, Е. А., Мараханов, А. В., Кужугет, К. С., Бутанаев, Ю. В., Новиков, С. С., Ларьков, А. С. (2014) Результаты полевых сейсмогеологических исследований Тувинских землетрясений 2011–2012 гг. // Тувинские землетрясения 2011–2012 гг. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 92 с. С. 57–79.

Овсюченко, А. Н., Рогожин, Е. А., Мараханов, А. В., Ларьков, А. С., Новиков, С. С., Кужугет, К. С., Бутанаев, Ю. В. (2016) Геологические исследования Тувинских землетрясений 2011–2012 гг. // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 43. № 1. С. 5–29.

Палеосейсмология (2011) : в 2-х т. / ред. Дж. П. Мак-Калпин М. : Научный Мир.

Панин, А. В. (2011) Первые данные о позднеголоценовой сейсмике юго-западного замыкания Байкальской рифтовой зоны // Доклады Академии наук. Т. 438. № 1. С. 76–81.

Рогожин, Е. А. (2012) Очерки региональной сеймотектоники. М. : ИФЗ РАН. 340 с.

Рогожин, Е. А., Овсюченко, А. Н., Мараханов, А. В., Ушанова, Е. А. (2007) Тектоническая позиция и геологические проявления Алтайского землетрясения 2003 г. // Геотектоника. № 2. С. 3–23.

Рогожин, Е. А., Овсюченко, А. Н., Мараханов, А. В., Ларьков, А. С., Новиков, С. С. (2012) Тектоническая позиция и предварительные данные о геологических проявлениях Тувинских землетрясений 2011–2012 гг. // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 39. № 2. С. 69–78.

Солоненко, В. П. (1962) Определение эпицентральных зон землетрясений по геологическим признакам // Известия АН СССР. Сер. геол. № 11. С. 58–74.

Сугоракова, А. М., Монгуш, А. А. (2015) Новейший вулканизм Восточной Тувы и подтверждение древней легенды // Сейсмическая безопасность региона и воздействие сейсмогеологических и социально-экономических факторов на его развитие. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 ноября 2015 г., Кызыл). Кызыл : РИО ТувГУ. С. 100–102.

Татевосян, Р. Э., Мокрушина, Н. Г. (2014) Макросейсмические сведения об Алтайских землетрясениях 1764–1913 гг. // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 41. № 4. С. 25–56.

Флоренсов, Н. А. (1960) О неотектонике и сейсмичности Монголо-Байкальской горной области // Геология и геофизика. № 1. С. 74–90.

Хилько, С. Д., Курушин, Р. А., Кочетков, В. М., Мишарина, Л. А., Мельникова, В. И., Гилева, Н. А., Ласточкин, С. В., Балжинням, И., Монхоо, Д. (1985) Землетрясения и основы сейсмического районирования Монголии / под ред. В. П. Солоненко и Н. А. Флоренсова. М. : Наука. 244 с.

Чернов, Г. А. (1978) К изучению сейсмогеологии и неотектоники Алтае-Саянской горной области // Сейсмогеология восточной части Алтае-Саянской горной области / отв. ред. В. П. Солоненко, Николаев В. А. Новосибирск : Наука. 104 с. С. 6–27.

Чернов, Г. А., Жалковский, Н. Д., Цибульчик И. Д. (1974) Каргыйское землетрясение 28 февраля 1972 года // Геология и геофизика. № 7. С. 124–132.

Чудинов, Ю. В. (1959) Новейшие тектонические движения в районе бассейна р. Улуг-О и хребта Таскыл в северо-восточной Туве // Бюллетень МОИП. Т. XXXIV. № 5. С. 55–70.

Yang, Z., Ge, S. (1980) Preliminary study of the fracture zone of the 1981 Fuyun earthquake and the features of neotectonic movement (in Chinese) // *Seismology and Geology*. Vol. 2. № 3. P. 31–38.

Дата поступления: 08.11.2016 г.

REFERENCES

Arzhannikov, S. G. (1998) *Seismotektonika Vostochno-Tuvinskogo nagor'ia* : Thesis of Diss. ... Candidate of Geological-Mineralogical Sciences. Irkutsk. 16 p. (In Russ.).

Arzhannikov, S. G. and Zelenkov, P. Ia. (1995) Sil'nye paleozemletriaseniia khrebta Akademika Obrucheva (Vostochnaia Tuva). *Seismichnost' i seismicheskoe raionirovanie Severnoi Evrazii*, vol. 2–3. Moscow, OIFZ RAN. Pp. 323–330. (In Russ.).

Vdovin, V. V. and Zelenkov, P. Ia. (1982) Seismogennye formy rel'efa Tuvy i Zapadnogo Saiana. In: *Zakonomernosti razvitiia rel'efa Severnoi Azii*, ed. V. A. Nikolaev and N. A. Florensov. Novosibirsk, Nauka. 161 p. Pp. 99–106. (In Russ.).

Voznesenskii, A. V. (1906) Doklad o poezdke v Mongoliiu dlia issledovaniia ochagov zemletriasenii 9-go i 23-go iuliia 1906 goda. *Izv. Post. Tsent. seismich. kom.*, vol. II, issue 3, pp. 83–92. (In Russ.).

Florensov, N. A. and Solonenko, V. P. (1963) *Gobi-Altayskoe zemletriasenie*. Moscow, AN SSSR Publ. 391 p. (In Russ.).

Emanov, A. F., Emanov, A. A., Filina, A. G. and Leskova, E. V. (2005) Prostranstvenno-vremennye osobennosti seismichnosti Altae-Saianskoii skladchatoi zony. *Fizicheskaiia mezomekhanika*, vol. 8, no. 1, pp. 49–64. (In Russ.).

Emanov, A. F., Emanov, A. A., Leskova, E. V., Seleznev, V. S. and Fateev, A. V. (2014) Tuvinskie zemletriaseniia 27.12.2011 g., ML = 6.7 i 26.02.2012 g., ML = 6.8 i ikh aftershoki. *Doklady Akademii nauk*, vol. 456, no. 2, pp. 223–226. (In Russ.).

Zhalkovskii, N. D., Kuchai, O. A. and Muchnaia, V. I. (1995) Seismichnost' i nekotorye kharakteristiki napriazhennogo sostoianiia zemnoi kory Altae-Saianskoii oblasti. *Geologiiia i geofizika*, vol. 36, no. 10, pp. 20–30. (In Russ.).

Katalog. *Seismobezopasnost' Rossii* [online] Available at: http://www.seismorus.ru/eq_cat (access date: 12.12.2016). (In Russ.).

Molnar, P., Kurushin, R. A., Kochetkov, V. M., Dem'ianovich, M. G., Borisov, B. A. and Vashchilov, Iu. Ia. (1995) Deformatsiia i razryvoobrazovanie pri sil'nykh zemletriaseniiaikh v Mongolo-Sibirskom regione. In: *Glubinnoe stroenie i geodinamika Mongolo-Sibirskogo regiona*. Novosibirsk, Nauka. Pp. 5–55. (In Russ.).

Mushketov, I. V. and Orlov, A. P. (1893) *Katalog zemletriasenii Rossiiskoi imperii*. St. Petersburg, Tip. Imp. Akademii nauk. 582 p. (In Russ.).

Kondorskaia, N. V. and Shebalin, N. V. (1977) *Novyi katalog sil'nykh zemletriasenii na territorii SSSR s drevneishikh vremen do 1975 g.* Moscow, Nauka. 535 p. (In Russ.).

Ovsiuchenko, A. N., Rogozhin, E. A., Marakhanov, A. V., Kuzhuget, K. S., Butanaev, Iu.

V., Novikov, S. S. and Lar'kov, A. S. (2014) Rezul'taty polevykh seismogeologicheskikh issledovaniy Tuvinskiykh zemletriaseniy 2011–2012 gg. In: *Tuvinskiye zemletriaseniya 2011–2012 gg.* Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 92 p. Pp. 57–79. (In Russ.).

Ovsiuchenko, A. N., Rogozhin, E. A., Marakhanov, A. V., Lar'kov, A. S., Novikov, S. S., Kuzhuget, K. S. and Butanaev, Iu. V. (2016) Geologicheskie issledovaniya Tuvinskiykh zemletriaseniy 2011–2012 gg. *Voprosy inzhenernoi seismologii*, vol. 43, no. 1, pp. 5–29. (In Russ.).

Paleoseismologiya (2011) : in 2 vol., ed. Dzh. P. Mak-Kalpin. Moscow, Nauchnyi Mir.

Panin, A. V. (2011) Pervye dannye o pozdnegolotsenovoi seismike iugo-zapadnogo zamykaniya Baikal'skoi riftovoi zony. *Doklady Akademii nauk*, vol. 438, no. 1, pp. 76–81. (In Russ.).

Rogozhin, E. A. (2012) *Ocherki regional'noi seismotektoniki*. Moscow, IFZ RAN. 340 p. (In Russ.).

Rogozhin, E. A., Ovsiuchenko, A. N., Marakhanov, A. V. and Ushanova, E. A. (2007) Tektonicheskaya pozitsiya i geologicheskie proiavleniya Altaiskogo zemletriaseniya 2003 g. *Geotektonika*, no. 2, pp. 3–23. (In Russ.).

Rogozhin, E. A., Ovsiuchenko, A. N., Marakhanov, A. V., Lar'kov, A. S. and Novikov, S. S. (2012) Tektonicheskaya pozitsiya i predvaritel'nye dannye o geologicheskikh proiavleniyakh Tyvinskiykh zemletriaseniy 2011–2012 gg. *Voprosy inzhenernoi seismologii*, vol. 39, no. 2, pp. 69–78. (In Russ.).

Solonenko, V. P. (1962) Opredelenie epitsentral'nykh zon zemletriaseniy po geologicheskim priznakam. *Izvestiya AN SSSR, Issue Geology*, vol. 11, pp. 58–74. (In Russ.).

Sugorakova, A. M. and Mongush, A. A. (2015) Noveishiy vulkanizm Vostochnoi Tuvy i podtverzhdenie drevnei legendy. In: *Seismicheskaya bezopasnost' regiona i vozdeystvie seismogeologicheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na ego razvitie. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (17–18 noiabria 2015 g., Kyzyl)*. Kyzyl, RIO TuvGU. Pp. 100–102. (In Russ.).

Tatevosian, R. E. and Mokrushina, N. G. (2014) Makroseismicheskie svedeniya ob Altaiskikh zemletriaseniyakh 1764–1913 gg. *Voprosy inzhenernoi seismologii*, vol. 41, no. 4, pp. 25–56. (In Russ.).

Florensov, N. A. (1960) O neotektonike i seismichnosti Mongolo-Baikal'skoi gornoj oblasti. *Geologiya i geofizika*, no. 1, pp. 74–90. (In Russ.).

Khil'ko, S. D., Kurushin, R. A., Kochetkov, V. M., Misharina, L. A., Mel'nikova, V. I., Gileva, N. A., Lastochkin, S. V., Balzhinniam, I. and Monkhoov, D. (1985) *Zemletriaseniya i osnovy seismicheskogo raionirovaniya Mongolii*, ed. V. P. Solonenko and N. A. Florensova. Moscow, Nauka. 244 p. (In Russ.).

Chernov, G. A. (1978) K izucheniyu seismogeologii i neotektoniki Altae-Saianskoi gornoj oblasti. In: *Seismogeologiya vostochnoi chasti Altae-Saianskoi gornoj oblasti*, ed. V. P. Solonenko and V. A. Nikolaev. Novosibirsk, Nauka. 104 p. Pp. 6–27. (In Russ.).

Chernov, G. A., Zhalkovskii, N. D. and Tsibul'chik I. D. (1974) Kargyiskoe zemletriasenie 28 fevralia 1972 goda. *Geologiya i geofizika*, no. 7, pp. 124–132. (In Russ.).

Chudinov, Iu. V. (1959) Noveishie tektonicheskie dvizheniia v raione basseina r. Ulug-O i khrebta Taskyl v severo-vostochnoi Tuve. *Biulleten' MOIP*, vol. XXXIV, no. 5, pp. 55–70. (In Russ.).

Yang, Z., Ge, S. (1980) Preliminary study of the fracture zone of the 1981 Fuyun earthquake and the features of neotectonic movement (in Chinese). *Seismology and Geology*, vol. 2, no. 3, pp. 31–38. (In Russ.).

Submission date: 08.11.2016.

Для цитирования:

Овсюченко А. Н., Бутанаев Ю. В. Сейсмическая история Алтае-Саянского региона и место в ней тувинских землетрясений 2011–2012 гг. [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/703> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.25178/nit.2017.1.11

For citation:

Ovsyuchenko A. N. and Butanaev Yu. V. Seismic history of the Altai-Sayan region and the 2011-2012 earthquakes in Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/703> (access date: dd.mmm.yy). DOI: 10.25178/nit.2017.1.11

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО

<i>Ламажаа Ч. К.</i> Проблемы определения и изучения субэтнических групп тувинцев ...	5
<i>Дацышен В. Г.</i> Особенности истории усинских тувинцев	23
<i>Кривоногов В. П.</i> Современные этнические процессы у тувинцев юга Красноярского края	45
<i>Сувандии Н. Д., Куулар Е. М.</i> Этнические тувинцы сумона Цагаан-Нуур Монголии: исследовательские проблемы	59
<i>Айыжы Е. В.</i> Погребально-поминальный обряд тувинцев Баян-Ульгийского и Хубсугульского аймаков Монголии	74
<i>Бакаева Э. П.</i> Хошуты Калмыкии и Монголии: историко-этнографический очерк.....	83
<i>Юша Ж. М.</i> Тувинцы Китая в XXI веке: вехи истории и современное состояние ..	102
<i>Трегубова Д. Д.</i> Буряты в субэтническом измерении (особенности этнической идентификации)	120
<i>Чемчиева А. П.</i> Субэтнические группы алтайцев: противоречия и символы коллективной идентичности	135

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

<i>Татаринцева М. П.</i> Особенности земледелия русских переселенцев в Туву в начале XX века	152
--	-----

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

<i>Овсяченко А. Н., Бутанаев Ю. В.</i> Сейсмическая история Алтае-Саянского региона и место в ней тувинских землетрясений 2011–2012 гг.	163
--	-----

CONTENTS

ETHNICITY AND SOCIETY

<i>Lamazhaa Ch. K.</i> Sub-ethnic groups of the Tuvans : problems of definition and research...	5
<i>Dazishen V. G.</i> Aspects of history of the Usinsk Tuvans	23
<i>Krivotonogov V. P.</i> Contemporary ethnic processes in Tuvan population in the south of Krasnoyarskii Krai.....	45
<i>Suvandii N. D., Kuular E. M.</i> Ethnic Tuvans in Tsagaan-Nuur sumon, Mongolia: Research issues	59
<i>Ayyzhy E. V.</i> The funeral and commemoration rite among the Tuvans of Bayan-Ölgii and Khövsgöl aimags, Mongolia.....	74
<i>Bakaeva E. P.</i> The Khoshuts of Kalmykia and Mongolia: a historical and ethnographical overview.....	83
<i>Yusha Z. M.</i> Tuvans in 21st century China: history and contemporary situation	102
<i>Tregubova D. D.</i> The sub-ethnic aspects of the Buryats: the issues of ethnic self-identification	120
<i>Chemchieva A. P.</i> Sub-ethnic groups of the Altai people: contradictions and symbols of a collective identity	135

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Tatarintseva M. P.</i> Agricultural practices of Russian settlers in early 20th century Tuva	152
---	-----

THE MAN AND THE NATURE

<i>Ovsyuchenko A. N., Butanaev, Yu. V.</i> Seismic history of the Altai-Sayan region and the 2011-2012 earthquakes in Tuva	163
--	-----

«НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ»

Электронный периодический журнал

Главный редактор - Ч. К. Ламажаа.

Редактор - В. С. Макаров.

111395, г. Москва,
ул. Юности, д. 5, корп. 6, каб. 17.

«НИТ» № 1 2017 г. подписан к публикации 20.02.2017 г.

Объем - 11,4 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia

www.tuva.asia